

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

ДЕМОСӨЕНЪ И ЦИЦЕРОНЪ

ИХЪ ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

~~~~~

БІОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

Е. Орлова.

Съ портретами Демосөена и Цицерона, гравирован. въ Петербургѣ К. Адтомъ.

.....

ЦѢНА 25 КОП.

.....

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.

1898.

Демосеенъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 17 Юня 1898 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ДЕМОСОЕНЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	20

ЦИЦЕРОНЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ	45
ГЛАВА ВТОРАЯ	65

Источники біографіи Демосеена.

1. **Demosthenes**—Opera omnia. Paris 1845. ed. Didot. Rec. Voemelius.
2. **Plutarchus**—Vitae — Demosthenes. Paris 1847 ed. Didot. Rec. Doehner.
3. **G. Grote** — A History of Greece. London 1872. т. IX и X, гл. 56—59 и 105.
4. **Lord H. Brougham** — On the eloquence of the Ancients. Works, т. VII. Edinburgh 1872—1873.
5. **A. Schäffer**—Demosthenes und seine Zeit. Leipzig 1856—1858.
6. **F. Blass**—Die Attische Beredsamkeit. Leipzig 1880. III Abtheilung. I Abschnitt.
7. **A. Holm**—Griechische Geschichte. Berlin 1891. III Band, гл. 16—20 и 29.

8. **G. Sittl**—Geschichte der Griechischen Litteratur. München 1884—1887.
9. **M. Weil**—Les Harangues de Démosthène. Paris 1873.
10. **G. Perrot**—Démosthène et ses contemporains, «Revue des deux Mondes» 1872, 1 Juin et 15 Nov.
11. **A. Bougot**—Rivalité d'Eschine et Démosthène. Paris 1891.
12. **M. Croiset**—Des Idées morales dans l'éloquence de Démosthène. Montpellier 1874.

Источники біографіи Цицерона.

1. **M. Tullii Ciceronis**—Opera 11 томовъ. Leipzig 1860—1869. Rec. F. G. Baier, G. L. Kayser *).
2. **Plutarchus**—Vitae. Cicero. Paris 1847. Ed. Didot. Rec. Th. Döhner *).
3. **Cassii Dionis**—Rerum Romanarum liber AZ, etc. Leipzig 1849. Rec. J. Becker.
4. **Sallustii Crispi de conjuratione Catilinae**. Stuttgart 1870. Rec. F. Gerlach *).
5. **W. Drumann**—Geschichte Roms, t. V & VI, Tullii, Königsberg 1834—1844.
6. **Th. Mommsen**—Römische Geschichte, III Band. Fünftes Buch, passim. Berlin 1875 *).
7. **R. Hirzel**—Untersuchungen zu Ciceros Schriften. Leipzig 1882.
8. **G. Boissier**—Cicéron et ses amis. Paris 1865 *).
9. **C. Thiancourt**—Essai sur les traites philosophiques de Cicéron. Paris 1885.
10. **J. A. Deloume**—Les manieurs d'argent à Rome. Paris 1892.
11. **G. d'Hugues**—Une province romaine. Paris 1876.
12. **E. S. Beesley**—Catiline, Clodius and Tiberius. London 1878.
13. **J. Gentile**—Clodio e Cicerone. Milano 1876.
14. **Модестовъ**—Исторія римской литературы. Спб. 1885.

*) Сочиненія, отмѣченныя звѣздочкою, имѣются въ русскомъ переводѣ.

ДЕМОСΘΕΝЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Историческій моментъ и трагизмъ Демосееновой фигуры.—Происхожденіе Демосеена и его образованіе. — Процессъ съ опекунами. — Адвокатура въ Аѣинахъ.—Первыя попытки Демосеена и причины ихъ неудачи.—Недостатки Демосеена, какъ оратора, и борьба съ ними.—Выступленіе на политическое поприще.—Лептиновъ процессъ. — Рѣчь о симморіяхъ.—Начало борьбы съ Македоніей.—Личность и политика Филиппа.—Объявленіе войны.—Первые шаги.—Священная война.—I Филиппика.—Осада Олинѣа и олинескія рѣчи.—Паденіе Олинѣа.—Частная жизнь Демосеена, личный характеръ и исторія съ Мидіемъ.

— Послѣ полутора ста лѣтъ исторіи, поразительной по своему богатому содержанію и вкладамъ, внесеннымъ въ сокровищницу человѣческаго духа, свободная жизнь Эллады стала близиться къ концу. На сцену, какъ непосредственный результатъ персидскихъ войнъ, появился новый экономическій факторъ — коммерческій капиталъ, и дѣйствіе его повсюду, куда онъ проникалъ, сопровождалось разложеньемъ устоевъ, на которыхъ покоился социальный организмъ Греціи. Онъ, прежде всего, разслоилъ въ такихъ общинахъ, какъ Аѣины, однородное дотолѣ населеніе на два класса: торгово-промышленную буржуазію и ремесленный пролетаріатъ, которые во взаимной борьбѣ утеряли прежнюю концепцію о государствѣ, какъ о нѣчто выше стоящемъ, нежели отдѣльные граждане и даже группы ихъ, и превратили его въ предметъ эксплуатаціи и средство къ обогащенію и пропитанію. Онъ далѣе вызвалъ къ жизни неизвѣстное дотолѣ противоположеніе между поземельною и торговою собственностью, и на почвѣ такого антагонизма расчленилъ и безъ того раздробленную Элладу на множество мелкихъ общинъ, забывшихъ во враждѣ другъ къ другу древнія историческія традиціи и сознаніе своего расоваго и культурнаго единства. Онъ, наконецъ, въ сферѣ международнаго обмѣна продуктовъ, поставилъ эллина и варвара лицомъ къ лицу, какъ двухъ независимыхъ и

равноправныхъ личностей, и тѣмъ далъ начало тому космополитизму древности, который такъ походилъ на индифферентизмъ къ интересамъ родины и соплеменниковъ. Словомъ, онъ внесъ повсюду—во внутреннія, взаимныя и внѣшнія отношенія греческихъ общинъ—элементъ разрушенія и тлѣна, и Эллада такимъ образомъ роковыми шагами приближалась къ моменту, когда иноземный завоеватель долженъ былъ положить предѣлъ ея самостоятельности и свободѣ.

Естественно, что Демосеенъ, которому суждено было жить и дѣйствовать въ эту эпоху, представляетъ фигуру по истинѣ трагическую. Всѣ свои огромныя силы, свой дивный даръ краснорѣчія, свою неутомимую энергію, онъ отдалъ на дѣло служенія отечеству—на спасеніе его отъ гибели, на защиту отъ врага; но всѣ его безпримѣрныя усилія были напрасны: онъ всюду натывался на обстоятельства, которыя были сильнѣе его, и наконецъ погибъ, не совершивъ ничего, не оставивъ даже слѣдовъ. Во всей перипетіи великой человѣческой драмы мы не найдемъ другою такого примѣра, столь яркаго и несомнѣннаго, безпомощности человѣческой личности противъ стихійно-неумолимаго хода исторіи, и біографія Демосеена пріобрѣтаетъ поэтому интересъ, далеко превосходящій во многихъ отношеніяхъ интересъ другихъ замѣчательныхъ личностей древняго міра.

Демосеенъ родился въ Аѣнахъ въ 384 г. до Р. Хр. Собственно говоря, эта дата далеко не безспорна; тѣмъ не менѣе она признана за наиболѣе вѣроятную большинствомъ новѣйшихъ изслѣдователей, которые имѣли терпѣніе разобраться во всей массѣ противорѣчивыхъ показаній древнихъ авторовъ. Отецъ оратора, носившій то же имя, что и сынъ, происходилъ изъ небольшого городка Пэаніи близъ Гиметта и принадлежалъ къ respectable буржуазіи, владѣя двумя мастерскими, въ которыхъ съ полсотни рабовъ занимались выдѣлкою оружія и мебели. Менѣе безупречно было происхожденіе Демосеена со стороны матери Клеобулы: во-первыхъ, въ ея жилахъ текла варварская кровь, такъ какъ ея мать была уроженка Фракіи; во-вторыхъ же, отецъ ея, Гилонъ, изъ древняго рода Кераміевъ, запятналъ себя измѣною отечеству, сдѣлавъ босфорскому царю крымскую колонію аѣнянъ Нимфѣй, и прожилъ поэтому всю свою жизнь изгнанникомъ на берегу Чернаго моря. Эти факты, правда, извѣстны намъ со словъ Демосееновыхъ враговъ; но, при отсутствіи свидѣтельствъ къ противоположному или даже протестовъ со стороны самого Демосеена, намъ приходится принимать эти факты за вѣроятные, если и не вполне достовѣрные.

Первая половина жизни Демосфена до его выступления на публичное поприще намъ весьма мало извѣстна. Мы знаемъ лишь, что семи лѣтъ отъ роду онъ потерялъ отца, и вмѣстѣ съ матерью и пятилѣтней сестрою остался подъ опекою двухъ родственниковъ и одного стараго друга дома, которые, какъ это часто бывало во всѣ времена, очень недобросовѣстно отнеслись къ своимъ обязанностямъ и расхитили его имущество почти до тла. Опекунская натура, по-видимому, довольно постоянна, но справедливость требуетъ замѣтить, что воспитаніе Демосфена не было пренебрежено. Плутархъ, основываясь вѣроятно на недошедшей до насъ работѣ Теопомпа, утверждаетъ, правда, противное; но и косвенныя, и прямыя свидѣтельства самого оратора заставляютъ насъ не соглашаться съ нимъ. За слабостью здоровья, заслужившей ему полу-уничжительное прозвище «βῆταλος» — не то «дитя», не то что-то похуже — онъ былъ освобожденъ отъ обычныхъ упражненій въ гимнастикѣ; зато онъ обучался подъ руководствомъ лучшихъ учителей всѣмъ школьнымъ предметамъ того времени. Рассказываютъ, что, будучи еще совершеннымъ ребенкомъ, онъ упротилъ однажды своего воспитателя взять его съ собою въ судъ, гдѣ разбиралось дѣло Каллистрата, обвинявшагося въ государственной измѣнѣ. Рѣчь этого великаго оратора и выдающагося государственнаго дѣятеля была такъ блестяща, что судьи вынесли ему оправдательный вердиктъ и народъ восторженной толпою проводилъ его домой. И на молодого Демосфена рѣчь Каллистрата оказала сильное впечатлѣніе: видя успѣхъ, которымъ она увѣнчалась, онъ рѣшилъ сдѣлаться во что бы то ни стало ораторомъ и посвятить всѣ свои силы на то, чтобъ добиться своей цѣли.

Рассказъ этотъ, по существу своему вѣрный, поскольку касается самаго инцидента въ карьерѣ афинскаго государственнаго дѣятеля, былъ бы недуренъ, еслибы историки, передающіе его, не забыли свести надлежащіе счеты съ хронологіей: дѣло Каллистрата разбиралось приблизительно въ 366 г., а тогда Демосфенъ далеко уже перешагнулъ за дѣтскій возрастъ — ему было уже около 18 лѣтъ — и весь анекдотъ, претендующій указать обстоятельства, вызвавшія въ нашемъ героѣ раннія стремленія къ ораторской дѣятельности и славѣ, теряетъ всякій смыслъ. Тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что Демосфенъ еще въ юные годы сталъ серьезно изучать всѣ предметы, необходимые для оратора, отчасти потому, что они входили въ кругъ общаго образованія того времени, отчасти же потому, что ему предстоялъ процессъ съ опекунами.

Какъ мы уже упоминали выше, эти опекуны были все люди близкіе: двое изъ нихъ, Аѳобъ и Демофонъ, были родные дяди

Демосѣена, а третій, Феррипидъ, былъ закадычный пріятель отца его. Послѣдній, отлично, повидимому, знавшій нравы своего вѣка, и не слишкомъ полагаясь поэтому на одни родственныя и дружескія чувства, рѣшилъ закрѣпить ихъ солиднымъ вознагражденіемъ въ видѣ упоминанія въ завѣщаніи: онъ отказалъ Аѳобу 80 минъ деньгами (мина = 40 руб.) съ тѣмъ однако, чтобъ онъ женился на вдовѣ, Демофону—2 таланта (талантъ = 2.400 р.) съ тѣмъ, чтобы онъ взялъ его дочь, когда она прійдетъ въ возрастъ, а Феррипиду—проценты съ 70 минъ за все время несовершеннолѣтія сына безъ всякихъ обратныхъ обязательствъ. Какъ и слѣдовало ожидать, опекуны одну половину дѣла—ту, которая относилась къ деньгамъ,—выполнили весьма исправно, а отъ другой—матримоніальной—столь же исправно уклонились; въ результатѣ оказалось, что ко времени достиженія Демосѣеномъ совершеннолѣтія—на 18-мъ году отъ роду—отъ довольно крупнаго по тогдашнимъ временамъ наслѣдства въ 14 талантовъ, не считая выросших за 11 лѣтъ процентовъ, остались однѣ крохи. Тогда Демосѣенъ и началъ тяжбу, предъявивъ противъ опекуновъ искъ на расхищенную сумму. По обычаямъ аѳинскаго судопроизводства, истецъ обязанъ былъ самолично вести свое дѣло, и такъ какъ процессу, повидимому, предстояло затянуться на долго, благодаря интригамъ вліятельныхъ опекуновъ, то Демосѣенъ воспользовался этимъ, чтобъ приналечь на юриспруденцію и риторикѣ. Онъ усердно штудируетъ сочиненія Исократы, Алкидамы и другихъ риторовъ, и беретъ уроки у извѣстнаго юриста Изея, который хотя и иностранецъ—уроженецъ Халкиды на о. Эвбеѣ,—но славился какъ отличный знатокъ аттическаго права вообще и законовъ по дѣламъ, касающимся имущественныхъ исковъ, въ частности. Два года разбиралось дѣло діатетами—судьями первой инстанціи—и дважды постановлялось рѣшеніе въ пользу истца; на третій годъ, въ 364 г., Демосѣенъ перенесъ процессъ къ самому архонту, который и вынесъ въ его пользу окончательный приговоръ. Аѳобъ, противъ котораго собственно Демосѣенъ и предъявлялъ искъ, сохранивъ однако за собою право продолжать тяжбу и противъ остальныхъ опекуновъ, присужденъ былъ къ штрафу въ 10 талантовъ. Къ сожалѣнію, намъ осталось неизвѣстнымъ, былъ ли этотъ штрафъ уплаченъ, или нѣтъ; вѣроятно же всего, что нѣтъ, такъ что Демосѣену пришлось удовлетвориться однимъ лишь сознаніемъ своей побѣды.

Тѣмъ не менѣе, это дѣло, столь характерное для нравственнаго состоянія тогдашняго общества, не осталось безъ послѣдствій на дальнѣйшую судьбу Демосѣена. Частью потому, что онъ остался

при весьма небольших средствахъ и, стало быть, долженъ былъ пріискать себѣ какое-нибудь доходное занятіе, а главное, быть можетъ, оттого, что успѣхъ его перваго дебюта вскружилъ ему немного голову, Демосеенъ рѣшилъ посвятить себя адвокатурѣ, какъ наиболѣе подходящей и, при тогдашней всеобщей страсти къ тяжбамъ, прибыльной профессіи. Аттическое право стало къ этому времени весьма сложною наукою, и при той высокой степени специализаціи занятій, которая господствовала въ Аѣинахъ со временъ софистовъ, адвокаты сложились въ особое сословіе, безъ котораго обществу трудно было бы обойтись. Они давали необходимые совѣты, изготовляли для своихъ кліентовъ рѣчи и иногда сопровождали ихъ на судъ, гдѣ садились подлѣ нихъ и подсказывали имъ, получая за все это блестящіе гонорары. Ихъ положеніе въ обществѣ было бы чрезвычайно почетное, еслибы рядомъ съ ними не существовали такъ называемые «логографы» — вѣчто вродѣ нашихъ трактирныхъ адвокатовъ, — которые своимъ кляузничествомъ и хищничествомъ бросали тѣнь и распространяли заразу на всю профессію. То была все мелкоплавающая тварь, для которой мутная вода была чистымъ раздольемъ: они писали какъ прошенія, такъ и доносы, затягивали дѣла, осложняли процессы, придумывали новыя жалобы и съ особеннымъ удовольствіемъ подстрекали къ тяжбамъ простодушныхъ карасей, зная, что рано или поздно они попадутъ къ нимъ же въ пасть. Конечно, Демосеенъ не принадлежалъ въ этой породѣ «юристовъ»; но несомнѣнно, какъ мы увидимъ ниже, практика и приемы ихъ не прошли безслѣдно и для его профессиональной этики.

Первыя его попытки выступить передъ широкой публикой были довольно плачевны. Нигдѣ, вѣроятно, краснорѣчіе не цѣнилось такъ высоко и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ тонко и такъ строго, какъ въ аѣинскихъ народныхъ собраніяхъ, гдѣ каждый былъ если и не всегда патріотъ или провинцательный политикъ, то, по крайней мѣрѣ, отличный знатокъ и любитель искусства во всѣхъ его видахъ. Межъ тѣмъ трудно было бы встрѣтить оратора, болѣе плохо подготовленнаго природою къ своей роли, нежели Демосеена. Хилый и узкогрудый съ ранняго дѣтства, онъ совсѣмъ не былъ способенъ на тѣ усилія, которыя требуются отъ оратора, выступающаго въ большихъ и многочленныхъ собраніяхъ: его тихій и слабый голосъ, легко переходившій въ фальцетъ, прерывался болѣзненной одышкой, его рѣчь, и безъ того невнятная и неровная, уродовалась еще неприятымъ картавениемъ и нечистымъ произношеніемъ, а нервозность и нерѣшительность часто заставляли его комкать дѣлыя

фразы, вызывая нѣчто вродѣ заиканія. Къ тому еще, его жесты и общая манера держаться на трибунѣ далеко не imponировали своимъ величіемъ и красотою: онъ имѣлъ привычку подергивать плечомъ, нескладно размахивать руками и двигаться взадъ и впередъ съ угловатой неловкостью. Неудивительно, что его первое выступленіе на публичную эстраду было встрѣчено всеобщимъ хохотомъ и шиканьемъ, заставившими его умолкнуть и исчезнуть. Онъ однако не палъ духомъ и съ удвоеннымъ рвеніемъ принялся за исправленіе своихъ недостатковъ. Древніе біографы передаютъ намъ въ подробности средства и приемы, которые онъ употреблялъ съ этою цѣлью. Деметрій Фалернскій увѣряетъ даже, что онъ слышалъ ихъ отъ самого оратора; но насколько рассказы правдоподобны,—мы все-таки не рѣшимся сказать. Для укрѣпленія легкихъ онъ будто бы взбирался по нѣскольку разъ въ день на гору, стараясь какъ можно рѣже и глубже дышать; для расширенія голосовыхъ связокъ онъ произносилъ длинныя декламаціи, стоя на берегу моря и стараясь звукомъ своего голоса заглушить шумный прибой волнъ, а для приученія языка къ чистому произношенію, онъ набиралъ мелкіе камешки въ ротъ и такимъ образомъ держалъ цѣлыя тирады. Съ цѣлью же выработать приличную жестикуляцію, онъ запирался на цѣлыя мѣсяцы въ подземную хижину, гдѣ никто не могъ ему мѣшать, и тамъ съ полу-обритой головою—дабы не могло быть искушенія бросать занятія и выходить на свѣтъ Божій—упражнялся передъ зеркаломъ, изучая малѣйшія свои движенія и подвѣсивъ надъ своимъ плечомъ заостренный мечъ. Вѣроятно однако, что и этихъ необычайныхъ усилій было недостаточно, потому что, когда онъ сдѣлалъ вторичную попытку выступить передъ публикою, онъ потерпѣлъ такое же фіаско, какъ и въ первый разъ. Укутавъ голову плащомъ и сгорая со стыда и обиды, онъ пробирался домой съ цѣлымъ адомъ въ душѣ, терзаемый отчаяніемъ, оскорбленнымъ самолюбіемъ и ненавистью ко всему и вся. Онъ рѣшилъ отказаться отъ своей любимой мечты, но, къ счастью, его нагналъ, говорятъ, извѣстный въ то время комическій актеръ Сатиръ, который, замѣтивъ, какъ много генія проглядывало въ этихъ жалкихъ дебютахъ, рѣшилъ ему помочь и указать, въ какую сторону надлежитъ направить свои усилія. Съ судорожной страстностью сталъ Демосеенъ разсыпаться въ жалобахъ на несправедливость судьбы, которая такъ скупко относится къ человѣку, уложившему всѣ свои силы въ любимое дѣло. «Это вѣрно,—отвѣтилъ умный актеръ.—но не прочтешь ли ты мнѣ чего-нибудь изъ Эврипида и Софокла?» Демосеенъ съ охотою исполнилъ его желаніе, и, когда онъ окончилъ,

Сатиръ прочелъ то же самое, но съ такою плавностью и выразительностью дикціи, съ такой безыскусственной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тонкой жестикуляціей, что Демосфенъ долго не могъ опомниться отъ изумленія и наконецъ понялъ всѣ свои недостатки. Опять начались прежнія занятія въ пещерѣ и на морскомъ берегу, но на этотъ разъ съ большими шансами на успѣхъ, нежели прежде. Понятное однако дѣло, что одной внѣшней стороною ораторскаго искусства занятія Демосфена не ограничились: съ такою же основательностью и терпѣніемъ трудился онъ надъ выработкою языка, стиля и логической формы, которые такъ высоко цѣнились въ эпоху, жившую традиціями софистовъ. Съ неимовѣрнымъ прилежаніемъ изучалъ онъ лучшія существовавшія тогда сочиненія по риторикѣ, вродѣ знаменитаго «Руководства» Исократы (преданіе о томъ, что онъ многимъ былъ обязанъ «Риторикѣ» Аристотеля, не заслуживаетъ довѣрія, — хотя бы уже потому, что сочиненія этого философа были редижированы значительно позднѣе), семь разъ вряду переписывалъ онъ Фукидида, этого неподобнаго мастера выражать цѣлыя мысли въ одномъ сжатомъ и сильномъ, подобно граненному алмазу, словѣ, и тщательно заучивалъ содержаніе слышанныхъ или читанныхъ имъ рѣчей, стараясь проникнуть въ глубь логическаго теченія аргументовъ, обдумывая при этомъ каждый оборотъ, каждое выраженіе, каждое слово. Его старанія въ концѣ концовъ увѣнчались успѣхомъ, и послѣ нѣкоторыхъ попытокъ, носившихъ слѣды чужихъ вліяній, онъ сдѣлался ораторомъ, какого міръ не видалъ ни до, ни послѣ него.

Первая рѣчь, съ которою онъ выступилъ на политическое поприще (не считая немногихъ чисто судебныхъ рѣчей до этого), относится къ 354 г., когда ему шелъ уже 30-й годъ. Собственно говоря, и эта рѣчь была произнесена въ залѣ суда, но, въ виду ея политическаго содержанія, она смѣло можетъ быть признана за начало политической дѣятельности Демосфена. Дѣло шло о законѣ Лептина, проведенномъ съ годъ тому назадъ, въ силу котораго ни одинъ аѣинскій гражданинъ, за исключеніемъ потомковъ тиранубійцъ Гармодія и Аристокитона, не могъ быть освобожденъ отъ «литургій»: такъ назывались почетныя повинности вродѣ постановки хоровъ и пр., которыя возлагались на богатые классы, и отъ которыхъ послѣдніе, естественно, отлынивали, ссылаясь на свои заслуги и другія обстоятельства, даровавшія по прежнему закону изыятія и льготы по выполненію этихъ обязанностей. Законъ Лептина, проведенный, очевидно, въ интересахъ городского пролетаріата, возбудилъ сильное неудовольствіе въ имущихъ кругахъ, и молодой, богатый кутила

Ктезиппъ, сынъ Хабрія, которому жаль было утратить привилегію, предоставлявшуюся ему по прежнимъ законамъ, въ качествѣ сироты, возбуждаетъ дѣло о неконституціонности Лептинова закона и приглашаетъ себѣ въ синегоры (адвокаты) Демосѳена. Послѣдній весьма охотно берется за дѣло, желая угодить Ктезипповой матери, знатной и вліятельной вдовѣ, и произноситъ довольно талантливую рѣчь, въ которой старается поставить вопросъ о льготахъ и изытіяхъ на принципіальную почву необходимости для государства держать свои обѣщанія. Его усилія однако пропали, по всей вѣроятности, даромъ: у насъ нѣтъ данныхъ думать, чтобы законъ Лептина былъ отмѣненъ; зато мы имѣемъ здѣсь первый примѣръ того отношенія логографа къ дѣлу, о которомъ мы упоминали раньше.

Вторая изъ его политическихъ рѣчей, произнесенная нѣсколькими мѣсяцами позже, дѣлаетъ нашему оратору гораздо больше чести и какъ человѣку, и какъ политику, нежели первая. Поводомъ къ ней послужилъ ложный слухъ о готовящемся нашествіи персидскаго монарха, который, собравъ будто бы большой флотъ въ 300 кораблей и значительный контингентъ греческихъ наемниковъ, рѣшилъ жестоко наказать аѳинянь за помощь, недавно оказанную ими мятежному персидскому сатрапу Артобазу. Послѣ первыхъ моментовъ испуга аѳиняне перешли въ воинственное настроеніе и стали требовать немедленнаго объявленія войны; тогда выступилъ Демосѳенъ и произнесъ рѣчь, извѣстную подъ именемъ рѣчи «о симморіяхъ». Обрисовавъ совершенную неподготовленность аѳинянь къ какой бы то ни было борьбѣ, какъ въ силу общаго упадка гражданскихъ доблестей, такъ и въ виду военной ихъ дезорганизаціи, ораторъ вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на неосновательность слуха и тревогъ и тѣмъ успокаиваетъ ихъ. Онъ убѣждаетъ ихъ однако быть готовыми къ борьбѣ на всякій случай, и съ этой цѣлью рекомендуетъ имъ два средства, которыя, исходя изъ реальныхъ нуждъ жизни, навсегда остались подъ той или другой формою основными принципами его политической программы. Онъ настаиваетъ на необходимости опредѣленнаго *modus-vivendi* между отдѣльными государствами Греціи, какъ базиса для совмѣстнаго дѣйствія въ случаѣ нападенія непріятеля на одно какое-нибудь изъ нихъ, и желаетъ, чтобъ Аѳины во имя ихъ историческихъ и культурныхъ традицій, равно какъ и въ виду большихъ матеріальныхъ силъ, находящихся въ ихъ распоряженіи, стали во главѣ движенія въ качествѣ какъ инициатора, такъ и предводителя. «*Noblesse oblige*», думаетъ онъ, и согласно съ этимъ требуетъ отъ своихъ согражданъ особенныхъ усилій въ дѣлѣ объединенія Греціи и спе-

ціальныхъ жертвъ съ цѣлью реорганизаціи ихъ военнаго вѣдомства. Онъ указываетъ на «симморіальное» начало, какъ на наиболѣе подходящій принципъ, на которомъ можетъ быть перестроено это послѣднее, и совѣтуетъ, чтобъ тѣ самыя 1200 богатѣйшихъ гражданъ, подраздѣленныхъ на 20 частей—«симморій»,—которые были за круговую порукою отвѣтственны за правильное поступленіе государственныхъ доходовъ, переняли въ свое вѣдомство и военную кассу со всею связанною съ нею организаціей военнаго дѣла.

Совѣты эти, насколько намъ извѣстно, не были приняты, но практичность и цѣлесообразность ихъ не подлежитъ сомнѣнію. вмѣстѣ съ тѣмъ однако было бы ошибочно предполагать, что требованіе Демосэена относительно объединенія разрозненныхъ греческихъ общинъ исходило изъ какихъ-либо высшихъ соображеній, нежели тѣ, которыя подсказывались нуждами момента; во всякомъ случаѣ, оно не было еще выводомъ изъ того пан-эллинистическаго принципа, который онъ проводилъ впослѣдствіи: это мы ясно видимъ между прочимъ изъ того, что двумя годами позже, въ 352 г., онъ убѣждалъ народъ не позволять Спартѣ забрать аркадскій городъ Мегалополисъ исключительно на томъ основаніи, что въ противномъ случаѣ Спарта—этотъ старинный врагъ Аѣинъ—слишкомъ окрѣпнеть и станетъ черезчуръ опаснымъ для нихъ соперникомъ.

Подобнаго рода непослѣдовательность, выразившаяся къ тому еще въ близоруко-непріязненномъ отношеніи къ Спартѣ, едва-ли не самому могущественному государству Греціи, тѣмъ болѣе была неумѣстна и даже вредна, что какъ разъ въ это время на Грецію надвигалась гроза, для борьбы съ которою необходимы были всѣ ея наличныя силы, объединенныя въ одинъ общій и дружный союзъ. Давно уже на обложенномъ тучами горизонтѣ сверкали зловѣщія молніи и раздавались глухіе удары грома; но по странной, почти безпримѣрной въ исторіи умственной аберраціи никто, ни даже наиболѣе проницательные люди того времени долго были не въ состояніи измѣрить величину грядущей опасности, понять силу того урагана, который приближался съ захватывающею духъ быстротою и грозилъ разбить въ щепки все политическое строеніе Греціи. Только тогда, когда это строеніе стало дрожать подъ напоромъ вихря и отдѣльныя части его стали падать одна за другою, какъ бы сокрушенныя ударами тарана, увидѣли наконецъ люди опасность, къ которой они неудержимо влеклись: они пытались было бороться, но—увы!—лишь за тѣмъ, чтобы вскорѣ сознать свое безсиліе и найти свою гибель подъ обломками разбитой Эллады.

Однимъ изъ такихъ людей былъ Демосэенъ, и, чтобы понять

дальнѣйшую его карьеру и судьбу, намъ необходимо слѣвать отступленіе и заняться описаніемъ тѣхъ грозныхъ событій, центромъ которыхъ явился Филиппъ, царь македонскій.

Этотъ человекъ, во многомъ столь похожій на Фридриха Великаго, отличался умомъ, въ которомъ ясность и дальновидность соединялись съ удивительною осторожностью и методичностью, а недостатокъ воображенія и широты мысли вознаграждался расчетливостью разсудка и непримѣрнымъ лукавствомъ. Равно великій какъ дипломатъ и полководецъ, онъ быстро умѣлъ распознавать слабыя стороны своего противника, тщательно и подробно выработать планъ дѣйствія, и медленно, но упорно, подобно искусному шахматному игроку, привести этотъ планъ въ исполненіе, пользуясь малѣйшимъ промахомъ врага, принимая во вниманіе всѣ mogućія возникнуть случайности и умѣя скрывать свои карты до послѣдняго рѣшительнаго момента. Онъ не былъ поэтъ войны, подобно своему сыну; онъ не поддавался обаянію грандіозныхъ идей, не уносился страстью и энтузіазмомъ момента, но съ хладноревіемъ и разборчивостью опытнаго практика, не идеализирующаго ничего, но и не гнушающагося ничѣмъ, онъ намѣчалъ себѣ цѣли, если и не всегда широкія, то зато вполне достижимыя, и съ математической вѣрностью приближался къ нимъ, пуская въ ходъ всевозможныя средства—отъ знаменитой своей фаланги вплоть до золота и интригъ включительно. Онъ вступилъ на престолъ въ 359 г. и черезъ какіе-нибудь два года успѣлъ не только отразить многочисленныхъ враговъ, угрожавшихъ ему извнутри и извнѣ, но и значительно расширить предѣлы Македоніи на счетъ ея сосѣдей. Этимъ, равно какъ и рядомъ административныхъ и военныхъ реформъ онъ поднималъ эту жалкую и полудикую страну, обиженную природою и гевіемъ, на степень сильнѣйшаго государства на сѣверѣ Балканскаго полуострова; но и этого было ему недостаточно: его зоркій умъ рано увидѣлъ существенную важность для Македоніи морского берега, безъ котораго ея горное и пастушеское населеніе, казалось, навѣки осуждено было влечь свое варварское существованіе, и онъ рѣшилъ пробиться къ морю, готовый ради этого вступить въ борьбу съ греками—даже съ Аѣинами, первою морскою державою своего времени. Онъ прежде всего останавливаетъ свое вниманіе на Амфиполисѣ, цвѣтущемъ городѣ на сѣверномъ берегу Эгейскаго моря; но зная, какъ давно уже зарятся на этотъ лакомый кусокъ аѣиняне, и имѣя поэтому основаніе опасаться съ ихъ стороны противодѣйствія, онъ вступаетъ съ вождями ихъ въ тайные переговоры, предлагая завоевать для нихъ этотъ

городъ, если ему позволять занять другой—сосѣдную Пидну. Аеиняне, которымъ, очевидно, сильно понравилась мысль загрестъ немного жару чужими руками, охотно соглашались на такую особенно благовидную сдѣлку, и когда осажденный Амфиполисъ обращается къ нимъ съ просьбою о помощи, отвѣчаютъ грубымъ отказомъ. Тогда, въ 357 г., Филиппъ беретъ хитростью этотъ городъ и не только оставляетъ его за собою, но и забираетъ еще и Пидну, не дожидаясь, пока ему ее подарятъ. Обманутые аеиняне воспылали негодованіемъ на такое вѣроломство и, несмотря на то, что руки ихъ были связаны усмиреніемъ возставшихъ союзниковъ—Родоса, Хиоса, Коса и Византіи—объявляютъ Македоніи войну. Повидимому, они думали найти въ лицѣ Филиппа одного изъ тѣхъ незначительныхъ соперниковъ, которыхъ у нихъ такъ много было въ самой Греціи; во всякомъ случаѣ, они не подозрѣвали, что борьба, въ которую они вступали съ такимъ легкимъ сердцемъ, окончится, послѣ многихъ осложненій и перипетій, разрушеніемъ навсегда свободной жизни Эллады.

Демосфенъ раздѣлялъ всеобщую ошибку: въ его рѣчахъ за этотъ періодъ нѣтъ ни одного слова, которое давало бы намъ основаніе думать, что онъ хоть сколько-нибудь понималъ смыслъ происходившихъ передъ его глазами событій. Онъ не видѣлъ его даже тогда, когда, благодаря безопасности аеинянъ и бездарности ихъ полководцевъ, лучшіе аеинскіе союзники стали мало-по-малу переходить на сторону непріятеля, и такіе важные военные и морскіе пункты, какъ Потидея, Абдера, Меронея и Меэона (послѣдняя—единственно оставшееся и чрезвычайно цѣнное аеинское владѣніе на македонскомъ берегу), попали въ руки Филиппу. Но событія 353 и 352 г.г. нѣсколько вывели аеинянъ и Демосфена изъ ихъ заблужденія. Филиппъ около этого времени помогалъ одному мелкому государству Тессаліи въ войнѣ противъ другого, столь же мелкаго государства; такъ какъ послѣднее въ свою очередь призывало на помощь фокійцевъ, то между Филиппомъ и Ономархомъ, талантливымъ вождемъ союзной арміи тессалійцевъ и фокійцевъ, возгорѣлась борьба, которая послѣ нѣкоторыхъ превратностей окончилась въ пользу перваго. Но на этомъ дѣло не остановилось. Фокійцы, въ свою очередь, вели уже давно войну съ Фивами: въ 355 г. они вспахали часть священнаго поля, принадлежавшаго дельфійскому храму, и за это были осуждены Амфиктіонійскимъ союзомъ, который и поручилъ фивянамъ наказать ихъ за святотатство. Естественно, что Филиппъ, уничтоживъ фокійскую армію въ Тессаліи, тѣмъ совершилъ богоугодное дѣло и могъ даже пре-

тендовать на званіе исполнителя приговора амфитіонійцевъ. Онъ какъ бы являлся защитникомъ Аполлоновыхъ интересовъ — особенно въ виду безуспѣшности, съ какою аеянне вели до сихъ поръ войну, — и имѣлъ право, въ качествѣ такового, перенести военныя операціи въ самую Фокиду съ тѣмъ, чтобъ уничтожить кошунство въ его корнѣ. Македонецъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не замѣтить, какой отличный козырь попался ему въ руки; онъ видѣлъ, что стоитъ ему только проникнуть въ Фокиду, — и эта страна, равно какъ и вся средняя Греція съ Аттикою и другими государствами будутъ лежать у его ногъ. Но для этого ему нужно было сперва овладѣть Термопилами, этимъ ключемъ къ Элладѣ и всей Греціи, и къ нему-то онъ двинулся съ сильнымъ войскомъ; къ счастью, аеянне не дремали: почуявъ опасность, они искусной диверсіей флота заняли этотъ историческій проходъ и заставили Филиппа отступить въ безсиліи и на время отказаться отъ своихъ надеждъ на быстрое покореніе Греціи.

Какъ мало и тогда еще люди понимали, въ чемъ дѣло, видно изъ рѣчи Демосѳена противъ Аристократа, которую онъ держалъ въ 352 г., незадолго до нападенія Филиппа на Термопилы. Хотя эта рѣчь — судебная, но въ ней ораторъ касается и текущихъ политическихъ событій и, между прочимъ, обращаетъ вниманіе народа на поведеніе Филиппа. Въ яркихъ словахъ онъ рисуетъ честолюбіе его плановъ и двуличіе его политики; онъ указываетъ на его лицемѣрныя завѣренія въ дружбѣ, на его обѣщанія во время осады Амфиполиса, на его вѣроломство и захватъ Потидеи и другихъ городовъ, и обозрѣваетъ его карьеру вплоть до его успѣховъ послѣдняго времени. Но вмѣстѣ съ тѣмъ — и это характерно для прозорливости Демосѳена, какъ и всѣхъ аеяннъ, — ораторъ пренебрежительно отзывается о македонскомъ царѣ, какъ о незначительномъ противникѣ, съ которымъ не трудно было бы раздѣлаться при небольшихъ усиліяхъ со стороны аеинскаго народа: стоитъ только послѣднимъ захотѣть, и «*этотъ* македонскій Филиппъ» будетъ отшвырнутъ далеко на сѣверъ, въ его жалкое и нищенское логовище!

Однако его слѣдующая рѣчь, произнесенная въ 351 г., обнаруживаетъ довольно крупную перемѣну въ тонѣ. Филиппъ въ это время успѣшно оперировалъ во Фракіи, куда удалился по отступленіи отъ Термопилъ съ двойною цѣлью овладѣть этимъ важнымъ краемъ и парализовать хлѣбную торговлю Аеинъ съ Византіей. Послѣ нѣкоторыхъ чрезвычайно удачныхъ маневровъ онъ осадилъ сосѣдній съ Херсонесомъ городъ и тѣмъ такъ встревожилъ аеяннъ, что они вышли изъ своей обычной апатіи и послали противъ него

большой флотъ, втировавъ для покрытія расходовъ чрезвычайный поимущественный налогъ въ 60 талантовъ. Но энтузіазмъ продолжался не долго: въ Аѳинахъ распространился слухъ о внезапной смерти Филиппа, и этого достаточно было, чтобъ вернуть прежнее безпечное настроеніе и даже пріостановить военныя приготовления. Тогда-то, неожиданно для всѣхъ и даже не въ очередь, выступаетъ въ народномъ собраніи Демосенъ и произноситъ свою великую рѣчь—первую въ знаменитой серіи Филиппикъ. Языкомъ, поразительнымъ по своей точности и мелодичности, въ которомъ наоосъ перемеживается съ остротами и страсть чередуется съ насмѣшкою, развертываетъ онъ полную драматизма картину борьбы съ Филиппомъ—ея судьбы въ прошедшемъ, ея вѣроятныя осложненія въ будущемъ, ея настоящій ущербъ для Аѳинъ и ея грядущую опасность для всей Греціи. Онъ то горько жалуется, то страстно упрекаетъ народъ въ апатіи, извѣженности и самодовлѣніи, и, какъ на единственное средство избавленія отъ опасности, указываетъ на необходимость жертвъ, матеріальныхъ и личныхъ, и на замѣну наемныхъ ордъ регулярными арміями изъ самихъ гражданъ. Впечатлѣніе рѣчи было огромное—восхищенію народа не было предѣловъ, но такъ какъ дѣло шло о людяхъ и деньгахъ, то на этомъ дѣло и окончилось: его предложенія не были приняты, и аѳиняне продолжали кампанію по-прежнему—вяло, нехотя и спустя рукава.

Результатомъ этого были дальнѣйшіе успѣхи Филиппа. Въ 349 г., спустя два года послѣ выше разсказанныхъ событій, онъ осадилъ Олинѳъ, на Халкидскомъ полуостровѣ, одинъ изъ самыхъ важныхъ стратегическихъ пунктовъ въ Греціи.

Осажденные обратились за помощью къ аѳинянамъ, и по этому поводу Демосенъ, пользовавшійся тогда уже значительною извѣстностью въ качествѣ великаго оратора и зоркаго политика, держалъ три рѣчи, дошедшія до насъ подъ именемъ Олинѳскихъ. Въ первыхъ двухъ—въ 349 г., онъ съ прекраснымъ пониманіемъ дѣла опредѣляетъ мѣсто, которое захватъ Олинѳа занимаетъ въ общемъ планѣ Филиппа, разсматриваемомъ какъ одну обширную завоевательную схему; онъ рисуетъ гибельныя послѣдствія, могущія произойти въ случаѣ паденія Олинѳа, и указываетъ съ особеннымъ удареніемъ на то, что если Олинѳъ будетъ занятъ Филиппомъ, то ему откроется дорога въ самую Аттику, которая такимъ образомъ сдѣлается театромъ военныхъ дѣйствій. Эти рѣчи вмѣстѣ съ рѣчами олинѳскихъ пословъ возымѣли нѣкоторое дѣйствіе: аѳиняне снарядили небольшую наемную армію въ 2000 человекъ и послали эскадру въ Халкидскія воды подъ начальствомъ Хареса. Го-

ворять, что этотъ полководецъ предпочелъ заниматься пиратствомъ на Эгейскомъ морѣ, какъ дѣломъ болѣе прибыльнымъ, нежели война; онъ былъ поэтому вскорѣ отозванъ и замѣненъ Харидемомъ, который весною 348 г. и одержалъ нѣсколько незначительныхъ побѣдъ. Вѣроятно афинянь, искавшихъ лишь предлога, чтобы вернуться къ своему прежнему беззаботному состоянію, эти побѣды вполне удовлетворили, потому что мы вновь застаемъ Демосѣена на ораторской трибунѣ упрекающимъ своихъ согражданъ въ недостатокъ выдержки и въ неумѣнны понимать происходящее передъ ихъ глазами. Онъ говоритъ имъ, что это не конецъ кампаніи, а начало ея, и согласно съ этимъ онъ требуетъ чрезвычайныхъ мѣръ, неустанныхъ усилій и непрерывныхъ жертвъ. Онъ осмѣливается даже указать на «теориконъ», какъ на источникъ финансовъ, и рекомендуетъ назначеніе специальной комиссіи для подробнаго обсужденія этого вопроса. На этотъ разъ афиняне, дѣйствительно, взяли за дѣло и съ давно уже небывалою энергіей оснастили сильный флотъ изъ 50 триремъ и послали къ Олинеу армію изъ 10 тысячъ наемниковъ и 4000 гражданъ. Увы! помощь прибыла слишкомъ поздно: въ осажденномъ городѣ открылась измѣна, и Олинеу палъ и былъ жестоко наказанъ (347 г.).

Такъ закончился первый актъ великой драмы, безцвѣтный по совершенному отсутствію какихъ бы то ни было драматическихъ моментовъ, но все же многозначительный и многовѣщающій. вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь оканчивается первый періодъ дѣятельности Демосѣена, какъ политическаго оратора и государственнаго чловека. Онъ понялъ наконецъ замыслы Филиппа, съ одной стороны, и причины слабости своихъ соотечественниковъ, съ другой, и отнынѣ вся его жизнь представляетъ одну сплошную, непрерывную борьбу какъ съ однимъ, такъ и съ другими.

Его частная жизнь за это время намъ, къ сожалѣнію, весьма мало извѣстна: за исключеніемъ нѣсколькихъ анекдотовъ изъ Плутарха, все, что мы знаемъ о ней, мы почерпнули изъ его же рѣчей, — а этотъ источникъ, какъ легко понять, особеннымъ богатствомъ не блещетъ. Мы знаемъ лишь, что адвокатура, а, какъ нѣкоторые его враги увѣряютъ, также и ростовщичество давали ему довольно большія средства къ жизни, которыя онъ тратилъ, главнымъ образомъ, на завоеваніе популярности въ народѣ путемъ образцоваго выполненія своихъ почетныхъ повинностей вродѣ хорегій (постановки хоровъ) и триерархій (снаряженія кораблей). вмѣстѣ съ тѣмъ онъ врядъ-ли былъ любимъ, какъ личность: отчасти это объясняется неприязнью, которую вызывали его постоянные упреки народу въ

отсутствіи энергіи и мужества, отчасти же—его личными недостатками—одними, какъ угрюмость и необщительность, врожденными, а другими, вродѣ корыстолюбія и недостатка самоуваженія, благопріобрѣтенными. Пресловутая его исторія съ Мидіемъ какъ нельзя лучше иллюстрируетъ нѣкоторыя изъ этихъ чертъ его характера, и мы поэтому коснемся ея вкратцѣ.

Мидій былъ одинъ изъ богатѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ гражданъ Аѳинъ, славившійся своей беззащитчивостью и самодурствомъ. Другъ Аѳоба, Демосѳенова опекуна, онъ давно уже питалъ непріязнь къ нашему герою и однажды даже оскорбилъ его и его мать и сестру въ ихъ же домѣ. За это онъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности и осужденъ къ уплатѣ большого штрафа; но приговоръ, не смотря на всѣ старанія Демосѳена, не былъ приведенъ въ исполненіе, и самъ судья, произнесшій его, жестоко заплатился по проisku вліятельнаго обидчика. Тогда началась кампанія противъ самого оратора. Въ 354 г. Демосѳенъ, тогда уже видная политическая фигура, собирался на предстоящихъ празднествахъ Діонисія угостить народъ великолѣпнымъ хоромъ, и Мидій, бывшій въ это время начальникомъ конницы, пробовалъ было помѣшать этому, вытребовавъ, по случаю экспедиціи на Эвбею, Демосѳеновыхъ флейтистовъ въ дѣйствующую армію. Но это ему не удалось—Демосѳенъ исколоталъ себѣ и своему хору увольненіе, и Мидій прибѣгнулъ къ другимъ мѣрамъ: онъ ночью вламывается въ домъ ювелира и портитъ всѣ золотыя одѣянія и вѣнки, которые тотъ изготовлялъ для Демосѳенова хора, онъ склоняетъ на свою сторону хормейстра и подкупаетъ предсѣдательствовавшего архонта и жюри съ тѣмъ, чтобъ лишить Демосѳена приза. Наконецъ, во время самаго представленія, онъ, не стѣсняясь многотысячной публики, бросается на эстраду къ Демосѳену, срываетъ съ него праздничныя украшенія и избиваетъ его. Цѣль была достигнута: Демосѳенъ провалился и приза не получилъ.

Но такое публичное оскорбленіе было больше, чѣмъ нашъ ораторъ могъ стерпѣть. На слѣдующій же день онъ выступилъ съ формальнымъ обвиненіемъ противъ Мидія въ народномъ собраніи и получилъ отъ него такъ называемое «проболэ»—предварительный приговоръ. На основаніи его онъ вошелъ съ жалобою къ тесмотатамъ (судьямъ по гражданскимъ дѣламъ) и началъ процессъ противъ Мидія за оскорбленіе. Послѣдній пробовалъ было войти въ полюбовную сдѣлку, но, встрѣтивъ отказъ, такъ при помощи ложныхъ свидѣтелей и подкуповъ затянулъ и затемнилъ дѣло, что послѣ 4-хъ лѣтъ волокиты Демосѳенъ принужденъ былъ въ малодушіи отступить. Хуже всего то, что онъ принялъ при этомъ отъ

Мидія 30 минъ въ видѣ отступного, и тѣмъ загрязнилъ свою репутацію, какъ частное лицо.

Эта пошлая исторія чрезвычайно ярко характеризуетъ одичавшіе нравы того времени; но мы не стали бы ее приводить, еслибы недостойная роль, которую сыгралъ при этомъ Демосеенъ, не повредила ему въ глазахъ современниковъ и не оттолкнула отъ него даже тѣхъ изъ нихъ, которые на его мѣстѣ вели бы себя не лучше.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Настроеніе въ Аѳинахъ послѣ паденія Олиноа.—Партія мира, Эсхинъ и Фокионъ.—Первое посольство къ Филиппу, условія мира и участь фокійцевъ.—Второе посольство и заключеніе мира.—Разгромъ Фокиды и негодованіе аѳинянъ.—Рѣчь Демосеена „о мирѣ“.—Процессъ съ Эсхиномъ.—Рѣчи соперниковъ и результатъ.—Дальнѣйшая дѣятельность Демосеена и агитация въ пользу возобновленія войны.—Рѣчи „о Херсонесѣ“ и 3-я Филиппиа.—Начало войны.—Взятіе Филиппомъ Элатен и впечатлѣніе въ Аѳинахъ.—Союзъ съ Фивами и Херонейское пораженіе.—Мужественная политика Демосеена и миръ съ Филиппомъ.—Почести Демосеену.—Смерть Филиппа.—Неудачныя возстанія Греціи.—Господство македонофиловъ.—Дѣло „о вѣнкѣ“.—Рѣчь „о вѣнкѣ“ и изгнаніе Эсхина.—Гарпалловъ процессъ, осужденіе Демосеена и вопросъ о виновности его.—Третье возстаніе Греціи и возвращеніе Демосеена.—Пораженіе при Кранонѣ, бѣгство и смерть Демосеена.—Личность Демосеена.—Демосеенъ, какъ политическій мыслитель и практической государственной дѣятель.—Краснорѣчіе Демосеена, его особенности, характеръ и элементы.

Паденіе Олиноа было сигналомъ къ началу мирныхъ переговоровъ. Давно уже аѳиняне чувствовали усталость отъ долготѣйшей борьбы, но теперь къ этому присоединялось еще и то обстоятельство, что въ руки непріятеля попало множество плѣнниковъ, которыхъ надлежало выкупить, и что самъ Филиппъ сталъ дѣлать авансы, имѣя въ виду обезоружить аѳинянъ ласками и отвлечь ихъ вниманіе отъ Фермопилъ. Реакція въ пользу мира все болѣе и болѣе усиливалась, и этому настроенію въ значительной степени содѣйствовала возникшая около того времени новая политическая партія, извѣстная подъ именемъ македонофильской. Сложившись на почвѣ реальныхъ—коммерческихъ и др.—интересовъ, для которыхъ не было помѣхи хуже войны, эта партія первоначально поставила своимъ девизомъ «миръ во что бы то ни стало», а затѣмъ, въ виду того, что единственнымъ врагомъ Аѳинъ былъ въ это время македонскій царь, постепенно перешла къ агитации за прекращеніе враждебныхъ дѣйствій противъ Филиппа и за заключеніе съ нимъ союза. Этимъ она, естественно, играла въ руку лукавому маке-

донцу, парализуя всякія патріотическія стремленія и усилія къ борьбѣ: нѣкоторые изъ ея членовъ продались даже открыто Филиппу, получая отъ него инструкціи и деньги; тѣмъ не менѣе среди нея было много честныхъ и искренно убѣжденныхъ людей, которые вѣрили въ свою политику, какъ въ единственно вѣрную и благотворную для Греціи. Два человѣка особенно выдаются среди этой группы, которые по своимъ достоинствамъ и нравственнымъ качествамъ могутъ быть признаны за представителей обѣихъ, только что упомянутыхъ, категорій. Одинъ изъ нихъ былъ Эсхинъ, наиболѣе блестящій послѣ Демосөена ораторъ, но во всемъ ему прямая противоположность. Незнатнаго происхожденія, шестью годами старше своего соперника, онъ одною силою своего таланта и энергіи добился огромнаго вліянія на народъ, пройдя черезъ рядъ унижительныхъ, по тогдашнимъ понятіямъ, профессій и занятій, какъ напр. актера, школьнаго учителя и писца. Атлетъ, съ величественной фигурою, мощнымъ голосомъ и необыкновенною способностью говорить эспромптомъ, онъ заразъ импонировалъ и увлекалъ за собою публику, способный однимъ словомъ успокоить бушующее море народнаго собранія или взволновать и вывести его изъ апатіи. Его рѣчи не отличались ни достоинствомъ и строгостью формы, ни честностью и искренностью содержанія; но страстный, неудержимый потокъ его краснорѣчія, не останавливающійся ни передъ вульгарностью, ни передъ ложью, нравился простому народу иной разъ больше, нежели художественная, строго уравновѣшенная и тщательно отдѣланная рѣчь Демосөена. Начавъ съ оппозиціи Филиппу и попытавшись даже составить противъ него въ 347 г. коалицію изъ пелопонесскихъ государствъ, Эсхинъ вскорѣ убѣдился, что такая роль врядъ ли можетъ окупиться, и, быстро переимѣнивъ фронтъ, вступилъ въ ряды македонофильской партіи и впоследствии сдѣлался тайнымъ эмиссаромъ и довѣреннымъ македонскаго царя.

Не таковъ былъ другой изъ вождей партіи мира — Фокіонъ. Этотъ человѣкъ былъ послѣдній представитель того типа древняго грека, который, не специализируя ни своихъ способностей, ни своихъ занятій, умѣлъ одинаково хорошо владѣть мечомъ, какъ и словомъ, и былъ столь же образцовымъ въ своей частной, какъ и въ политической жизни. Отличаясь въ эту эпоху безвременья и корысти талантами не менѣе, чѣмъ бѣдностью, онъ неподкупностью, серьезностью и справедливостью внушалъ народу такую любовь и уваженіе, что 45 разъ былъ выбираемъ въ стратеги, — честь, которой не удостоился и самъ Периклъ. Онъ никогда не смѣялся, ни плакалъ, но съ грубоватымъ хладнокровіемъ честнаго солдата, прене-

брежительно относящагося къ внѣшностямъ, онъ исполнялъ свой долгъ, не взирая ни на какія препятствія, не останавливаясь ни передъ какими соображеніями о популярности и тому подобномъ. Его краснорѣчіе было такое же, какъ и онъ самъ: не терпя никакихъ украшеній, но проникнутыя искренностью и честностью мысли, его рѣчи по своей прямотѣ, сжатости и сильной логикѣ представляли опасное для соперника орудіе, которое способно было проникать въ самое сердце его аргумента и расщеплять его подобно стальному клинку, вонзившемуся въ стволъ. Недаромъ самъ Демосеенъ избѣгалъ мѣряться съ нимъ оружіемъ, зная, что его острый языкъ «такъ и пронизываетъ васъ насквозь».

Вотъ эти то два человѣка и были предводителями македонофиловъ, и благодаря вліянію, главнымъ образомъ, этихъ людей, и было отправлено къ Филиппу посольство съ Демосееномъ и Эскиномъ во главѣ съ цѣлью договориться объ условіяхъ мира. Оно было принято въ торжественной аудіенціи, и блескъ обстановки, и видъ могущества царя, говорятъ, такъ подѣйствовали на Демосеена, что, когда очередь говорить дошла до него, онъ потерялъ нить своихъ мыслей, запнулся и сковѣженно принужденъ былъ умолять, не смотря на благосклонныя ободренія монарха. Въ точности мы не знаемъ ни этихъ рѣчей, ни отвѣта Филиппа; намъ лишь извѣстно, что условія, которыя онъ поставилъ, сводились въ сущности къ формулѣ: *uti possidetis*,—каждый остается при своемъ: онъ не соглашался даже вернуть Амфиполиса, отнятаго обманомъ, и взамѣнъ этого лишь обѣщался въ духѣ щедринскаго волка не трогать Херсонеса. Повидимому, однако посольство осталось этими условіями довольно, и самъ Демосеенъ, по возвращеніи въ Аѣины, предложилъ въ сенатѣ награждать пословъ гражданскими вѣнками и почтить ихъ публичнымъ банкетомъ въ пританеѣ. Народъ же охотно вторилъ ликованію своихъ вождей и въ двукратномъ, специально созданномъ на то, собраніи не только согласился на требуемое *status quo*, но еще уступилъ по другому, болѣе важному пункту, который вновь прибывшіе въ городъ послы отъ Филиппа выдвинули теперь, какъ необходимое условіе заключенія мирнаго трактата. Дѣло касалось злополучныхъ фокійцевъ, которыхъ македонскій царь, все еще не отказываясь отъ мысли завладѣть Термопилами, а затѣмъ самой Фокидою, ни за что не хотѣлъ включить въ трактатъ въ качествѣ аѣинскихъ союзниковъ. Напрасно Демосеенъ и другіе указывали на то, что исключеніе этихъ старыхъ друзей изъ числа договаривающихся сторонъ не только составитъ страшную несправедливость, но и поведетъ за собою гибель Фокиды, а за нею и всей Эллады; напрасно предска-зы-

вали они, что, связавъ аѳинянь по рукамъ и по ногамъ договоромъ, Филиппъ не преминетъ напасть на Термопилы, которыя фокійцы не въ состоянїи будутъ зацитить однѣми собственными силами: ихъ слова не встрѣчали сочувствія среди всеобщей жажды скорѣйшаго мира и въ виду противодѣйствія со стороны Эскина и его друзей, которые распускали слухи, что Филиппъ питаетъ тайныя симпатїи къ фокійцамъ, которыя обнаружатся, какъ только договоръ будетъ заключенъ. Послѣдніе взяли верхъ, и, послѣ нѣкотораго раздумья, аѳиняне выкинули за бортъ фокійцевъ, присягнувъ договору въ той формѣ, въ какой желалъ его имѣть Филиппъ. Этимъ совершенно было вѣроломство, безпримѣрное въ лѣтописяхъ Греціи: оно легло несмываемымъ пятномъ на репутацію великаго аѳинскаго народа, какъ одно изъ самыхъ чудовищныхъ преступленій, какое когда-либо совершало политическое общество. Мы скорѣ увидимъ и практическія послѣдствія, къ которымъ оно привело, а теперь вернемся къ судьбѣ злополучнаго трактата.

Дѣло происходило раннею весною 346 г., и аѳиняне, принявъ всѣ условія договора, назначили новое посольство къ Филиппу съ тѣмъ, чтобы и онъ принесъ должную присягу. Время было горячее, — нужно было обязательно поспѣшить, такъ какъ въ противномъ случаѣ Филиппъ, дѣйствовавшій тогда во Фракіи, успѣетъ забрать Херсонесъ и другіе города, а затѣмъ откажется воротить ихъ, ссылаясь на *status quo* договора, входившаго въ силу только послѣ его ратификаціи. Но напрасно Демосфенъ, предвидѣвшій возможность такихъ осложненій, настаивалъ на немедленномъ отъѣздѣ: Эскинъ и его единомышленники, дѣйствуя по инструкціямъ Филиппа, находили всяческіе способы оттягивать поѣздку и, наконецъ, когда тронулись въ путь, отправились сухимъ путемъ въ Македонію вмѣсто того, чтобы ѣхать моремъ прямо къ Филиппу во Фракію, что взяло бы всего пять, шесть дней. Пробывъ въ дорогѣ полтора мѣсяца и не заставъ, конечно, царя въ столицѣ, посольство ждало еще шесть недѣль, пока Филиппъ, устроивъ всѣ свои дѣла, не вернулся въ Македонію и сталъ готовиться къ походу на Фокиду. Подготовившись и къ этому, онъ, наконецъ, удостоилъ трактатъ своей подписью въ то время, какъ его войска уже были на югѣ Фессалїи, въ разстоянїи какихъ-нибудь трехъ дней пути отъ историческихъ Термопилъ.

Дальнѣйшія событія легко можно было предвидѣть. Покинутые фокійцы, не будучи въ состоянїи зацитить проходъ безъ помощи аѳинскаго флота и вмѣстѣ съ тѣмъ полагаясь на завѣренія аѳинянь въ доброжелательствѣ Филиппа, сдаютъ ему безъ борьбы Термопилы.

а съ ними и всю свою страну. Войдя въ нее, непріятель сбрасываетъ маску, заявляетъ свои симпатіи ѳивьянѣмъ и провозглашаетъ Фокиду частью Македоніи. Разгромъ былъ страшный—все было разрушено до тла, такъ что когда Демосѳенъ проѣзжалъ по этой мѣстности двумя годами позже, его взорамъ представился видъ неописуемаго горя и страданія. Самъ Филиппъ, повидимому, утратилъ своей работы и позднеѣ взваливалъ всю вину на ѳивянъ, но напрасно: сдѣлавшись почти неограниченнымъ властелиномъ Греціи, онъ могъ однимъ словомъ пріостановить мстительные порывы враговъ Фокиды. Онъ этого не сдѣлалъ, — и вся пролитая кровь, все неслыханное страданіе пали на его голову несмываемымъ позоромъ, неискупляемымъ проклятьемъ!

Что въ это время происходило въ Аѳинахъ, можно себѣ безъ труда представить. Подобно внезапному раскату грома, разнеслась по городу злая вѣсть о паденіи Термопилъ и объ участи фокійцевъ, и впечатлѣніе было огромно. Въ ярости и ужасѣ аѳиняне готовы были порвать только что заключенный трактатъ и объявить Филиппу войну; но Демосѳенъ успокоилъ ихъ рѣчью «о мирѣ», въ которой указывалъ на нелѣпость негодованія за катастрофу, въ которой они, аѳиняне, сами виноваты, и доказывалъ безуміе воинственныхъ проектовъ въ виду тяжелаго и изолированнаго положенія государства. Аѳиняне притихли, внимая этимъ трезвымъ словамъ, и миръ не былъ расторгнутъ вплоть до 340 г.

Предсказанія Демосѳена такимъ образомъ сбылись до буквы, и теперь, когда народъ во-очію убѣдился въ правотѣ его мнѣній, его политика и взгляды, казалось, должны были бы пріобрѣсть преобладающее вліяніе на политическую жизнь Аѳинъ; къ сожалѣнію, эти ожиданія были бы напрасны. По минованіи опасности, народъ, убаюкиваемый благами мира и очарованный лстивымъ съ нимъ обращеніемъ Филиппа, вернулся къ прежней своей безпечности и продолжалъ слушаться совѣтовъ македонофиловъ, удѣляя рѣчамъ Демосѳена лишь платоническіе апплодисменты. Это ясно видно изъ его отношенія къ процессу, который нашъ ораторъ возбудилъ противъ Эсхина и его товарищей за ихъ измѣнническое поведеніе во время второго посольства. Лишь только оно, въ іюнѣ 346 г., вернулось обратно, Демосѳенъ, который тогда былъ сенаторомъ, немедленно изобличилъ въ сенатѣ роль Эсхина, а затѣмъ и началъ противъ него процессъ, обвиняя его въ корыстолюбіи и предательствѣ. Благодаря могущественнымъ связямъ Эсхина и его единомышленниковъ, дѣло затянулось на цѣлыхъ три года, и только въ 343 г. состоялся разборъ его, привлекшій со всѣхъ концовъ Греціи несмѣтную публику. Рѣчь, которую Демосѳенъ произнесъ по этому случаю, не принадле-

жить однако къ лучшимъ образчикамъ его ораторскаго искусства: за исключеніемъ тѣхъ полныхъ огня и страсти мѣстъ, гдѣ онъ описываетъ общественныя язвы Греціи и бичуетъ раболѣпіе ея передъ Филиппомъ, она страдаетъ монотонностью, частыми повтореніями и даже вялостью; ея аргументы слабы, ея доводы мало обоснованы, и можно было видѣть сразу, что, за отсутствіемъ документальныхъ и другихъ фактическихъ доказательствъ, оратору не легко было построить на однѣхъ догадкахъ— правда, весьма правдоподобныхъ,— обвинительный актъ съ надлежащей компактностью и силою. Эсихину поэтому нетрудно было опровергнуть пунктъ за пунктомъ справедливыя нападенія Демосена, и послѣ блестящей защиты онъ былъ признанъ невиновнымъ большинствомъ— при тогдашнемъ многочисленномъ составѣ суда, довольно впрочемъ незначительномъ— въ тридцать голосовъ.

Общественное мнѣніе такимъ образомъ довольно рѣшительно высказалось за македонофила, завѣдомо продававшагося Филиппу, но преданность Демосена народному дѣлу отъ этого не уменьшилась. Игнорируя понесенную имъ обиду, онъ съ тою же неослабною энергіей продолжаетъ борьбу противъ врага своей заблудшей родины, и то объѣзжаетъ Пелопонесъ, агитируя за союзъ противъ Македоніи, то увѣщаетъ своихъ согражданъ быть ежеминутно готовыми къ возобновленію военныхъ дѣйствій. Онъ въ сотый разъ изобличаетъ коварство Филиппа, на каждомъ шагу нарушающаго договоръ своимъ безпрестаннымъ и насильственнымъ вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла Греціи, и разбиваетъ въ дребезги аргументы знаменитаго ритора Писона Византійскаго, пріѣхавшаго въ качествѣ чрезвычайнаго посла отъ Македоніи съ цѣлью оправдать поведеніе царя. Онъ поддерживаетъ предложеніе своего товарища Гегезиппа и совѣтуетъ аѳинянамъ хлопотать о внесеніи нѣкоторыхъ существенныхъ измѣненій въ трактатъ 346 г., съ тѣмъ, чтобъ въ него были включены всѣ безъ исключенія греческія государства, чтобъ каждому изъ нихъ была гарантирована независимость и свобода и чтобъ вообще каждая сторона владѣла тѣмъ, что ей принадлежитъ по праву. Подъ послѣднимъ, неопредѣленнымъ, повидному, пунктомъ онъ и его товарищи подразумѣвали возвращеніе Филиппомъ только что забраннаго имъ острова Галонеза, но какъ по этому, такъ и по первымъ двумъ пунктамъ аѳиняне получили рѣшительный отказъ. Тогда Демосенъ, предвидя, что дальнѣйшія проволочки неминуемо повлекутъ за собою полнѣйшую изолированность Аѳинъ, у которыхъ Филиппъ подъ эгидою трактата отнималъ одни владѣнія за другими, сталъ открыто агитировать въ пользу возобновленія войны. Въ

341 г., воспользовавшись негодованіемъ аѳинянъ на своего полководца Діопита, начавшаго, безъ ихъ разрѣшенія, военныя дѣйствія, онъ произнесъ двѣ замѣчательныя рѣчи—«о Херсонесѣ» и III Филиппику,—въ которыхъ показалъ, что истиннымъ нарушителемъ мира былъ самъ Филиппъ, ни на минуту со времени заключенія договора не прекращавшій военныхъ операцій. Онъ въ пламенныхъ краскахъ изобличаетъ его поведеніе за послѣдніе годы и съ паѳосомъ и горячимъ негодованіемъ рисуетъ этого коварнаго врага, который грозитъ своими ласками задушить весь эллинскій міръ. Онъ увѣщаетъ поэтому своихъ согражданъ не скупиться на жертвы, личныя и матеріальныя, и рекомендуетъ употребить для военныхъ цѣлей праздничную кассу—теориконъ—и новый преимущественный доходъ.

Старанія Демосѳена на этотъ разъ увѣнчались успѣхомъ, и война Филиппу была объявлена. Въ началѣ аѳиняне побѣждали, но возгорѣвшаяся вскорѣ II Священная война снова дала македонянамъ рѣшительный перевѣсъ. По настоянію Эсхина, амѳиктіонійскій союзъ объявилъ войну жителямъ Амфиссы, на югѣ отъ Фокиды, за вспашку съ полъ-вѣка назадъ Аполлонова поля, и исполненіе приговора было возложено на Филиппа, какъ на самаго талантливаго полководца. Македонцу это было какъ разъ на руку: во главѣ небольшого, но сильнаго и преданнаго войска онъ проходитъ форсированнымъ маршемъ Тессалію, проникаетъ въ Фокиду, все еще лежавшую въ развалинахъ, и здѣсь вмѣсто того, чтобъ идти на Амфиссу, сворачиваетъ къ Элатеѣ, главному городу этой мѣстности, и превращаетъ его при помощи укрѣпленій и гарнизона въ неприступный военный пунктъ. Оттуда онъ посылаетъ сказать аѳинянамъ, что идетъ на Аѳины, и предлагаетъ имъ либо соединиться съ нимъ, либо пропустить его черезъ ихъ территорію. Такая неожиданная диверсія глубоко поразила всѣхъ, а особенно аѳинянъ: вѣсть объ этомъ, какъ передаетъ намъ Демосѳенъ, дошла туда вечеромъ, и пританы, сидѣвшіе за ужиномъ, немедленно встали изъ-за стола, забили тревогу, позвали стратеговъ и, прогнавъ народъ изъ базарныхъ лавокъ, зажгли лотки для скорѣйшей очистки площади. Рано утромъ на слѣдующій день, когда пританы не успѣли еще обсудить дѣло въ сенатѣ, всѣ мѣста на Пниксѣ были уже заняты взволнованнымъ народомъ, не знавшимъ, что предпринять. Собраніе наконецъ открылось, но, не смотря на многократный вызовъ глашатая, никто не осмѣливался встать и обратиться къ народу съ совѣтомъ или ободреніемъ. Всѣ взоры обратились на Демосѳена, и великій патріотъ, среди общаго гробоваго молчанія, всталъ и произнесъ рѣчь. Бѣ

вѣчному нашему сожалѣнію, она до насъ не дошла, но мы знаемъ, что сущность ея сводилась къ тому, чтобъ помѣшать ѳивянамъ соединиться съ царемъ. Самъ съ девятью другими отправляется Демосфенъ къ стариннымъ врагамъ Аѳинъ и, послѣ долгой борьбы съ македонскими послами и цѣною тяжелыхъ жертвъ, заключаетъ съ ѳивянами оборонительный и наступательный союзъ. Радость аѳинянъ была такъ же велика, какъ и ярость Филиппа, но событія вскорѣ показали, что и та, и другая были неосновательны. Къ союзной ѳивано-аѳинской арміи не пристала ни одна первоклассная военная держава Греціи, у нея не было ни одного талантливаго полководца, и главное командованіе перешло къ Демосфену, который понималъ въ военномъ искусствѣ несравненно меньше, нежели въ судебныхъ тяжбахъ. Надѣясь на свои силы, онъ отослалъ на помощь Амфиссѣ отрядъ въ 10 тысячъ человѣкъ, и Филиппъ сразу получилъ перевѣсъ. Быстрымъ движеніемъ предупредилъ онъ этотъ отрядъ, взявъ штурмомъ Амфиссу и немедленно же отправился на встрѣчу главной греческой арміи, поджидавшей его на границахъ Беотіи. Здѣсь, въ долину Херонейской, и произошла въ августѣ 338 г. знаменитая битва, отдавшая въ руки македонскому царю всю Грецію. Тысячи убитыхъ и раненыхъ остались на полѣ сраженія, и самъ Демосфенъ бѣжалъ, а съ нимъ и два другихъ полководца. ѳивы были взяты и разрушены, жители ихъ казнены, либо проданы въ рабство, и Аѳины сами стали дрожать за свою участь. Къ счастью, въ эту трудную минуту Демосфенъ сумѣлъ поднять упавшій духъ народа и пламенными рѣчами пробудить въ немъ дѣятельность и стойкость. Съ небывалымъ энтузіазмомъ стали аѳиняне готовиться къ послѣдней борьбѣ, рѣшившись скорѣе умереть на полѣ брани, нежели раздѣлить печальную участь своего союзника: по совѣту и указаніямъ своего испытаннаго вождя, который никогда не былъ такъ великъ, какъ въ эту критическую минуту, они принялись за укрѣпленіе стѣнами своей гавани Пирея, превратили храмы въ оружейныя мастерскія, объявили всеобщую конскрипцію и вооружили даже рабовъ и метековъ (поселенцевъ). Эта рѣшимость нѣсколько утѣшила Филиппа: онъ принялъ примирительный тонъ, предложилъ возвратитъ имъ безъ выкупа 2.000 плѣнныхъ и городъ Оропъ, нѣкогда отнятый у нихъ ѳивянами, и потребовалъ взамѣнъ лишь гегемоніи для себя и своихъ преемниковъ на всю Грецію и на вѣчныя времена. Аѳиняне согласились, и тѣмъ спасли если и не свободу свою и независимость, то, по крайней мѣрѣ, свой городъ и свою страну.

Этимъ они обязаны были всецѣло Демосфену, и аѳинскій народъ наконецъ оцѣнилъ по достоинству патріотизмъ и заслуги своего

великаго вождя, чьимъ словамъ онъ такъ долго внималъ съ такимъ оскорбительнымъ равнодушіемъ. Какъ бы раскаяваясь въ своемъ прошломъ, онъ осыпалъ его теперь величайшими почестями, поручивъ ему въ 337 г. печальную, но высокую обязанность произнести надгробную рѣчь надъ павшими въ Херонейскомъ бою и постановивъ отпраздновать тризну въ его домѣ...

Два года проходятъ мимо нашихъ взоровъ, окутанные непроницаемымъ мракомъ, и только съ 336 г. возобновляются наши свѣдѣнія о жизни Греціи и ея героя. Въ этотъ годъ былъ убитъ Филиппъ, и Демосѳенъ, получивъ извѣстіе объ этомъ неожиданномъ и радостномъ событіи раньше своихъ соотечественниковъ, снимаетъ съ себя траурную одежду, которую онъ носилъ по скончавшейся съ недѣлю тому назадъ единственной своей дочери, и въ бѣломъ праздничномъ одѣяніи, увѣнчанный цвѣтами, является въ народное собраніе и поздравляетъ согражданъ со смертью врага и тирана. Онъ произноситъ панегирикъ цареубійцѣ Павзанію и выражаетъ надежду, что греки съумѣютъ воспользоваться благопріятнымъ моментомъ, чтобъ свергнуть иноземное иго. Правда, на престолъ Македоніи возсѣлъ другой царь; но то былъ молодой мальчикъ, связанный по рукамъ и ногамъ внутренними смутами и навѣрное предпочитающій скорѣе заниматься празднествами, нежели военными походами. Но Демосѳенъ жестоко ошибался: въ два мѣсяца этотъ «мальчикъ» Александръ уладилъ семейныя и государственныя неурядицы и, явившись неожиданно въ Грецію, привелъ ее сразу и безъ борьбы къ покорности.

Вторая попытка къ возстанію была еще менѣе удачна. На добытыя Демосѳеномъ у персидскаго монарха деньги аѳиняне повсюду стали раскидывать тайныя организациі, разсылать эмиссаровъ и развозить оружіе, и въ 335 году Фивы первыя подняли знамя мятежа. Но движеніе было преждевременно: не успѣли еще аѳиняне раздѣлаться съ македонскимъ гарнизономъ, расположеннымъ въ ихъ цитадели, какъ подъ стѣнами ихъ явился внезапно Александръ и, получивъ на требованіе капитулировать отказъ, взялъ городъ приступомъ. Моментально всё государства, въ томъ числѣ и Аѳины, поспѣшили съ заявленіями своихъ вѣрноподданническихъ чувствъ; но Александръ потребовалъ выдачи всѣхъ главарей національной партіи—Демосѳена, Ликурга, Гиперида и семерыхъ другихъ. Трететь объялъ грековъ, поставленныхъ въ такую дилемму: Фокіонъ отъ имени своихъ друзей требовалъ повинненія царскому приказу, утверждая, что участь государства важнѣе участи его отдѣльныхъ гражданъ, а Демосѳенъ настаивалъ на отказѣ, напоминая аѳинянамъ басню о волкѣ, который потребовалъ отъ овецъ выдачи собакъ,

какъ необходимое условіе мира, а потомъ перегрызъ стадо. Его мѣнѣе взяло верхъ, и къ Александру было послано посольство съ тростью о пошадѣ. Царь долго упорствовалъ, но второе посольство, предводимое благороднымъ и дружественно къ македонянамъ расположеннымъ Фокіономъ, умиротворило его, и онъ согласился замѣнить выдачу упомянутыхъ вожаковъ остракизмомъ двухъ наименѣе важныхъ изъ нихъ.

Такъ плачевно окончилась вторая попытка грековъ свергнуть съ себя македонское владычество, и Греція отнынѣ перестаетъ существовать, какъ самостоятельный политическій организмъ. Тѣмъ не менѣе, ея лучшіе люди не отказывались еще отъ своихъ надеждъ: одни поубѣждали въ Персію, чтобъ воевать противъ Александра, а другіе, въ томъ числѣ и Демосфенъ, остались въ Аѳинахъ и попрежнему продолжали трудиться надъ упорядоченіемъ финансовъ, переустройствомъ морского и военнаго дѣла и поддержаніемъ въ народѣ мужества и революціоннаго духа. Мы вскорѣ увидимъ плоды этихъ усилій, а теперь обратимся опять къ нашему герою, которому предстояло еще пройти черезъ рядъ побѣдъ и униженій, прежде чѣмъ умереть.

Въ 334 г. Александръ, усмиривъ Грецію, отправился на Востокъ, гдѣ и пробылъ всѣ остальные одиннадцать лѣтъ своей жизни. За это время преобладающее вліяніе въ политической жизни Греціи получили македонофилы, и въ волнахъ наступившей реакціи погибли одни за другимъ наиболѣе выдающіеся патріоты того времени. Демосфенъ также не былъ оставленъ въ покоѣ: начиная съ 338 г., со времени Херонейскаго сраженія, онъ становится предметомъ непрерывныхъ нападеній и доносовъ, но всѣ попытки погубить его въ безнадежнѣе разбивались о здоровыя инстинкты народа, теперь впервые проснувшагося къ ясному пониманію событій. Македонофилы наконецъ рѣшили поставить на карту весь свой престоужъ и выдвинули противъ Демосфена своего талантливѣйшаго оратора Эскина. Это произошло по поводу предложенія нѣкоего Ктезифона, родственника нашего героя, наградить Демосфена золотымъ вѣнкомъ за его гражданскія заслуги до, а особенно послѣ Хероней, когда онъ одинъ, среди всеобщаго унынія и малодушія, настаивалъ на дальнѣйшемъ веденіи войны и тѣмъ спасъ страну отъ неминуемаго разгрома. Это-то предложеніе Эскинъ опротестовалъ, какъ незаконное: оно было сдѣлано не въ надлежащее время и мѣсто, и оно мотивировано заслугами Демосфена, которыя никоимъ образомъ не могутъ быть признаны за таковыя. Вопросъ поэтому долженъ быть обсужденъ въ судѣ, прежде чѣмъ онъ можетъ быть отданъ на разсмотрѣніе въ народномъ собраніи.

Эсхинъ однако понималъ всю важность дѣлаемаго шага и потому рѣшилъ дѣйствовать осторожно, стараясь выждать моментъ, когда формальное нападеніе было-бы сопряжено съ наименьшимъ рискомъ; онъ не доводилъ дѣло до суда такимъ образомъ цѣлыхъ шесть лѣтъ, пока усиленіе реакціи въ 330 г., какъ слѣдствіе героической, но неудачной попытки Агиса Спартанскаго къ возстанію, не показало ему, что наступило время нанести ударъ. Въ назначенный для разсмотрѣнія Ктезифонова предложенія день со всѣхъ концовъ Греціи стеклось множество народа, чтобъ присутствовать при состязаніи двухъ знаменитѣйшихъ ораторовъ своего времени и двухъ ярыхъ противниковъ, которые уже не разъ мѣрялись силами, но которые теперь рѣшили либо пасть, либо погубить одинъ другого.

Первымъ выступилъ Эсхинъ и въ своей обвинительной рѣчи, полной рѣзкости и инсинуацій, на которыя онъ былъ несравненный мастеръ, очертилъ всю жизнь Демосѳена чуть ли не съ колыбели, обрисовалъ его пороки въ самомъ неприглядномъ свѣтѣ, разсмотрѣлъ его политическую карьеру до послѣднихъ моментовъ, и указалъ на промахи, которые онъ сдѣлалъ, въ качествѣ государственнаго дѣятеля. Онъ втаптываетъ въ грязь его частный характеръ и клевететь на его патріотизмъ, обвиняя его въ подкупности и раболѣпіи передъ Македоніей; онъ дѣлаетъ его виновникомъ всѣхъ бѣдствій государства и старается показать, что онъ умышленно упускалъ моменты, когда аѳиняне легко могли бы спастись. Его рѣчь, ядовитая и страстная, но все же великолѣпная, оказала сильное впечатлѣніе на слушателей, но отвѣтъ Демосѳена круто повернулъ мнѣнія судей въ противоположную сторону. То была знаменитая рѣчь «о вѣнкѣ» — величайшая, какая когда-либо выходила изъ устъ человѣка. Намъ рѣшительно невозможно передать здѣсь содержаніе этого колоссальнаго произведенія хотя бы въ сжатой формѣ: то защищаясь отъ нападокъ, то въ свою очередь нападая, то возвышаясь до паразитическаго паѳоса, то опускаясь на самое дно шаржа и карикатуры, чередуя гнѣвъ и остроты, угрозы и насмѣшки, увѣщанія и оскорбленія, выражаясь то метафорами, то парадоксами, ораторъ обозрѣваетъ всю свою жизнь и публичную карьеру, стараясь показать чистоту своего характера и патріотизма и благотворность своей дѣятельности. Онъ защищаетъ свою политическую программу, на проведеніе которой онъ посвятилъ свою жизнь, и доказываетъ, какъ полезна она могла быть для аѳинянъ, и какъ губительна для македонянъ. Онъ сознается, что планы его не удались, но онъ утверждаетъ, что это случилось не по его винѣ, а по винѣ его согражданъ. — а главное, тѣхъ изъ

нихъ, чьимъ представителемъ является Эсхинъ. Онъ рисуетъ при этомъ грустныя картины состоянія Греціи и ея гражданской нравственности, язвительно бичуетъ всѣхъ тѣхъ, которые пользовались всеобщей деморализаціей для того, чтобы продать свою родину, и выставляетъ свои заслуги въ дѣлѣ изысканія средствъ для борьбы съ врагами какъ внѣшними, такъ и внутренними. Словомъ, передъ нашими взорами проносится вся эпоха, въ которую пришлось дѣйствовать Демосфену, — со всѣми ея героями и событіями, войнами и интригами, побѣдами и пораженіями, и среди всей массы аргументовъ, фигуръ и картинъ ясно выдѣляются личности оратора и его соперника, какъ два рѣзкихъ контраста, выборъ между которыми не можетъ затруднить ни одного, любящаго свое отечество... Демосфенъ одержалъ рѣшительную побѣду: Эсхинъ не только проигралъ, но даже не получилъ достаточнаго числа голосовъ, потребнаго для защиты отъ дѣйствія закона о недостаточно обоснованныхъ и недоказанныхъ обвиненіяхъ, — онъ не имѣлъ за собою и одной пятой всѣхъ голосовъ и долженъ былъ пойти въ изгнаніе, гдѣ и прожилъ до конца своихъ дней.

Такъ неожиданно сошло со сцены одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ того времени, чья общая испорченность и политическая продажность являются достойными выразительницами морали вѣка. Государственные люди Греціи, какъ мы знаемъ, далеко не всегда отличались высокой нравственностью и патріотизмомъ; но среди нихъ мы врядъ-ли найдемъ другого, который по своему циническому отношенію къ самымъ элементарнымъ требованіямъ политической этики могъ бы сравниться съ Эсхиномъ. Можно себѣ поэтому представить, какой вздохъ облегченія вызвало его изгнаніе изъ груди патріотовъ, а въ особенности у того, чьей помѣхою онъ являлся на каждомъ шагѣ въ его общественной и ораторской дѣятельности. Въ Эсхинѣ Демосфенъ избавился теперь отъ противника, который болѣе, чѣмъ кто либо другой, содѣйствовалъ разрушенію его плановъ: македонофильская партія, правда, еще не исчезла, но, потерявъ своего наиболѣе даровитаго вождя, она потеряла и свой умственный престижъ, а потому и вліяніе на народную мысль. Демосфенъ могъ бы отнынѣ съ большей увѣренностью въ успѣхъ своихъ усилій заняться дѣломъ возрожденія Греціи къ свободѣ, еслибы внезапный случай не положилъ на нѣкоторое время предѣла его дѣятельности и не свергъ его въ бездну страданія и позора.

Мы имѣемъ въ виду знаменитый Гарпалловъ процессъ. Сатрапъ Сиріи и Вавилона Гарпаллъ въ отсутствіи Александра присвоилъ себѣ его сокровищницу и явился въ Аѣины, гдѣ сталъ привлекать

на свою сторону членовъ національной партіи, постоянно нуждавшейся въ деньгахъ на организацію возстаній. По предложенію Демосоена, его наконецъ заключили въ темницу, и деньги — 700 слишкомъ талантовъ, какъ заявилъ самъ Гарпаллъ, — были отобраны и помѣщены на храненіе въ Акрополь. Спустя нѣкоторое время Гарпаллъ бѣжалъ, а казначеи секвестрованныхъ суммъ объявили крупный недочетъ. Стали думать и гадать, когда и кѣмъ были расхищены эти деньги, и наконецъ остановились на Демосоенѣ и его товарищахъ, которые не разъ получали отъ Гарпалла крупныя суммы. Кстати же вспомнили, что Демосоенъ, назначенный членомъ комиссіи по надзору за деньгами, долго скрывалъ декларацію, сдѣланную Гарпалломъ, относительно количества привезенныхъ имъ въ Аѳины денегъ, и, по предложенію самого же оратора, передали дѣло на изслѣдованіе ареопагу. Между прочимъ объявилась счетоводная книжка преступнаго сатрапа, но въ ней имени Демосоена, какъ получателя денегъ, не оказалось. Тѣмъ не менѣе, когда послѣ шестимѣсячнаго тайнаго обсужденія и дознанія ареопагъ обнародовалъ списокъ провинившихся въ этомъ дѣлѣ горожанъ, въ немъ фигурировалъ на первомъ планѣ Демосоенъ со взяткою въ 20 талантовъ. Народъ былъ ошеломленъ, и на судѣ нашъ ораторъ былъ присужденъ къ уплатѣ тяжелой пени въ 50 талантовъ, а за неимѣніемъ ея — къ тюремному заключенію.

Исторія эта очень темная, и лучшіе авторитеты, какъ Гротъ или Шефферъ, признаютъ приговоръ суда несправедливымъ. Конечно, у насъ нѣтъ достаточныхъ фактовъ для категорическаго рѣшенія вопроса въ ту или другую сторону: даже протоколъ ареопага до насъ не дошелъ, не бывъ никогда обнародованъ; но все — и безкорыстный патріотизмъ Демосоена, и личный составъ ареопага, набравшагося изъ богатыхъ коммерческихъ классовъ, заставляетъ насъ видѣть въ осужденіи Демосоена одинъ лишь подвохъ македонфиловъ. Два пункта однако слѣдуетъ отмѣтить въ связи съ этимъ процессомъ, какъ говорящіе противъ нашего оратора: во-первыхъ, противъ него высказались и Гиперидъ, его другъ и политическій сподвижникъ, и публичный народный судья, уважавшій его заслуги; во-вторыхъ же, онъ самъ признался на судѣ, что взялъ изъ Гарпалловыхъ суммъ 20 талантовъ. Правда, онъ при этомъ объяснялъ, что эти деньги слѣдовали ему изъ государственнаго казначейства за авансъ, сдѣланный имъ незадолго до этого теорикону; но съ одной стороны, кто поручится намъ, что Демосоенъ говорилъ правду, а не далъ первое всплывшее ему на умъ объясненіе? Вѣдь, тогда зачѣмъ бы онъ старался скрывать свой поступокъ, какъ онъ несомнѣнно

дѣлалъ? Съ другой же стороны, если объясненіе, данное имъ, вѣрное, то оно—очень плохое оправданіе: оно освобождаетъ его отъ одного обвиненія и возводитъ на него другое, не менѣе тяжелое, а именно—въ присвоеніи государственнаго имущества безъ разрѣшенія, въ злоупотребленіи довѣріемъ, въ незаконной растратѣ. Дѣло поэтому вовсе не такъ гладко обстоитъ, какъ это принято думать: бралъ же Демосеенъ на партійныя нужды средства у персидскаго монарха; отчего же не могъ онъ ихъ взять для той же цѣли у Гарпалла?..

Демосеенъ былъ заключенъ въ тюрьму, но вскорѣ оттуда бѣжалъ, и тѣмъ, казалось, навсегда подорвалъ свою репутацію, какъ человѣка и гражданина. Событія однако рѣшили иначе. Въ 323 г. умеръ Александръ, и Греція, какъ одинъ человѣкъ, возстала съ замѣчательнымъ единодушіемъ и энтузіазмомъ. Въ эту минуту, когда, казалось, новыя надежды расцвѣли въ сердцахъ людей и новая заря блеснула на сумрачномъ дотолѣ горизонтѣ, народъ, естественно, вспомнилъ о томъ, кто въ прежніе годы вдохновлялъ его своими дивными рѣчами и не разъ указывалъ путь къ побѣдѣ. Демосеенъ вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ жилъ въ изгнаніи,—главнымъ образомъ на островѣ Эгинѣ: одинокій и всѣми покинутый, онъ однако не разочаровался ни въ своихъ идеалахъ, ни даже въ своихъ согражданахъ, и какъ только донеслись до него слухи о національномъ пробужденіи, онъ со всѣмъ своимъ прежнимъ увлеченіемъ бросился на помощь новому движенію, примкнувъ къ посольствамъ, разосланнымъ по Пелопонессу, и будя попрежнему народъ къ объединенію, къ борьбѣ, къ свободѣ. Тогда, по предложенію Дамона, родственника оратора, афиняне рѣшили вернуть его изъ ссылки и послали за нимъ въ Эгину государственную трирему. Весь народъ съ архонтами во главѣ вышелъ на встрѣчу возвращавшемуся патриоту, и весь путь отъ Пирея до Афинъ былъ однимъ триумфальнымъ шествіемъ. При восторженныхъ вликахъ народа, среди общаго шума рукоплесканій и музыки, счастливый Демосеенъ въ цвѣтахъ и праздничномъ одѣяніи взошелъ на Акрополь, чтобъ воздать хвалу и благодарность безсмертнымъ богамъ и народу. Это былъ самый свѣтлый день въ его жизни, какъ свидѣтельствовалъ со слезами на глазахъ самъ Демосеенъ; но—увы!—счастье продолжалось не долго: надеждамъ грековъ и на этотъ разъ не суждено было осуществиться, и вмѣстѣ съ гибелью ихъ погибла жизнь того, чья судьба была такъ тѣсно связана съ судьбою страны.

Соединенная армія грековъ сначала имѣла успѣхъ, но послѣ первыхъ побѣдъ она стала отступать и наконецъ потерпѣла рѣшительное пораженіе при Кранонѣ въ 322 г. Афины, душа всего дви-

женія, принуждены были просить мира, и Антипатръ, преемникъ Александра на македонскомъ престолѣ, между другими, весьма тяжелыми, условіями потребовалъ выдачи Демосеена и его единомышленниковъ. Напрасно аеиняне просили пощадить и сжалиться надъ ними: свирѣпый Антипатръ настаивалъ на своемъ, и Демосеенъ, видя невозможность иного исхода, рѣшилъ бѣжать и тѣмъ развязать руки своимъ согражданамъ. Онъ бѣжалъ въ Калаврію и скрылся въ Поссейдоновомъ храмѣ, но вслѣдъ за нимъ погнался нѣкій Архій, бывшій комедьянтъ, а нынѣ вѣрный исполнитель воли Антипатра по части розысковъ и убійствъ. Не смотря на свою законность въ грѣхахъ и преступленіяхъ, Архій долго не рѣшался осквернить древнее святилище, стараясь выманить оттуда Демосеена добромъ и обѣщаніями; но послѣдній лишь взглянувъ ему въ лицо и, не поднимаясь съ мѣста, презрительно промолвилъ, намекая на его прежнюю профессію: «ни твоя игра не трогала меня раньше, ни твои обѣщанія — теперь». Архій пришелъ въ ярость. «Ну, вотъ, — замѣтилъ Демосеенъ: прежде ты игралъ комедію, а теперь — македонскаго оракула. Подожди же, — добавилъ онъ, — пока я напишу роднымъ свое послѣднее прощаніе». Онъ удалился въ глубь храма и, вынувъ навощенную табличку, взявъ отравленный грифель въ ротъ, словно обдумывая и собираясь писать. Закрывшись хитономъ и склонивъ голову на руку, онъ ждалъ дѣйствія яда, пока Архій, ничего не подозревая, не подошелъ къ нему и не приказалъ ему слѣдовать за нимъ. Тогда Демосеенъ отерылъ лицо и промолвилъ: «теперь ты смѣло можешь играть Креона (героя въ Софокловой драмѣ «Антигона», запрещающаго хоронить трупъ убитаго Полиника) и выбросить мой трупъ непогребеннымъ. Что же до меня, о великій Поссейдонъ, то я оставляю твой храмъ съ дыханіемъ въ груди, въ то время какъ македоняне не поколебались бы осквернить его пролитіемъ крови». Съ этими словами онъ привсталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и со стономъ упалъ неподалеку отъ алтаря. Все было кончено, — и Архій поднималъ съ земли бездыханный трупъ великаго Демосеена.

Такъ угасла жизнь патріота, проведенная въ неустанныхъ трудахъ на благо горячо любимой родины. Эти труды, правда, не дали никакихъ практическихъ результатовъ; но если высокіе идеалы и неуклонное стремленіе провести ихъ въ жизнь имѣютъ для насъ какое-либо значеніе независимо отъ степени осуществленія ихъ, фигура Демосеена, отдавашаго имъ все свои огромныя силы, останется навсегда украшеніемъ исторіи нашей расы. Тѣмъ жальче, тѣмъ грустнѣе становится, когда отъ публичной дѣятельности Демосеена нашъ взоръ переходитъ къ другимъ сторонамъ его жизни и личности: мы

такъ привыкли ассоціровать великаго гражданина съ великимъ характеромъ и сердцемъ, что, встрѣчая несоотвѣтствіе между ними въ дѣйствительности, мы испытываемъ не то недоумѣніе, не то жалость. Межъ тѣмъ не можетъ подлежать сомнѣнію, что Демосеенъ, какъ человѣкъ и практическій дѣятель, стоялъ гораздо ниже Демосеена, какъ патріота. Выросши въ эпоху, когда этическіе идеалы смѣнились коммерческими и господствующимъ мотивомъ поведения сталъ матеріальный расчетъ, онъ къ тому еще не обладалъ достаточной стойкостью, если даже и имѣлъ иногда охоту, чтобы противостоять влияніямъ среды и воспитанія и возвыситься одною силою своего духа надъ общимъ уровнемъ привычекъ и инстинктовъ. Онъ недостаточно корректно относился къ требованіямъ профессиональной чести и въ процессѣ противъ Лептина взялся защищать несправедливое дѣло изъ чисто матеріальныхъ расчетовъ, а въ тяжбѣ Форміона и Аполлодора (352 — 350 гг.) написалъ защитительныя рѣчи для обѣихъ тяжущихся сторонъ. Онъ далеко не питалъ того уваженія къ истинѣ и правдѣ, которое мы привыкли искать болѣе, нежели въ другихъ людяхъ, въ государственныхъ дѣятеляхъ и юристахъ — этихъ *boni viri dicendi periti* (честные люди, опытные въ рѣчи), какъ говорили римляне: онъ въ своихъ рѣчахъ нерѣдко противорѣчить самому себѣ, то отрицая истину, то констатируя ложь, и не всегда умѣетъ останавливаться передъ клеветою и даже сплетнею, какъ это видно изъ его нападокъ на Эсхина въ рѣчи «о вѣнѣхъ». Его искренности поэтому не всегда можно вѣрить и на его слово не всегда можно полагаться. Получивъ отъ своего знакомаго извѣстіе о смерти Филиппа раньше всѣхъ, онъ въ рѣчи своей къ народу по этому поводу старается обставить дѣло такъ, какъ будто ему приснился сонъ, возвѣщающій нѣчто важное, а въ другой разъ, во время тяжбы съ Мидіемъ, онъ въ рѣчи своей — къ счастью, неизданной, — вооружается противъ всѣхъ тѣхъ, которые думали бы, что онъ имѣетъ въ виду какіе-либо личные интересы, и инсинуируетъ, что другіе, менѣе близко, чѣмъ онъ, принимающіе къ сердцу благо отечества, навѣрное постарались бы уладить дѣло полюбовно за приличное вознагражденіе. Не проходитъ и двухъ мѣсяцевъ, какъ онъ самъ отступаетъ и беретъ отъ Мидіа плату въ 30 минъ! Здѣсь уже проглядываетъ и корыстолюбіе его, въ которомъ завѣряютъ насъ всѣ древніе писатели. По этому поводу Плутархъ рассказываетъ анекдотъ о томъ, какъ Гарпаллъ подкупилъ Демосеена, пославъ ему въ даръ понравившійся ему кубокъ съ 20-тью талантами. Демосеенъ сразу сталъ на его сторону и на слѣдующій день явился въ народное собраніе, гдѣ обсуждался вопросъ объ участи Гарпалла,

съ повязаннымъ горломъ, показывая видъ, что простудился и не можетъ говорить. Ему, конечно, не повѣрили, утверждая, что онъ охрипъ, проглотивъ слишкомъ много золота, а когда онъ пытался впоследствии оправдываться, и публика стала шумѣть, одинъ изъ присутствующихъ приказалъ дать право голоса «человѣку съ кубкомъ», намекая на пиршественный обычай, въ силу котораго чаша обходила всѣхъ возлежавшихъ и каждый при этомъ пѣлъ или произносилъ спичъ. Конечно, мы не станемъ придавать вѣру всякому анекдоту; но если даже рассказываемое не больше, чѣмъ сплетня, ходившая по устамъ, то одинъ тотъ фактъ, что находились люди, которые вѣрили ей и даже передавали дальше, показываетъ, что репутація Демосоена, какъ безкорыстнаго и неподкупнаго человѣка, была далеко не изъ высокихъ. Не болѣе высока, быть можетъ, была репутація Демосоена, и какъ мужественнаго человѣка. Правда, онъ не падалъ духомъ отъ неудачи и встрѣтилъ смерть съ замѣчательнымъ самообладаніемъ; но онъ бѣжалъ съ Херонейскаго поля, подобно многимъ другимъ, въ то время какъ старецъ Исократъ, получивъ извѣстіе о катастрофѣ въ своемъ ученомъ уединеніи, не захотѣлъ пережить несчастіе своей родины и наложилъ на себя руки; онъ долго не рѣшался пожертвовать собою для спасенія отечества, отдѣлываясь баснями о волкахъ и овцахъ въ то время, какъ Фокіонъ завѣрялъ, — и ему можно было повѣрить, — что, будь онъ на его мѣстѣ, онъ ни на минуту не задумался бы заплатить своей кровью ради блага родины; онъ не колеблется выдать головою двухъ своихъ товарищей въ то время, какъ Фокіонъ отправляется хлопотать о помилованіи своихъ враговъ; и наконецъ, убѣгая изъ тюрьмы, — поступокъ далеко не Сократовскій, — онъ малодушно плакалъ, упрекая Аѣнну-Палладу за то, что она покровительствуетъ тремъ такимъ чудовищамъ, какъ совѣ, змѣѣ и народу. Недаромъ же, когда, 40 лѣтъ послѣ его смерти, аѣнныяне, памятуя его заслуги, воздвигли ему памятникъ, они начертали на немъ надпись: «Если бы, о Демосоенъ, въ тебѣ сила равнялась сужденью, — Марсъ Македонскій осилить Элладу во вѣкъ не успѣлъ бы».

Гораздо больше вниманія заслуживаетъ Демосоенъ, какъ государственный дѣятель. Ему, прежде всего, принадлежитъ одно изъ наиболѣе крупныхъ завоеваній въ области политической мысли того времени, — а именно концепція о единой и нераздѣльной Элладѣ, какъ о компактномъ социальномъ организмѣ съ собственными, ему одному принадлежащими, традиціями, культурою и интересами. Безъ сомнѣнія, эта пан-эллинская идея, какъ отвѣтъ на насущные запросы времени, раздѣлялась многими тогдашними мыслителями и

кроме Демосфена; но только онъ одинъ сумѣлъ внести въ нее надлежащее содержаніе и оплодотворить ее, какъ исходный пунктъ и новой политической программы, и новой государственной жизни Греціи. Въ то время, напр., какъ Исократъ, стоя на той же точкѣ зрѣнія, видитъ практическую задачу времени не дальше, какъ въ обще-греческомъ походѣ противъ персовъ, этихъ старинныхъ угнетателей азіатскихъ грековъ, и готовъ съ этою цѣлью пригласить въ 346 г. Филиппа Македонскаго въ качествѣ полководца объединенной греческой арміи, — измѣняя такимъ образомъ основному принципу пан-эллинизма о независимости и самодѣятельности Греціи, — Демосфенъ, напротивъ, требуетъ федераціи греческихъ общинъ, какъ *постояннаго* базиса для внутреннихъ ихъ отношеній, съ одной стороны, и какъ принципа обороны противъ *всякихъ* внѣшнихъ враговъ, съ другой. Согласно этому взгляду, отдѣльныя греческія государства должны заглушить свой партикуляризмъ въ сознаніи своей принадлежности къ одной общей семьѣ, и ихъ прежняя центробѣжная политика должна уступить мѣсто согласному и дружному дѣйствію во всѣхъ случаяхъ, когда вопросъ идетъ о внѣшнихъ дѣлахъ. Автономія отдѣльныхъ общинъ этимъ не уничтожается, но каждая изъ нихъ признаетъ надъ собою существованіе организма высшаго, нежели онѣ сами, чьими членами онѣ являются и чьими интересами онѣ главнымъ образомъ и живы. Правда, Демосфенъ при этомъ не забывалъ выдвигать на первый планъ Аѣины, какъ первенствующее государство Греціи, которому должна принадлежать гегемонія, а съ нею и извѣстныя привилегіи; но онъ не колебался при этомъ указывать своимъ согражданамъ на то, что эта гегемонія не только *признается* за ними въ силу права, даваемого имъ безчисленными жертвами, личными и матеріальными, но и *вмѣняется имъ въ обязанность* историческими традиціями и значеніемъ Аѣинъ въ культурной жизни Греціи. Съ этой точки зрѣнія гегемонія Аѣинъ нисколько не идетъ въ разрѣзъ съ федеративнымъ началомъ, на которомъ должны быть переустроены взаимныя отношенія греческихъ государствъ; напротивъ, настаивая на немъ, Демосфенъ лишь переноситъ пан-эллинскій принципъ изъ области теоріи на почву практической жизни, кладя его въ основу всей военной и морской организаціи Эллады.

Съ этой стороны, слѣдовательно, Демосфенъ по справедливости можетъ считаться однимъ изъ самыхъ выдающихся политическихъ мыслителей Греціи, который по широтѣ концепцій можетъ стать на ряду съ ея лучшими государственными людьми, вроде Перикла и Фукидида. Къ сожалѣнію, какъ и во всемъ прочемъ, теорія и

практика у него далеко расходилась между собою, и надъ нимъ, какъ надъ практическимъ политикомъ, приходится произнести почти столь же отрицательный приговоръ, какъ и надъ его нравственнымъ характеромъ. Не говоря уже о неприязни его къ Спартѣ и Фивамъ, которая нерѣдко приводила его къ положеніямъ, совершенно не согласимымъ съ его пан-эллинскими взглядами, а подчасъ даже вреднымъ въ своихъ практическихъ послѣдствіяхъ, онъ на каждомъ шагу въпродолженіе своей многолѣтней карьеры совершалъ поступки, не могущіе претендовать ни на послѣдовательность, ни на честность. Мы не станемъ вмѣстѣ съ однимъ изъ новѣйшихъ историковъ Греціи (Гольмомъ) утверждать, что онъ былъ не болѣе, какъ оппортунистъ, у котораго расчеты минутной выгоды играли роль руководящихъ принциповъ; но мы не можемъ не признать зерна справедливости въ этомъ суровомъ мнѣніи, видя, какъ Демосеенъ непрерывно впадаетъ въ противорѣчія съ самимъ собою, то утверждая, что онъ раньше отрицалъ, то отрицая то, что онъ раньше утверждалъ. Такъ, въ 352 г. онъ противится захвату Спартою Мегалополиса, дабы она не забрала потомъ и Мессенію, а въ 344, во II Филиппикѣ, онъ признаетъ за Спартою право надъ Мессеніей и всѣмъ Пелопонессомъ. Подобнымъ же образомъ, въ 344 г., онъ протестуетъ противъ власти Фивъ надъ Орхоменомъ, а въ 338, наканунѣ Херонеи, онъ готовъ уступить Фивамъ какъ этотъ городъ, такъ и всю Беотию вообще. Конечно, такого рода превращенія дѣлались съ цѣлью объединить нужныя для борьбы съ Македоніей силы, — и эта цѣль, доминирующая во всей дѣятельности Демосеена, является искупительной стороною, въ виду которой упрекъ въ оппортунизмѣ не совсѣмъ справедливъ; — тѣмъ не менѣе, они обнаруживаютъ въ нашемъ дѣятелѣ отсутствіе строго-выработаннаго плана, съ одной стороны, и готовность идти на недостойные компромиссы, съ другой. А это значитъ, что Демосеенъ, будучи несравненнымъ агитаторомъ, никогда не могъ подняться до той высоты, на которой стоитъ всякій государственный человѣкъ въ истинномъ значеніи этого слова: онъ никогда не умѣлъ охватить въ одномъ общемъ взглядѣ всѣ могущія возникнуть комбинаціи политическихъ явленій и никогда не былъ въ состояніи согласовать во едино свою главную цѣль со средствами и орудіями, потребными для ея достиженія. Онъ всегда оставался зауряднымъ политикомъ, не понимавшимъ высшихъ задачъ своего искусства; и питаясь тѣмъ, что приноситъ ближайшее настоящее; онъ поэтому при выборѣ путей мало вдавался въ вопросъ, насколько они идутъ въ унисонъ съ принципами, на которыхъ покоится намѣченная

цѣль. Къ сожалѣнію, этотъ недостатокъ въ значительной степени усугублялся еще его несовершеннымъ пониманіемъ текущихъ событий. Видя, напр., съ какимъ неослабнымъ пыломъ онъ велъ оппозицію противъ Филиппа, обвиняя его въ коварствѣ и лицемеріи и обличая его поступки и планы, можно было бы ожидать, что если кто и понималъ роль и значеніе царя, такъ это былъ Демосөенъ; между тѣмъ вѣтъ ничего ошибочнѣе такого предположенія: Демосөенъ почти вплоть до Херонейскаго сраженія не былъ въ состояніи оцѣнить по достоинству геній македонскаго завоевателя—его организаторскія силы, его военные таланты, его дипломатическія способности. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить невинное равнодушіе, съ какимъ Демосөенъ—на ряду впрочемъ со всѣми—относился къ успѣхамъ Филиппа, въ то время, какъ онъ отбиралъ одно за другимъ владѣнія аоніянъ на сѣверномъ берегу Эгейскаго моря,—или позднѣе, его пренебрежительную третировку своего противника, какъ незначительнаго царька, не имѣющаго за собою ни матеріальныхъ силъ, ни даже нравственной поддержки вродѣ популярности и личнаго обаянія. Мало того, постоянно толкуя о лукавствѣ и вѣроломствѣ Филиппа, Демосөенъ въ то же время настолько, повидимому, мало проникался смысломъ своихъ собственныхъ словъ, что нерѣдко давался въ обманъ на самыя грубыя удочки,—забывая при этомъ свой недавній опытъ и врядъ ли даже предостерегаемый на будущее время. Такъ напри- мѣръ, при обсужденіи условій мирнаго трактата 346 г., когда рѣчь шла объ участіи фокійцевъ, онъ, послѣ нѣкоторой оппозиціи проектировавшемуся выключенію ихъ изъ договора, наконецъ уступилъ, повѣривъ неоффициальнымъ завѣреніямъ Филиппа въ своемъ благорасположеніи къ этому злополучному народу. Какъ извѣстно, эти завѣренія были столь же нагло попораны, какъ и въ 357 г., когда рѣшалась судьба Амфиполиса, и Демосөенъ такимъ образомъ «далъ себя дважды обмануть однимъ и тѣмъ же лицомъ на одинъ и тотъ же манеръ!» (Гольмъ).

Послѣ этого приходится лишь удивляться, какимъ образомъ, при такой заурядности личнаго характера и политическихъ талантовъ, Демосөену все-таки удалось сыграть въ исторіи видную роль и снискать значительную популярность какъ среди современниковъ, такъ еще больше среди потомковъ? Разрѣшеніе этой задачи, кромѣ какъ въ его патріотизмъ, слѣдуетъ искать въ его по истинѣ дивномъ дарѣ краснорѣчія, къ которому, въ заключеніе этого очерка, намъ и слѣдуетъ обратиться.

Нигдѣ, какъ извѣстно,—ни въ древнемъ, ни даже въ новомъ

мірѣ, — краснорѣчіе не пользовалось такою популярностью и такимъ вліяніемъ, какъ въ античной Греціи, а особенно въ Аѣинахъ. Живою, воспримчивымъ и нервнымъ умъ грека былъ особенно чутокъ къ обаянію устнаго слова, и уже у Гомера мы встрѣчаемъ указанія на преклоненіе, которое вызывали герои, отличавшіеся умѣньемъ облекать свои мысли въ легкія и удобопонятныя формы. Тѣмъ не менѣе, только около середины V вѣка до Р. Хр., можно сказать, достигло краснорѣчіе полного своего расцвѣта и стало выдающеюся силою въ общественной и политической жизни греческихъ государствъ. Удовлетворяя потребностямъ разившейся демократіи, оно возведено было тогда на степень искусства, благодаря усиліямъ софистовъ, сознавшихъ всю огромную важность и значеніе слова, какъ орудія мысли. Провозглашая за единственную мѣру вещей личное мнѣніе индивида и ставя содержаніе, да и само существованіе этого мнѣнія въ зависимость отъ получаемаго имъ, этимъ индивидомъ, впечатлѣнія, эти проповѣдники крайняго субъективизма первые стали искать средствъ воздѣйствія на умы слушателей въ словесной формѣ столько же, сколько въ облакаемой ею мысли: они первые поняли, что одна содержитъ въ себѣ источникъ силы и обаянія независимо и сверхъ силы и обаянія другой, и что рѣчь, какъ живое сочетаніе обѣихъ, должна оказывать впечатлѣніе и своей существенной, и своей формальной стороною, — точь въ точь, какъ, напр., пѣсня, состоящая изъ мелодіи и словъ. Они поэтому раньше всѣхъ поставили риторіку, какъ науку истиннаго краснорѣчія, въ рядъ съ логикою, какъ наукою правильнаго мышленія, и раньше всѣхъ стали настаивать на тщательномъ изученіи первой, какъ на необходимомъ дополненіи къ изученію второй. Благодаря это — безъ сомнѣнія, роль непосредственнаго творчества значительно умалется, уступая мѣсто рефлексу, сознательности и отчасти даже искусственности; но зато слово, какъ оружіе убѣжденія, получаетъ силу, дотолѣ неслыханную по своей интенсивности и мѣткости.

Въ школѣ, основанной софистами, воспитались всѣ ораторы 5-го и 4-го вѣковъ, и Демосѣенъ, въ комъ греческое краснорѣчіе достигаетъ своего кульминаціоннаго пункта, является наиболѣе достойнымъ и вѣрнымъ носителемъ ея традицій. До насъ дошло до 30 рѣчей, которыя признаны за подлинно-Демосѣеновскія, но ни одна изъ нихъ не есть плодъ импровизаціи, какъ это можно было бы ожидать à priori: каждая представляетъ результатъ долгаго и тщательнаго труда, положеннаго на развитіе темы, на схематизацію плана, на отдѣлку стили, на шлифовку выраженій. Подобно архитектору, воздвигающему зданіе, Демосѣенъ строилъ фразу за фра-

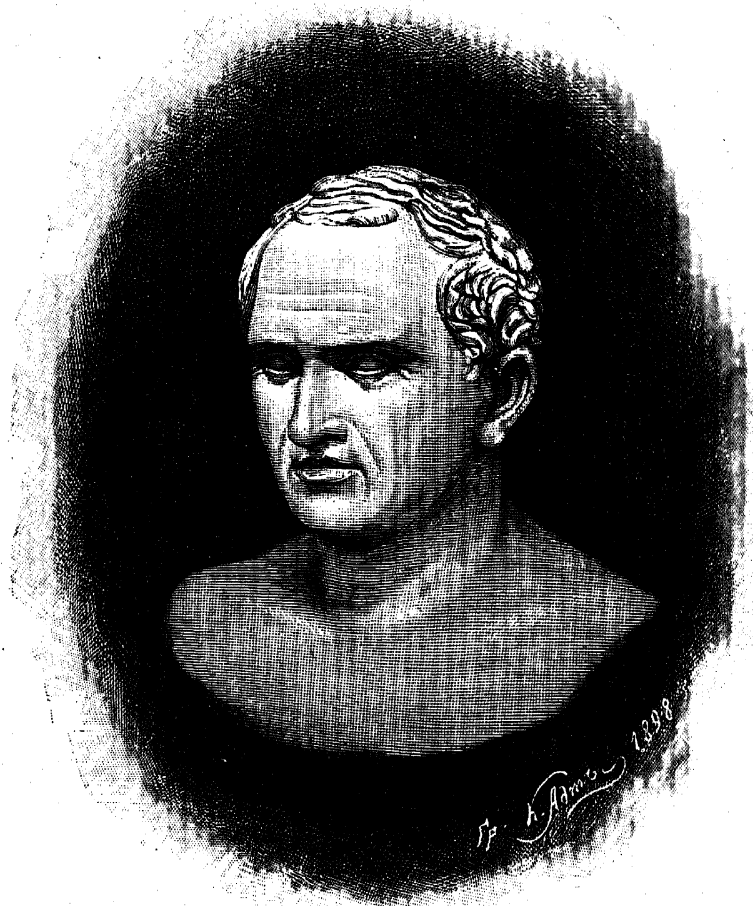
зою, точно исчисляя давленіе и треніе и старательно вкладывая каждый камень въ свое мѣсто: онъ взвѣшивалъ каждое слово, онъ изучалъ каждый эффектъ, онъ оттачивалъ каждый аргументъ. Про него говорили, что, проводя ночи въ работѣ, онъ вплоть до 50-ти-лѣтняго возраста почти что не тушилъ лампы, а если уже и ложился спать, то на узкой и жесткой кровати, дабы не отдавать сну больше, чѣмъ абсолютно необходимо было. Считая жизнь за тяжелый трудъ, онъ, говорятъ, ни разу не отвѣдалъ вина, за что получилъ насмѣшливое прозвище «водопійца», и никогда не могъ себя простить за то, что рабы его поднялись однажды утромъ раньше него и принялись за занятія въ то время, какъ онъ еще спалъ. Безъ сомнѣнія, въ этихъ разсказахъ много преувеличеннаго, много легендарнаго; но уже самое существованіе ихъ доказываетъ, какъ мало полагался Демосѣенъ на вдохновенный экспромптъ, и какъ много отдавалъ онъ систематической и сознательной отдѣлкѣ формы, на которой настаивали софисты. «Роëtae nascuntur, oratores fiunt», говорилъ Цицеронъ (поэты рождаются, а ораторы дѣлаются), и ни къ кому эти слова не приложимы болѣе, нежели къ Демосѣену.

Тѣмъ не менѣе, мы напрасно искали бы въ его рѣчахъ той безжизненности, сухости и монотонности, которыми обыкновенно страдаютъ произведенія не непосредственнаго творчества. Какъ передаетъ Плутархъ, иные его соперники, намекая на его ночныя занятія, упрекали Демосѣена въ томъ, что его рѣчи отзываются лампаднымъ масломъ; но болѣе несправедливаго приговора было бы трудно сыскать. Напротивъ, въ томъ по крайней мѣрѣ видѣ, въ какомъ онѣ дошли до насъ, рѣчи Демосѣена такъ же свѣжи и чарующи, какъ будто только что вылились изъ груди: онѣ полны жизни и эмоцій и, подобно созданіямъ Фидіаса, не носятъ никакихъ слѣдовъ работавшаго съ такою тщательностью рѣзца. Въ этомъ виденъ гений нашего оратора во всей яркости: чуждый схоластическихъ привычекъ и пріемовъ, онъ не облекалъ своихъ произведеній въ застывшія и стѣснявшія, подобно позамъ египетскихъ статуй, одежды, но придавалъ имъ формы столь же свободныя, изящныя и безыскусственныя, какъ и складки непринужденно наброшеннаго хитона. Оттого его рѣчи, какъ, напр., величайшая изъ нихъ: «О вѣнцѣ», далеко не блещутъ строгостью плана и стройностью логическаго порядка мыслей: онъ преднамѣренно и съ величайшимъ искусствомъ придавалъ имъ видъ импровизацій и въ своихъ стараніяхъ доходилъ до того, что однажды заставилъ писца искать и не найти нужной ему для прочтенія бумаги, показывая видъ, что рѣчь вовсе не была приготовлена заранее...

Одною изъ выдающихся особенностей краснорѣчія Демосоеена слѣдуетъ признать необычайную ясность и отчетливость мысли и фразы. Признавая какъ ту, такъ и другую за необходимые и неразрывные элементы одного и того же органическаго дѣлага, онъ, въ противоположность большинству ораторовъ древняго и новаго времени, никогда не произносилъ пустыхъ, ничего не говорящихъ словъ, никогда не напускалъ на слушателей неопредѣленнаго, хотя бы и пріятнаго тумана, и никогда не приводилъ ихъ въ то состояніе, при которомъ имѣются ощущенія, но не улавливаются никакія опредѣленныя идеи. Онъ выражался просто и сжато, избѣгая обычныхъ ораторскихъ пріемовъ, и въ каждой его фразѣ, въ каждомъ его словѣ присутствовала мысль, четкая и точная, какъ узоръ на вновь отчеканенной монетѣ. Это, конечно, не значитъ, чтобъ онъ былъ совершенно чуждъ общепринятыхъ фигуръ рѣчи, вродѣ риторическихъ вопросовъ и отвѣтовъ, яркихъ метафоръ и уподобленій поэтическихъ образовъ и картинъ; напротивъ, онъ заходилъ иногда въ этомъ направленіи дальше, чѣмъ осмѣливались другіе; онъ олицетворялъ неодушевленные предметы, говорилъ діалогами и употреблялъ народныя выраженія, которыя своею грубою силою приводилъ слушателей въ оцѣпенѣніе; но онъ никогда не злоупотреблялъ такими пріемами, жертвуя для нихъ содержаніемъ или аргументомъ и форма у него всегда оставалась строга и даже скупа. При всѣхъ его кажущихся отклоненіяхъ основная тема никогда не упускалась изъ виду; каждое замѣчаніе имѣетъ отношеніе къ вопросу, каждая иллюстрація идетъ къ дѣлу, и малѣйшій шагъ, что онъ дѣлаетъ неизмѣнно и неуклонно ведетъ къ опредѣленному заключенію. Ея эффекты поэтому менѣе всего шли въ ущербъ мысли, его украшенія никогда не заслоняли, а тѣмъ менѣе замѣняли аргументаціи, и в свое богатство красокъ и тоновъ онъ черпалъ въ самомъ построеніи языка, въ самомъ способѣ фразировки. Здѣсь у него былъ дѣль арсеналъ средствъ, въ пользованіи которыми онъ не имѣлъ и имѣетъ себѣ равнаго: однимъ смѣлымъ оборотомъ рѣчи, одною перестановкою обычнаго порядка словъ онъ достигалъ результатовъ поразительныхъ по оказываемому имъ впечатлѣнію. Его проза была истой музыкою, которая движеніемъ своимъ сообщала слушателямъ эмоціи, соотвѣтствующія той или другой идеѣ: она состояла изъ ряда координированныхъ періодовъ, изъ которыхъ каждый заключалъ въ себѣ отдѣльную мысль во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ и уравнивалъ одинъ другого при помощи тоническихъ удареній (по вышеній и пониженій въ голосѣ) и симметричнымъ распредѣленіемъ эффектовъ. То короткіе и нервные, подобно быстрымъ ударамъ

молніи, то спокойные и широкіе, подобно медленно текущей рѣкѣ, эти періоды шли одинъ за другимъ съ мелодичною плавностью, какъ бы раскачиваясь, лаская ухо своею легкостью и смѣною *rescendo* и *decrescendo*. Все, что могло бы нарушить волнообразную непрерывность потока, какъ, напр., встрѣча двухъ гласныхъ (особенно твердыхъ) въ концѣ и началѣ двухъ смежно стоящихъ словъ, или стеченіе нѣсколькихъ короткихъ слоговъ по порядку въ одномъ и томъ же словѣ, безпощадно удалялось, и все, наоборотъ, что могло бы ее усилить, вводилось съ неподражаемымъ искусствомъ. Мы имѣемъ такимъ образомъ противоположенія начальныхъ словъ въ двухъ рядомъ стоящихъ предложеніяхъ (антитезы), повторенія одного и того же слова въ началѣ каждой соподчиненной фразы, слѣдующей одна за другою (анафоры), повторенія того же слова въ концѣ соподчиненныхъ фразъ (антистрофы), повторенія послѣдняго слова фразы въ началѣ фразы, слѣдующей за нею (анастрофы) и т. д. и т. д. Виртуозность, съ какою Демосѣенъ пользовался этими средствами, чоразительна, и получавшееся впечатлѣніе усиливалось еще такъ называемымъ ритмомъ—гармоническимъ движеніемъ прозы, среднимъ съ метрическимъ движеніемъ въ стихахъ, но значительно отъ послѣдняго отличающимся своею меньшею правильностью, меньшею закругленностью и бѣльшимъ разнообразіемъ. Какъ позднѣе опредѣлялъ Аристотель, элементы ритма составляютъ длинные и короткіе слоги, и чередованіе ихъ въ извѣстномъ порядкѣ производитъ впечатлѣніе темпа, похожаго на музыкальный тактъ. То ямбическіе, состоящіе изъ одного короткаго и одного долгаго слога (— — или — —), то дактилическіе, состоящіе изъ двухъ короткихъ и одного долгаго (— — — или — — —), то, наконецъ, пѣоническіе, состоящіе изъ трехъ короткихъ и одного долгаго (— — — — или — — — —) слога, эти ритмы придаютъ рѣчи извѣстный характеръ важности, принужденности и легкости, смотря по тому, какой изъ нихъ преобладаетъ. Слова текутъ, какъ ладья по тихо волнуемой водѣ, то повышаясь, то понижаясь, и приковываютъ вниманіе слушателей своимъ звономъ и отголоскомъ. Они то поражаютъ драматизмомъ быстро слѣдующихъ одно за другимъ удареній, то ласкаютъ насъ ласкетомъ своихъ мягкихъ созвучій, то чаруютъ насъ мечтательнымъ замрваніемъ понижающаго каданса. И Демосѣенъ всѣмъ этимъ умѣлъ пользоваться какъ никто: стоитъ только прочесть его лучшія рѣчи, чтобы убѣдиться, какое могучее орудіе онъ имѣлъ въ ритмѣ, столь родственномъ, столь характерномъ для великаго греческаго языка. Говорить о другихъ элементахъ ораторскаго искусства Демосѣена было бы излишне: за невозможностью приводить иллюстраціи,

пришлось бы повторить всё тѣ общія мѣста, которыя говорятъся всякомъ другомъ выдающемся ораторѣ. Двѣ черты однако намъ слѣдуетъ вкратцѣ отмѣтить, какъ особенности его краснорѣчія. Умъ серьезный, высокій, вдохновленный великою идеею, но вмѣстѣ съ тѣмъ холодный и угрюмый, какъ обнаженная скала, онъ менѣе всего былъ способенъ на то искристое и пѣнистое остроуміе, которое такъ прельщаетъ насъ въ большинствѣ его соплеменниковъ. Онъ умѣлъ язвить тяжелымъ сарказмомъ, онъ умѣлъ подниматься до потрясающаго пафоса, онъ былъ одинаковый мастеръ на отборную брань и на торжественныя заклинанія, но ему оставались чужды тѣ вспышки тонкаго юмора—блестящія и игривыя, подобно взмахамъ рапиры,—которыя придаютъ обыкновенно рѣчамъ такой своеобразный, слегка-опьяняющій букетъ. Но бѣденъ въ этомъ, онъ былъ богатъ въ другомъ: дѣйствуя въ духъ времени, смѣнившимъ строгій дорическій стиль на роскошную коринтскую капитель, онъ первый ввелъ въ обычай сопровождать рѣчи жестикуляціей и первый превратилъ ораторскую трибуну въ драматическую эстраду. Въ то время, напр., какъ еще Периклъ говорилъ спокойно и медленно, соблюдая величественную позу и лишь изрѣдка рѣшаясь на небольшой жестъ, Демосоевъ былъ весь огонь, весь ртуть, безпрерывно мѣняя свои положенія и усиливая впечатлѣніе каждаго слова подобающимъ движеніемъ тѣла и рукъ. Намъ, въ настоящее время, конечно, трудно реализовать сенсацію, которую это нововведеніе произвело среди афинской публики; но какое значеніе придавалъ ему самъ Демосоевъ, видно изъ того, что спрошенный однажды, что необходимо для хорошаго оратора, онъ отвѣтилъ: «жесты, жесты и жесты». Того же мнѣнія, повидимому, были и его современники, а среди нихъ такой авторитетъ, какъ Эсхинъ живя въ изгнаніи, онъ занимался преподаваніемъ риторики и не рѣдко заставлялъ своихъ учениковъ разучивать ту самую великую рѣчь своего соперника «о вѣнцѣ», изъ-за которой онъ долженъ былъ покинуть свою родину. Однажды, говорятъ, онъ прочелъ ее съ такимъ блескомъ, что присутствующіе были внѣ себя и осыпали его шумными поздравленіями. «Да,—промолвилъ онъ въ непритворной досадѣ:—что бы вы еще запѣли, еслибы вы услышали, какъ произносила ее эта проклятая бестія—Демосоевъ!»

Ц и ц е р о н ъ .

ЦИЦЕРОНЪ.

ГЛАВА I.

Наши свѣдѣнія о Цицеронѣ и разногласія въ оцѣнѣ его личности и дѣятельности.—Рожденіе и семья.—Воспитаніе и образованіе.—Выступленіе на публичное поприще.—Оппозиція Суллѣ.—Поѣздка въ Грецію.—Дружба и переписка съ Аттикомъ.—Его популярность въ Римѣ.—Начало его государственной дѣятельности.—Квесторство въ Сициліи.—Верресовъ процессъ: хищническая карьера Верреса, обвиненія противъ него, разборъ дѣла и успѣхъ Цицерона.—Verginae.—Эдильство Цицерона.—Выступленіе его въ качествѣ политическаго оратора.—Манлиевъ законъ.—Кандидатура на консульство и измѣна демократіи.—Оппозиція Сервилію Руллу.—Заговоръ Катилины.—Личность Катилины, его политическая программа, кандидатура и революціонные планы.—Оппозиція Цицерона.—Приемы борьбы.—Первая рѣчь противъ Катилины.—Ошибка Лентулла.—Фіаско заговора.—Популярность Цицерона.

Ни съ кѣмъ изъ выдающихся личностей древности мы такъ близко, такъ интимно не знакомы, какъ съ Маркомъ-Тулліемъ Цицерономъ, величайшимъ римскимъ ораторомъ и писателемъ. Въ то время, какъ значительное большинство первыхъ проходитъ мимо нашихъ взоровъ болѣе или менѣе ясными профилями, обращенными къ намъ лишь той стороною, на которую палъ ревнивый свѣтъ исторіи, мы образъ Цицерона въ состояніи возстановить во всей яркости и всесторонности живой личности, какою онъ являлся въ дѣйствительности, въ глазахъ современниковъ и своихъ. Этимъ мы обязаны, помимо многочисленныхъ его рѣчей и сочиненій, главнымъ образомъ дошедшей до насъ обширной—въ 800 слишкомъ писемъ—перепискѣ его съ друзьями, которая по обилію заключающихся въ ней данныхъ представляетъ первоклассный автобіографическій документъ. Благодаря этой перепискѣ, мы узнаемъ Цицерона не только какъ публичнаго дѣятеля—политика, адвоката и писателя, но и какъ частное лицо—мужа, отца, брата и друга, и мы застаемъ его не только на ораторской трибунѣ, гдѣ-нибудь въ сенатѣ, судѣ и на форумѣ, но и въ тѣсномъ кругу его близкихъ и домашнихъ,

въ интимной обстановкѣ его дворцовъ и виллъ, погруженными въ профессиональныя занятія, то въ изученіе своихъ любимыхъ авторовъ, то, наконецъ, въ хлопоты и дразги будничной ж. Начиная съ 68-го года—съ того момента, какъ начинается его переписка, ни одинъ моментъ его многосторонней жизни не ускользаетъ отъ нашихъ взоровъ: намъ извѣстенъ каждый его шагъ, намъ знакомо каждое движеніе его души, мы знаемъ всѣ его мечты и опасенія, радости и горе. Для насъ Цицеронъ, какъ древній римлянинъ, отступаетъ на задній планъ; живописно наброшенная тога, величественно протянутаая длань и прочіе аксессуары классическаго героя исчезаютъ безслѣдно, и на мѣсто ихъ выступаетъ фигура человѣка, почти столь же близкаго къ намъ по плоти и крови, какъ еслибы онъ жилъ многими вѣками позже.

Но несмотря на это, несмотря на разнообразіе и точность имѣющихся у насъ біографическихъ свѣдѣній, личность и дѣятельность Цицерона является предметомъ ожесточенныхъ споровъ и разногласій для большинства историковъ и біографовъ. Одни, и именно нѣмецкая историческая школа съ Друманномъ и Моммзенемъ во главѣ, отрицаютъ за Цицерономъ какія бы то ни было достоинства и заслуги не только въ качествѣ политическаго дѣятеля, но и въ качествѣ оратора и писателя: человѣкъ безъ талантовъ и безъ убѣжденій, онъ былъ не больше, какъ «политическій флюгеръ» и «газетный памфлетеръ», у котораго въ распоряженіи было несравненно больше словъ, нежели идей. Другіе же, большей частью французы, предводимые Гастономъ Буассье, рыцарски поднимаютъ брошенную нѣмцами перчатку и съ самоотверженіемъ, достойнымъ подражанія въ лучшемъ дѣлѣ, стараются защитити Цицерона съ нападковъ его противниковъ: они выдвигаютъ на первый планъ его симпатичныя стороны, отгнѣняя его добродѣтели, какъ частнаго лица, и покрываютъ блистательнымъ лоскомъ его публичную карьеру, извиняя ея очевидныя изъяны «нѣкоторою безхарактерностью» и называя сами эти изъяны благозвучными именами «заблужденій» и «промаховъ». Мы не станемъ вдаваться въ разбирательство этихъ приговоровъ и изслѣдованіе причинъ ихъ разногласія; мы лишь позволимъ себѣ выразить свою солидарность съ мнѣніемъ Моммзена, по скольку оно касается политической дѣятельности нашего героя, и вмѣстѣ съ тѣмъ заявить свое несогласіе съ тѣмъ умаленіемъ ораторскихъ талантовъ Цицерона и его заслугъ въ философіи и литературѣ, на какое рѣшается знаменитый историкъ Рима. Наше мнѣніе не эклектическое: мы и не думаемъ подписываться подъ диэпамбы, щедрою рукою расточаемыми Буассье и другими; мы

лишь считаемъ приговоръ Моммзена слишкомъ прямолинейнымъ и хотимъ воздать *summi cuique*.

Маркъ-Туллій Цицеронъ родился 3-го января 106 г. до Р. Хр. въ наследственномъ помѣстьи, расположенномъ неподалеку отъ небольшого, но живописнаго городка Арпина. Какъ извѣстно, изъ этого же города происходилъ и знаменитый вождь демократовъ Марій, и это обстоятельство давало впоследствии поводъ многимъ льстецамъ нашего героя заявлять, что Арпинъ далъ отечеству двухъ его спасителей. Семья Цицерона была одна изъ тѣхъ здоровыхъ провинціальныхъ семей, которыя, благодаря своему цѣпкому консерватизму, смысленной практичности, терпѣннѣю и трудолюбію, долгое время являлись ядромъ націи, создавъ своими руками обширную римскую республику, сильную устойчивостью и организаціей. Это были все зажиточные фермеры, которые хотя и не насчитывали среди своихъ членовъ курульныхъ магистратовъ, пользовались тѣмъ не менѣе значительнымъ уваженіемъ и вліяніемъ въ околоткѣ, имѣя кой-какія связи даже въ самой столицѣ. Предполагаютъ, что одинъ изъ предковъ Цицерона былъ простой крестьянинъ, занимавшійся огородничествомъ: отсюда это плебейское прозвище Сисега—родъ гороха,—которымъ такъ мужественно гордился впоследствии Маркъ, обѣщая насмѣшникамъ прославить его наравнѣ съ аристократическими именами Скавровъ и Катулловъ. Дѣдъ его былъ человекъ стараго закала, сухой, черствый и крѣпкоголовый, который ничего такъ не боялся, какъ новшества, и особенно косо посматривалъ на греческія вѣянія, все болѣе и болѣе въ ту пору распространявшіяся въ италійской атмосферѣ. Его опасенія, повидимому, оправдались еще скорѣе, чѣмъ онъ ожидалъ, потому что сынъ его—отецъ Марка—былъ уже совсѣмъ иного покроя человекъ: болѣзненный, тихій и склонный къ размышленію, онъ подъ вліяніемъ книгъ и разговоровъ сталъ рано тяготиться мелкопомѣстной жизнью и мечтать если не самому вырваться изъ нея, то по крайней мѣрѣ вытащить оттуда своихъ дѣтей. Его жена Гельвія, родственница Цинны, сочувствовала ему въ этомъ, и когда оба сына ихъ, Маркъ-Туллій и Квинтъ, достигли школьнаго возраста, они рѣшили оставить деревню и переселиться въ столицу.

Надъ мыслью и нравами римскаго общества тогда неограниченно господствовала эллинская культура съ ея философійей и религіей, литературой и искусствомъ. Греческіе ученые и риторы были почти единственными учителями молодежи; ихъ аудиторіи наполнялись цвѣтомъ патриціанской знати, ихъ языкъ сталъ фешенебельнымъ, и среди богатыхъ горожанъ было не мало такихъ,

которые имѣли подлѣ себя въ качествѣ руководителя какого-нибудь греческаго философа. Естественно, что образованіе, которое получилъ молодой Цицеронъ, было эллинское. За исключеніемъ одного Кв. Эллия, у котораго онъ обучался латинской грамматикѣ, всѣ его учителя, по совѣту знаменитаго оратора А. Красса, были выбираемы изъ грековъ: съ ними онъ изучалъ греческій языкъ и литературу, математику, риторику и философію. Между прочимъ однимъ изъ нихъ былъ поэтъ Архій, котораго онъ позднѣе защитилъ отъ тяжелаго обвиненія въ произвольномъ присвоеніи правъ римскаго гражданства. Учился онъ, повидимому, блестяще: его способности, любознательность и знанія составили ему такую громкую репутацію среди сверстниковъ, что отцы послѣднихъ часто приходили въ школу посмотреть на феноменальнаго мальчика и ставили его въ примѣръ своимъ сыновьямъ. Въ 91-мъ году, когда ему исполнилось 15 лѣтъ и онъ, по римскому обычаю, получилъ мужскую тогу, онъ къ своимъ прежнимъ занятіямъ прибавилъ и изученіе юриспруденціи и сродныхъ съ нею наукъ. Онъ поступилъ подъ руководство авгура Кв. Муція Сцеволы и сталъ усердно посѣщать форумъ, прислушиваясь къ политическимъ и судебнымъ рѣчамъ. Его занятія были на годъ прерваны военною службою: онъ участвовалъ въ войнѣ съ возставшими Марсіями и состоялъ адъютантомъ при главнокомандующемъ Кв. Помпей Страбопѣ, отцѣ великаго Помпея. Онъ однако не обнаружилъ ни военныхъ талантовъ, ни военныхъ доблестей и рѣшилъ поэтому искать славы на гражданскомъ поприщѣ въ занятіяхъ адвокатурою и политикою. Наступившая вслѣдъ затѣмъ междоусобная война между Маріемъ и Суллою, въ которой человѣку такихъ наклонностей, какъ Цицерону, не было мѣста, дала ему срокъ для подготовленія къ своей профессіи: втеченіе шести лѣтъ онъ работалъ надъ философіей, правами и риторикой, посѣщая лекціи эпикурейца Федра, слушая риторику у знаменитаго Молона, но особенно охотно посѣщая философа Филона, недавно пріѣхавшаго изъ Аевнъ, спасаясь отъ меча Митридата. Этотъ Филонъ стоялъ во главѣ Новой Академіи, — той самой, чей основатель Карнеадъ, пріѣхавши въ Италію въ качествѣ посла, зимою 156 г. удивлялъ простодушныхъ римлянъ своей блестящей діалектикою и умѣньемъ доказывать тезисъ и антитезисъ съ одинаковою убѣдительною и успѣхомъ. По настоянію Катона Старшаго, опасавшагося пагубнаго вліянія его искусства на общественную нравственность, его вѣжливо выпроводили изъ столицы; но, повидимому, это искусство пришлось по вкусу значительному большинству, и его преемники встрѣтили лучшій пріемъ. Къ нимъ стали приходять

учиться риторикѣ и діалектикѣ, и къ нимъ пришелъ нашъ Цицеронъ, для котораго, какъ для будущаго адвоката, ничто не могло быть полезнѣе искусства доказывать и отрицать положеніе съ тѣмъ же умѣньемъ. Другимъ его любимымъ наставникомъ былъ стоикъ Діодотъ, у котораго онъ обучался логикѣ: съ нимъ онъ заключилъ тѣсную дружбу и позднѣе даже пригласилъ его жить у себя въ домѣ, гдѣ тотъ и провелъ остатокъ своихъ дней. Но больше всего, естественно, напиралъ Цицеронъ на краснорѣчіе: онъ не упустилъ ни одного случая послушать выдающагося оратора и самъ ежедневно упражнялся въ составленіи декламацій на различныя темы. Онъ изучалъ лучшіе образчики слога и формы, особенно въ греческой литературѣ, и по многу разъ переводилъ отрывки изъ Гомера, Эврипида, Демосѣена, Эсхина и Платона. Онъ самъ сочинилъ трактатъ по теоріи краснорѣчія подъ заглавіемъ: «De inventione Rhetorica», и написалъ даже цѣлую поэмю въ стихахъ «Марій», въ которой воспѣвалъ подвиги этого народнаго героя. Сцевола провозгласилъ ее безсмертною, но ученый авгур жестоко ошибался: Цицеронъ былъ менѣе всего поэтъ, и стихи писалъ онъ больше ради упражненія въ стилѣ, нежели изъ вдохновенія.

27-ми лѣтъ отъ роду онъ выступаетъ, наконецъ, на публичную арену въ качествѣ адвоката по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ. Въ сожалѣнію, слѣды его первыхъ дебютовъ до насъ не дошли: первая изъ существующихъ рѣчей его въ защиту Квинція по гражданскому иску относится къ 81 г., а первая рѣчь по уголовному дѣлу въ защиту Секстія Росція Америкскаго относится къ 80 г. Эта послѣдняя, несмотря на свою незрѣлость, замѣчательна во многихъ отношеніяхъ. Тогда былъ одинъ изъ самыхъ мрачныхъ періодовъ въ римской исторіи. Маріанцы были уничтожены въ конецъ и государственную машину республики захватилъ въ свои руки его противникъ Сулла. Начались аристократическая реакція и терроръ. Головы демократовъ катились какъ колосья, ихъ имущество конфисковалось, ихъ имѣнья разорялись и друзья ихъ расселялись по тюрьмамъ, либо подвергались изгнанію. Шпіоны и убійцы, ободряемые надеждою на добычу, размножились до невѣроятныхъ размѣровъ; интриги и преступленія ихъ доходили до наглости, и лучшіе люди, особенно изъ богатыхъ слоевъ, падали беззащитными жертвами ихъ корысти и своеволія. Одинъ изъ такихъ людей былъ старикъ Росцій, отецъ Секстія, владѣвшій 13-ю виллами, изъ которыхъ десять, по показаніямъ сына, стояли, по крайней мѣрѣ, 250 талантовъ (талантъ—2.400 руб.). Хризогонъ, влєвретъ и вольноотпущенникъ Суллы, нажившій на имуществен-

ныхъ конфискаціяхъ огромное состояніе, давно уже зарился на эти помѣстья и, когда старикъ былъ однажды утромъ найденъ убитымъ—по наущенію ли Хризогона, или нѣтъ, мы не знаемъ—и его имущество продавалось съ молотка, онъ скупилъ 10 имѣній за смѣшную сумму въ 2.000 драхмъ (драхма—40 коп.). Мало того, чтобы замести слѣды и вмѣстѣ съ тѣмъ отнять у сына убитаго возможность оспаривать имущество, онъ черезъ нѣкоего Эруція, негодяя первой руки, возводитъ на него обвиненіе въ отцеубійствѣ. Дѣло было для всѣхъ ясно, какъ Божій день, но никто не имѣлъ духа взять на себя защиту злополучнаго Росція и выступить противъ любимцевъ всеильнаго диктатора. Напрасно молодой Мессана, блестящій представитель блестящаго дома, вмѣстѣ съ знатной матроной изъ рода Метелловъ обѣщали свое покровительство,—ни одинъ выдающійся адвокатъ не рѣшался заступиться за обвиняемаго и рисковать своей шкурою. Тогда предложилъ свои услуги молодой и неизвѣстный Цидеронъ, и въ рѣчи, полной остроумія и сарказмовъ по адресу Хризогона, доказываетъ невинность Секстія и добивается оправданія.

Это cause célèbre сразу доставило юному адвокату популярность и славу. Мужество, съ какимъ онъ выступилъ въ такомъ опасномъ дѣлѣ, и прозрачные намеки, которые онъ дѣлалъ на тиранію диктатора, на безчестіе и хищничество его агентовъ, на ужасы проскрипцій и другія темныя стороны тогдашняго режима, приобрѣли ему широкую извѣстность даже въ народныхъ кругахъ. Правда, Сулла и не думалъ его трогать: онъ былъ слишкомъ великъ и тактиченъ, чтобъ замѣчать нападки незначительнаго адвоката; но Цидеронъ все-таки имѣлъ основаніе позировать героемъ и защитникомъ народныхъ интересовъ. Быть можетъ, онъ искренно увлекался либеральными вѣяніями момента,—тогда какъ разъ начиналась тайная реакція противъ правленія диктатора; но, быть можетъ, у него игралъ роль и простой расчетъ, побуждавшій его стать на ту сторону, куда все болѣе и болѣе склонялась сила. Ему нужно было во что бы то ни стало сдѣлаться популярнымъ и добиться положенія и должностей, и, видя грядущее банкротство аристократіи, онъ, естественно, кинулся въ объятія демократіи. Какъ бы то ни было, но вплоть до своего консульства онъ продолжалъ стоять на сторонѣ народа. Въ слѣдующемъ же году послѣ Росціева процесса ему вновь пришлось выказать свое гражданское мужество по поводу дѣла одной уроженки изъ Арреція: жители этого города были лишены Суллою гражданскихъ правъ, и женщинѣ этой, имѣвшей въ Римѣ какую-то тягбу, въ силу этого отказано было въ

судъ. Въ защиту ея поднялся Цицеронъ и смѣло принялся доказывать, что лишеніе Арреція его правъ было актомъ своевольнымъ, противозаконнымъ, а потому и недѣйствительнымъ. Несмотря на то, что ему приходилось имѣть дѣло съ весьма сильнымъ противникомъ въ лицѣ знаменитаго юриста Котты, онъ выигралъ дѣло, и кліентка его получила удовлетвореніе.

Такого рода фрондерство, къ тому еще, повидимому, поддерживаемое общественнымъ мнѣніемъ, было однако слишкомъ рискованною игрою, чтобъ его можно было долго продолжать безнаказанно: весьма вѣроятно, что Сулла почувствовалъ, наконецъ, нѣкоторое раздраженіе и далъ Цицерону черезъ своихъ приближенныхъ понять, что ему лучше было бы умолкнуть. Кстати же молодой герой, никогда не отличавшійся крѣпкимъ сложеніемъ, теперь почувствовалъ переутомленіе и сталъ сильно нуждаться въ отдыхѣ. По совѣту друзей, онъ рѣшилъ поэтому на нѣкоторое время удалиться съ арены и воспользоваться невольнымъ досугомъ для поправленія здоровья и дальнѣйшаго усовершенствованія, какъ ораторъ. Въ 79 г. онъ покидаетъ Италію и въ сопровожденіи брата и нѣкоторыхъ знакомыхъ отправляется въ Аѳины—Парижъ того времени, центръ культуры и науки, занятій и развлеченій. Здѣсь онъ посѣщаетъ всѣ историческія мѣста, съ которыми связаны тѣ или другія воспоминанія—академическіе сады Платона, Фалернскій берегъ, гдѣ Демосѳенъ нѣкогда упражнялъ свой голосъ, гробницу Перикла,—и слушаетъ лекціи по философіи и краснорѣчію у лучшихъ аѳинскихъ преподавателей. Между прочимъ, онъ встрѣчается здѣсь съ тѣмъ самымъ Т. Помпоніемъ Аттикомъ, тогда еще, конечно, молодымъ юношею, къ которому обращена значительная и притомъ наилучшая часть его переписки: онъ заключаетъ съ нимъ дружбу, рѣдкую по своей теплотѣ и лояльности, и продолжаетъ до самой смерти своей дѣлить съ нимъ наиболѣе задушевные думы и чувства свои.

Изъ Аѳинъ, прежде чѣмъ вернуться на родину, Цицеронъ поѣхалъ въ Малую Азію, а оттуда на о. Родосъ, гдѣ, какъ извѣстно, науки и краснорѣчіе культивировались съ особеннымъ успѣхомъ. Здѣсь знакомится онъ со стойкомъ Посидоніемъ, оставившимъ значительные слѣды на его философскихъ симпатіяхъ, и беретъ опять уроки риторики у Аполлонія Молона, съ которымъ встрѣчался уже въ Римѣ. По этому поводу Плутархъ рассказываетъ любопытный анекдотъ: Молонъ не зналъ ни слова по латыни, и когда Цицеронъ зашелъ къ нему, онъ попросилъ его продекламировать что-нибудь по-гречески. Тотъ исполнилъ его желаніе съ такимъ успѣхомъ, что присутствующіе были поражены и разсыпались въ похвалахъ.

Одинъ Молонъ сидѣлъ молча, погруженный въ тяжелыя думы. Видя безпокойство новаго ученика, онъ, наконецъ, замѣтилъ ему: «Я, конечно, хвалю и удивляюсь тебѣ, Цицеронъ, но меня тревожатъ судьбы Греціи. У нея ничего больше не осталось, кромѣ знаній и краснорѣчія, но и тѣ ты увозишь съ собою въ Римъ». Мы не отважимся поручиться ни за искренность Молона, ни даже за достовѣрность самаго передаваемого событія; тѣмъ не менѣе самый фактъ высокой образованности Цицерона, которой дѣлается комплиментъ въ этомъ анекдотѣ, не подлежитъ сомнѣнію; онъ, безспорно, былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся людей того времени по знанію, краснорѣчію и манерамъ, и неудивительно, что, когда въ 77 г., послѣ смерти Суллы, онъ вернулся въ Римъ, ему сразу удалось занять положеніе въ обществѣ, въ которомъ соперниками ему могли быть только Гортензій и Котта—двое наиболѣе популярныхъ адвокатовъ того времени. Въ слѣдующемъ же году, когда ему исполнилось 30 лѣтъ, всѣ трибы единогласно выбрали его въ квесторы—нѣчто вродѣ военныхъ интендантовъ, завѣдывавшихъ хозяйственной и податною частью провинціальной администраціи. Это былъ первый шагъ въ его долгой государственной карьерѣ, на которой ему суждено было пожать столько лавровъ и розъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ встрѣтить и столько терній,—и нужно признать, молодой дѣятель отличился такъ, какъ рѣдко кому удавалось отличиться въ эту корыстную эпоху. Жребій доставилъ ему Западную Сицилію, давнишнюю житницу Рима и столь же давнишнее поприще для вымогательствъ и хищничествъ со стороны римскихъ администраторовъ; но новый квесторъ съумѣлъ безкорыстнымъ и искуснымъ правленіемъ заставить провинціаловъ забыть ихъ прежнія страданія и примирить противоположные интересы римскихъ публиканъ и римскаго сената. Онъ аккуратно выплачивалъ солдатамъ слѣдующее имъ жалованье, онъ мягко и даже великодушно собиралъ подати, онъ во-время доставилъ въ голодающій Римъ прибавочное количество хлѣба, скупленнаго по нормальнымъ рыночнымъ цѣнамъ, и участливымъ обхожденіемъ съ мѣстнымъ населеніемъ приобрѣлъ среди него такую популярность, что его отъѣздъ по окончаніи должностнаго года былъ всеобщимъ горемъ. Ему оказали небывалыя почести, ему поднесли публичную благодарность, и почетная гвардія изъ мѣстной аристократіи проводила его до самыхъ предѣловъ Сициліи. Можно смѣло сказать, что годъ его правленія—75-ый до Р. Хр.—былъ однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ въ исторіи этого злополучнаго острова, и Цицеронъ могъ по справедливости гордиться своимъ успѣхомъ и своими заслугами.

Если однако онъ думалъ встрѣтить отъ своихъ соотечественниковъ награду за труды, то факты скоро показали ему, что онъ глубоко ошибался. Высадившись по дорогѣ въ Римъ на Кампанскомъ берегу и попавъ въ модный курортъ Пуццولي, онъ, увѣренный, что глаза согражданъ были все время обращены на него, встрѣтилъ, къ своему удивленію, со стороны самыхъ близкихъ ему знакомыхъ полнѣйшее незнакомство съ его подвигами, совершенное равнодушіе къ его судьбѣ и даже незнаніе того, гдѣ и какъ провель онъ истекшій годъ. Одинъ думалъ, что онъ пріѣхалъ изъ Рима, другой,—что возвращается изъ Африки, а третій, узнавъ отъ него же, что онъ былъ въ Сициліи, сердечно поздравилъ его съ успѣхами... въ Сиракузахъ, главномъ городѣ Восточной Сициліи! Ціцеронъ былъ ошеломленъ и тутъ же поклялся никогда больше не покидать Италіи: у римскаго-де народа зоркое зрѣніе, но тупой слухъ, и желающій пользоваться плодами трудовъ своихъ не долженъ далеко отходить отъ него.

Событія слѣдующихъ четырехъ лѣтъ его жизни остались намъ почти неизвѣстными; но въ 70-мъ году онъ опять выступает на авансцену—на этотъ разъ еще съ большимъ успѣхомъ, нежели прежде: это было по поводу Веррессова процесса, одного изъ самыхъ громкихъ судебныхъ дѣлъ древности.

Верресь былъ бывшій правитель Сициліи, противъ котораго разоренные провинціалы принесли жалобу за вымогательство. Безъ всякаго проблеска совѣсти или стыда, но съ рѣдкимъ геніемъ по части хищничества, этотъ человекъ, принадлежавшій къ знатнѣйшимъ фамиліямъ Рима, давно уже славился какъ безжалостный грабитель и опустошитель провинцій. Онъ столько же отличился своимъ квесторствомъ въ Азіи, сколько преторствомъ въ Римѣ, но его аппетиты и таланты особенно развернулись въ бытность его намѣстникомъ Сициліи. Здѣсь грабежъ его не зналъ удержа: это была цѣлая система, распределенная на три года такъ, что добыча перваго поступала къ нему лично, добыча втораго шла въ карманы друзей и заступниковъ, а добыча третьяго предназначалась, на случай процесса, на подкупъ преторовъ, трибуновъ и консуловъ. Средства для выполненія этой «программы» у него были разные, но всегда одинаково блестящія. При сдачѣ, напр., хлѣбныхъ десятинъ на откупъ публиканамъ, онъ не только умудрялся заполучить съ нихъ двойную сумму противъ той, которую полагалось отсылать въ Римъ, но еще при сборѣ этой десятины получалъ, въ качествѣ партнера публиканской компаніи, столько хлѣба, что могъ отсылать въ Италію лишь половину его, оставивъ другую для себя. Когда же

ему приходилось собирать добавочную десятину, за которую государственная казна платила уже по рыночнымъ цѣнамъ и высылала для этого огромную сумму въ 12 слишкомъ милліоновъ сестерцій (сестерція—10 коп.), онъ преспокойно клалъ эти деньги къ себѣ въ карманъ, либо отдавалъ ихъ публиканамъ въ ростъ по 24%, получая черезъ вымогательство первой, даровой десятины столько хлѣба, что его хватало и на добавочную, и жертвуя, въ случаѣ недостачи, лишь вышеупомянутыми процентами. А то онъ поступалъ еще проще: нуждаясь, напр., однажды въ добавочной десятинѣ—нѣсколько милліоновъ мѣръ,—онъ вдругъ требуетъ вмѣсто натуре денегъ; но такъ какъ рыночная цѣна была лишь 2 сест. за мѣру, то онъ настаиваетъ и получаетъ по 12 сест., опуская излишекъ въ 10 сест. за мѣру себѣ въ карманъ.

Конечно, однѣми хлѣбными операціями подвиги Верреса не ограничивались: онъ умѣлъ находить и другія средства наживы. Нѣкій Діонъ, напр., получаетъ большое наслѣдство. Узнавъ объ этомъ, находчивый правитель зоветъ его къ себѣ и при помощи ложныхъ свидѣтелей оспариваетъ у него его права. Напрасно всѣ улики говорятъ въ пользу Діона—ничто не помогаетъ: онъ долженъ дать Верресу милліонъ сестерцій деньгами и массу скота и другого имущества, чтобъ замаять дѣло, въ которомъ онъ былъ несомнѣнно правъ. Нѣчто подобное случилось съ двумя братьями изъ Агірія: 20 лѣтъ тому назадъ они получили наслѣдство, которое теперь вдругъ стало оспариваться. Было ясно, какъ Божій день, что братья правы, но Верресъ заставилъ ихъ дать ему 400 тысячъ сест., послѣ чего и постановилъ рѣшеніе въ ихъ пользу. Но, коротко прибавляетъ Цицеронъ, «агірійскіе братья выиграли процессъ такъ, что вышли изъ залы суда нищими».

Подобнымъ хозяйничаньемъ Верресъ въ три года разорилъ Сицилію въ конецъ: вся страна лежала въ развалинахъ, лучшіе участки были превращены въ пустыню, и населеніе, обнищавшее и одичавшее, ютилось по берегамъ, не имѣя ни крова, ни пищи. Само привычное сердце римскаго народа содрогнулось при видѣ такого зрѣлища; тѣмъ не менѣе Верресу, имѣвшему за собою Метелловъ, Сципіоновъ и другихъ патриціевъ, быть можетъ, удалось бы увернуться, еслибы обжаловавшіе его сицилійцы не имѣли на своей сторонѣ все всадническое сословіе, которое, въ лицѣ его представителей, публиканъ (откупщиковъ провинціального фиска), своекорыстный правитель эксплуатировалъ наряду съ покореннымъ населеніемъ, и всю демократію, которая теперь, послѣ паденія Суллова режима, вступала въ новую борьбу съ сенатомъ и аристократіей. Шансы

Верреса совѣтъмъ ухудшились, когда защиту сицилійцевъ взялъ на себя Цицеронъ, знавшій островъ, какъ никто, и пользовавшійся уже репутаціей первокласснаго адвоката. Верресъ пробовалъ смести его съ дороги, выдвинувъ своего ех-квестора Кн. Цецилія Нигера въ кандидаты на роль защитника обиженной стороны; но Цицеронъ въ сильной рѣчи передъ судомъ разбилъ въ дребезги Нигеровы притязанія и обосновалъ свои собственныя. Онъ былъ формально утвержденъ адвокатомъ сицилійцевъ и, получивъ 110 дней для сбора матеріаловъ, въ сопровожденіи своего дяди Люція отправляется въ Сицилію. Здѣсь, не смотря на препятствія, которыя преторъ Метеллъ ставилъ ему на каждомъ шагу, ему въ два мѣсяца удается исколесить островъ вдоль и поперекъ и насобирать такую массу документовъ и свидѣтелей, что уже одно появленіе его въ Римѣ нагнало трепеть на всю сенатскую аристократію. Дѣло стало разбираться 5-го августа въ первой инстанціи, и Цицеронъ, опасаясь, какъ бы Верресъ не затянулъ процесса до слѣдующаго года, когда всѣ почти магистраты будутъ на его сторонѣ, рѣшилъ повести обвиненіе такъ, чтобъ обвиняемый понялъ бесполезность дальнѣйшихъ попытокъ и сразу же слался на капитуляцію. Онъ выполнилъ свое намѣреніе съ небывалымъ успѣхомъ: вмѣсто всякихъ рѣчей онъ въ продолженіе 9-ти дней подвергалъ свидѣтелей перекрестному допросу, читалъ документы и письма, отбиралъ показанія компетентныхъ лицъ, приводилъ факты, и оказалъ такое впечатлѣніе на судей и публику, собравшуюся со всѣхъ концовъ римскаго міра, что самъ Гортензій, адвокатъ Верреса, попробовавъ было говорить, принужденъ былъ замолчать. Цѣль была достигнута: Верресъ отказался отъ дальнѣйшей борьбы, ушелъ въ изгнаніе, и имущество его было конфисковано.

Такъ окончился этотъ замѣчательный процессъ. Цицеронъ былъ на вершинѣ славы и, не довольствуясь одержанною побѣдою, издалъ всѣ пять рѣчей, которыя онъ намѣревался произносить въ случаѣ, еслибы Верресъ довелъ дѣло до второй инстанціи. По точности и обилію фактовъ, по неумолимой логикѣ аргументацій и по блестящей риторической формѣ эти рѣчи, извѣстныя подъ именемъ *Verginae*, представляютъ лучшіе образчики ораторскаго искусства въ Римѣ и гордый памятникъ краснорѣчія самого Цицерона.

Слѣдующій годъ въ жизни нашего героя былъ годомъ его эдильства. Завѣдывая общественной тишиною и порядкомъ, равно какъ и публичными празднествами, эта магистратура была первая изъ «курульныхъ» магистратуръ, открывавшихъ двери сената. Цицеронъ сталъ членомъ послѣдняго, получилъ на тогу широкую пур-

пурную вайму, занявъ курульное кресло и пріобрѣлъ *jus imaginum*— право выставять въ своемъ атріумѣ (передней залѣ) бюсты и маски своихъ предковъ и проносить ихъ публично на похоронныхъ процессіяхъ. Онъ далъ втеченіе этого года три праздника на свой счетъ и роздалъ народу хлѣбъ, присланный ему въ даръ благодарными сицилійцами. Какъ пунктъ, весьма характерный для эластичной нравственности нашего оратора, слѣдуетъ отмѣтить, что въ этомъ году онъ защищалъ Фонтея, бывшаго правителя Трансальпійской Галліи, отъ тѣхъ же и столь же основательныхъ обвиненій въ вымогательствѣ, какія онъ съ такою страстью бросалъ въ Верреса!

Въ 66-мъ году онъ отправлялъ должность городского претора, избранный на этотъ постъ единодушными кликами народа. Продолжая съ прежнимъ успѣхомъ заниматься адвокатурою, онъ тогда впервые выступилъ въ качествѣ политическаго оратора, поддержавъ Маниліево предложеніе о назначеніи Помпея диктаторомъ для войны съ Митридатомъ, царемъ Понтійскимъ. Его рѣчь по этому поводу имѣла большой успѣхъ, а такъ какъ Помпей былъ тогда однимъ изъ любимцевъ демократіи, то популярность Цицерона значительно увеличилась, и онъ могъ теперь рѣшиться выступить кандидатомъ на высшую государственную должность—консульство. Отклонивъ поэтому провинцію, которая предлагалась ему по низложеніи претуры, онъ весь 65-й и 64-й гг. проводитъ частнымъ лицомъ, занимаясь подготовленіемъ публики къ своей кандидатурѣ. Тутъ-то онъ увидѣлъ, что зашелъ слишкомъ далеко въ своемъ заигрываніи съ народомъ и оттолкнулъ отъ себя аристократію своимъ демократическимъ фрондерствомъ. По совѣту своего брата Квинта, чье письмо по этому поводу представляетъ любопытнѣйшій документъ, онъ усердно принимается за работу среди сенатской знати, склоняя ее на свою сторону раскаяніемъ и лестью. Онъ пускаетъ въ ходъ всевозможныя средства, отправляется къ знатнѣйшимъ патриціямъ на ежеутренніе поклоны и спѣшитъ увѣрить всѣхъ и вся, кто только имѣлъ вліяніе на выборы, что въ благонамѣренности и патріотизмѣ онъ не уступитъ рѣшительно никому. Его взгляды, говоритъ онъ, на государство всегда были тѣ же, что и оптиматовъ; демократы, въ сущности, никогда не пользовались его симпатіями, а если у него иной разъ и вырывались рѣчи, которыя можно было истолковать въ противуаристократическомъ смыслѣ, то это было лишь съ цѣлью склонить на свою сторону Кн. Помпея... Старанія эти увѣнчались успѣхомъ, давно уже неслыханнымъ въ Римѣ: вмѣстѣ съ Антоніемъ, племянникомъ оратора того же имени,

онъ вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы съ пятью другими кандидатами и единогласно былъ выбранъ въ консулы на 63-й годъ.

Это былъ поворотный пунктъ въ карьерѣ Цицерона: измѣнивъ демократическому знамени еще во время соисканія голосовъ, онъ теперь, по достиженіи консульства, окончательно складываетъ его и становится ревностнымъ охранителемъ существующаго строя и «незыблемыхъ основъ общества». Такое неожиданное превращеніе не должно насъ удивлять: по рожденію, занятіямъ и симпатіямъ, онъ былъ истый сынъ коммерческой буржуазіи того времени—слова всадниковъ, а политика этого сословія всегда была оппортунистская: враждуя какъ съ сенатскою аристократіей, представительницей поземельныхъ интересовъ, такъ и съ демократіей, представительницей неимущаго пролетаріата, оно попеременно соединялось то съ одной, то съ другой, держа сторону демократіи, когда дѣло шло о захватѣ административной или судебной машины изъ рукъ сената, и переходя обратно къ аристократіи, когда приходилось защищать собственность отъ посягательствъ пролетаріевъ. Цицеронъ повторялъ лишь тѣ же метаморфозы: онъ фигурируетъ оппонентомъ сената въ эпоху реакціи противъ Суллы и ультрааристократическаго режима, когда вопросъ идетъ о восстановленіи всадническихъ судовъ и объ отдачѣ азіатскихъ податей на откупъ публиканамъ, и тотчасъ же круто перемѣняетъ фронтъ и кидается въ объятія своихъ прежнихъ враговъ, лишь только демократія поднимаетъ голову и въ лицѣ, какъ мы сейчасъ увидимъ, Сервилия Рулла и Катилины собирается дѣлать попытки на реформы....

Первымъ его дебютомъ въ роли «охранителя» было уничтоженіе аграрнаго законопроекта, внесеннаго народнымъ трибуномъ Публиемъ Сервилиемъ Руллою. Это была одна изъ тѣхъ попытокъ къ аграрной реформѣ, этому большому вопросу внутренней политики Рима, которыхъ такъ много было въ послѣдніе полтора вѣка республики. Имѣя своей цѣлью восстановленіе мелкой собственности путемъ выселенія пролетаріата въ земледѣльческія колоніи, неизмѣнно сопряженныя съ закупкою, конфискаціей и передѣломъ земель, присвоенныхъ богатыми собственниками, эти попытки постоянно встрѣчали оппозицію со стороны правящихъ классовъ и неизмѣнно оканчивались гибелью проектовъ и ихъ авторовъ. Въ частности же Сервилиевъ законъ проектировалъ назначеніе на 5 лѣтъ комиссіи изъ 10-ти членовъ съ неограниченною властью надъ всеми матеріальными средствами государства и съ правомъ продавать и скупать какія угодно земли, провѣрять притязанія настоящихъ владѣльцевъ и выселять колоніи куда угодно. Ужасъ и оппозиція

имущихъ классовъ были необыкновенны, и новому консулу ничего не стоило разыграть изъ себя «патріота». Въ рѣчи передъ сенатомъ онъ ярко расписываетъ бѣдствія, которыя можно ожидать отъ приведенія проекта въ исполненіе, и указываетъ на опасности, которыми онъ угрожаетъ «добрымъ нравамъ, репутаціи, благополучію и устойчивости» римскаго государства. Онъ произноситъ затѣмъ двѣ рѣчи передъ народомъ, въ которыхъ выставляетъ себя его другомъ, хвалитъ память Гракховъ и заявляетъ свое принципиальное согласіе со всякой аграрной реформой, въ дѣйствительности направленной ко благу народа. Къ сожалѣнію же, проектъ Сервилія идетъ въ разрѣзъ съ этимъ благомъ, такъ какъ не только влечетъ за собою коренное измѣненіе въ имущественныхъ отношеніяхъ страны, но и фактически упраздняетъ конституцію, уничтожая права консуловъ и сената и облакая неограниченной властью десять ни передъ кѣмъ не отвѣтственныхъ личностей! Цицеронъ забылъ, какъ онъ самъ недавно еще ратовалъ за диктатуру Помпея, но невѣжественный народъ повѣрилъ его искренности, и Сервилій принужденъ былъ взять свой проектъ обратно.

Но эта блистательная побѣда была лишь началомъ ряда другихъ, которыя вновь обращенный на путь истины консулъ одержалъ надъ демократіей. Самая однако главная изъ нихъ—та, которая на вѣки прославила Цицерона и его должностной годъ: это—раскрытіе и уничтоженіе заговора Катилины.

Люцій Сергій Катилина, человекъ весьма знатный и талантливый, стоялъ во главѣ демократическаго движенія и мечталъ, добившись консульства, произвести государственный и экономическій переворотъ. Всякому, изучавшему исторію послѣднихъ двухъ вѣковъ римской республики, извѣстно, до какого ужаснаго состоянія дошла Италия подъ правленіемъ олигархіи, именуемой сенатомъ: разоренный безчисленными войнами, предпринятыми въ интересахъ господствующихъ сословій, и отрѣзанный отъ всѣхъ источниковъ пропитанія конкуренціей рабскаго труда, римско-италійскій народъ превратился въ сплошной деревенскій и городской пролетаріатъ, который, по словамъ Тиберія Гракха, не имѣлъ угла, куда бы могъ приклонить свою усталую голову. Напрасно лучшіе люди и патріоты указывали на эти язвы и требовали энергическихъ мѣръ къ ихъ излеченію: господствующая плутократія упорно отказывалась, отвѣчая на всѣ проекты и протесты насиліемъ и убійствами. Благороднѣйшіе люди, какъ Гракхи, Сатурнинъ и Серторій, сложили свои головы за народное дѣло, пока не стало яснымъ, что, прежде чѣмъ добиваться реформъ, необходимо вырвать власть изъ

рукъ сената. Катилина это понялъ лучше, чѣмъ кто либо до него: отсюда всё нападки на его личность, которыми кишмя-кишатъ сочиненія Цицерона и Саллюстія, нашихъ главныхъ авторитетовъ. Если вѣрить имъ, Катилина былъ самый испорченный человѣкъ своего времени: онъ убилъ родного брата, имѣлъ кровосмѣсительную связь со своей дочерью и совершилъ насиліе надъ весталкою. Конечно, это басни: самъ Саллюстій заявляетъ, что у него нѣтъ данныхъ для подтвержденія этихъ обвиненій, и Цицеронъ семь лѣтъ спустя признаетъ публично, что Катилина былъ выдающійся во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ, котораго онъ самъ одно время считалъ прекраснымъ гражданиномъ. Вѣроятно же всего, что Катилина въ своей молодости велъ очень веселую жизнь и, подобно Цезарю и многимъ другимъ, нисколько не лучше и не хуже его, проводилъ время въ играхъ и развлеченіяхъ, далеко не невинныхъ ни по средствамъ, ни по обстановкѣ. Мы даже готовы повѣрить, что онъ растратилъ въ бурныхъ кутежахъ свое большое состояніе и погрязъ въ долгахъ, хотя никакъ не можемъ примирить съ этимъ другое заявленіе нашихъ авторитетовъ, что при своихъ выборахъ онъ пускалъ въ ходъ подкупъ въ широчайшихъ размѣрахъ.

Первое появленіе Катилины на сцену относится къ 65 г.: онъ только что вернулся въ столицу послѣ намѣстничества въ Африкѣ и готовилъ свою кандидатуру на консульство. Чтобъ помѣшать ему въ этомъ, аристократическая партія возвела на него обвиненіе въ лихоимствѣ, послѣ чего онъ будто бы рѣшилъ захватить власть насильно, перебивъ консуловъ и важныхъ сенаторовъ. Для этого назначено было первое января 65-го года, когда знать и магистратура собирались на Капитолій для торжественныхъ жертвоприношеній; но слухъ объ этомъ проникъ въ публику, и планъ не удался. Тогда Катилина отложилъ выполненіе его на 5-е февраля, но и тутъ попытка не удалась по его же оплошности.

Въ правдивости этихъ разсказовъ вполне позволительно усомниться уже простовѣвиду того, что, несмотря на злодѣйскіе умыслы, ни Катилина, ни кто либо изъ его друзей не были арестованы или удалены: покусись они дѣйствительно на то, въ чемъ ихъ позднѣе обвинялъ Цицеронъ, сенатская олигарія, столь падкая на репрессіи, не оставила бы ихъ въ покоѣ, а постаралась бы устранить рукою палача или убійцы. Самъ консулъ Торевать, на чью жизнь Катилина будто бы составилъ свой заговоръ, былъ и остался его другомъ, и когда въ 64-мъ году состоялся процессъ его за лихоимство, не задумался вынести ему оправдательный вердиктъ, тѣмъ засвидѣтельствовавъ невинность Катилины по обоимъ обвиненіямъ.

Лучшимъ же доказательствомъ неосновательности послѣднихъ является поведеніе самого Цицерона, который конфиденціально предложилъ себя Катилинѣ въ адвокаты по африканскому дѣлу. Очевидно, обвиненія противъ Катилины въ террористическихъ намѣреніяхъ были чистой выдумкою позднѣйшей фабрикаціи, когда требовалось представить личность Катилины елико возможно чернѣе: тогда всякое лыко, даже воображаемое, шло въ строку, и аудитория, внимавшая имъ изъ устъ Цицерона, охотно рукоплескала.

Въ 64-мъ году, освободившись отъ процесса, Катилина поставилъ свою кандидатуру на консульство 63 г. въ качествѣ вождя демократической оппозиціи, противъ Цицерона и пятерыхъ другихъ. Повидимому, Цицеронъ самъ первоначально думалъ вести избирательную кампанію подѣ демократическимъ ярлыкомъ, для чего и сдѣлалъ вышеупомянутую попытку заручиться благосклонностью Катилины; но, встрѣтивъ отпоръ, онъ обратился къ аристократіи и получилъ отъ нея мандатъ. Результатъ выборовъ намъ извѣстенъ: убоившись революціонныхъ замысловъ Катилины, имущіе классы единодушно отдали свои голоса Цицерону, и послѣдній одержалъ блестящую побѣду. Реакція началась по всей линіи: послѣ провала Сервилія Рулла вновь избранный консулъ защитилъ Рабирія, обвинявшагося въ соучастіи въ убійствѣ демократическаго вождя Сатурнина, и, наконецъ, принялся за Катилину, опять готовившаго свою кандидатуру на консульство 62 г.

Достиженіе Катилиной этой должности должно было послужить сигналомъ къ открытымъ военнымъ дѣйствіямъ: умудренный горькимъ опытомъ прошлаго, онъ зналъ, что правящіе классы не сдадутся безъ борьбы, и что, даже если ему и удастся добиться консульства, они, въ своемъ рвеніи охранить свои интересы, не остановятся передъ буквою конституціи, объявляющей личность магистратовъ неприкосновенною. Онъ рѣшилъ поэтому поставить свое предпріятіе на широкую и прочную ногу, и съ этой цѣлью собралъ въ Этруріи значительное войско изъ всѣхъ недовольныхъ элементовъ общества, готовясь сейчасъ же послѣ выборовъ отправиться къ нему и поднять знамя возстанія. Его замыслы и средства борьбы не заключали, стало быть, въ себѣ ничего заговорщичкаго, какъ это принято думать со временъ Саллюстія: готовилась настоящая междоусобная война, — война эксплуатируемыхъ противъ эксплуатирующихъ, подобная той, какую 15 лѣтъ спустя повелъ съ такимъ успѣхомъ Цезарь. То было широкое соціальное движеніе, а не тайное предпріятіе одного или нѣсколькихъ лицъ, не имѣвшихъ за собою ничего, кромѣ рѣшимости и личнаго почина.

Но Цицеронъ не дремалъ. Черезъ Фульвію, любовницу одного изъ приближенныхъ Катилины, Курія, онъ былъ освѣдомленъ о каждомъ шагѣ непріятеля и наканунѣ выборовъ рѣшилъ повести атаку. 20-го октября онъ получилъ отъ сената разрѣшеніе отложить день выборовъ, а 21-го онъ сдѣлалъ въ сенатѣ формальный опросъ Катилинѣ. Послѣдній и не думалъ скрывать своихъ намѣреній: римское государство, сказалъ онъ, состоитъ изъ двухъ организмозъ—одинъ слабый со слабою головою (сенатъ), а другой сильный, но безъ головы (народъ): онъ, Катилина, намѣренъ играть роль послѣдней для второго. Съ этими словами онъ вышелъ изъ куріи, оставивъ сенатъ въ изумленіи и ужасѣ.

Цицеронъ былъ обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ: памятуя поведеніе сената во время борьбы съ Гракхами, онъ надѣялся, что Катилина будетъ растерзанъ на мѣстѣ; но за послѣднія сто лѣтъ произошли крупныя перемѣны, и аристократія успѣла растерять послѣдніе остатки своего мужества. «Собраніе царей» выродилось въ собраніе умственныхъ и нравственныхъ ничтожествъ, да и консулы сами съ Цицерономъ во главѣ не были уже Назиками.

Тѣмъ не менѣ Катилина выборы проигралъ: Цицеронъ въ совершенствѣ владѣлъ оружіемъ, несравненно болѣе опаснымъ въ тѣ времена, нежели истина и право, а именно—языкомъ. Имъ нашъ благонамѣренный ораторъ натворилъ чудеса, распространяя слухи о заговорѣ, отъ которыхъ у добрыхъ людей волосы становились дыбомъ. Заговорщики встрѣчались не иначе, какъ темной ночью; они давали другъ другу страшныя клятвы; они пробовали другъ у друга кровь; они убивали младенцевъ и питались ихъ внутренностями; они замыслили перебить знатнѣйшихъ горожанъ; они собирались сжечь и разграбить весь городъ; они даже распредѣлили его на сто участковъ со спеціальными комитетами для одновременнаго приведенія этого ужаснаго замысла въ исполненіе, и т. д., и т. д. Морозъ продираель по кожѣ отъ этихъ разсказовъ, и когда для вящаго подтвержденія ихъ стали еще сыпать деньгами на право и на лѣво, основавъ спеціальныи для этого фондъ, куда всѣ защитники спокойствія и порядка, не исключая самого добродѣтельнаго Катона, внесли свои лепты, то всѣ добрые граждане окончательно убѣдились, что съ Катилиною шутить нельзя, и поголовно вотировали за сенатскихъ кандидатовъ.

Катилина тогда рѣшилъ отправиться въ Этрурію, передавъ завѣдываніе дѣлами въ Римѣ Лентулле и Цетеггу, изъ которыхъ первый былъ въ томъ году городскимъ преторомъ. Узнавъ объ этомъ, Цицеронъ рѣшилъ дать Катилинѣ генеральное сраженіе.

Онъ опять распространилъ слухи о злодѣйскихъ умыслахъ заговорщиковъ, говоря, что двое изъ нихъ—сенаторъ Варгунтей и всадникъ Корнелій—приходили къ нему утромъ на поклонъ съ цѣлью убить, но нашли его предупрежденнымъ и недоступнымъ, и созвалъ специальное собраніе сената въ храмъ Юпитера Звѣдителя, — на почтительномъ разстояніи отъ города и... опасной городской толпы, — куда пригласилъ и Катилину. Все было подготовлено къ тому, чтобъ угостить его такъ, какъ нѣкогда угостили Граховъ, и Цицеронъ взялъ на себя инициативу. Какъ только мятежникъ, какъ бы не подозрѣвая имѣющей разыгратъ комедіи, вошелъ въ сенатъ, почтенные мужи совѣта демонстративно повилили скамью, на которую онъ сѣлъ, и оставили его одного. Поднялся Цицеронъ и, дрожа отъ патріотическаго негодованія, произнесъ свою знаменитую рѣчь—«первую противъ Катилины». До коихъ поръ Катилина намѣренъ злоупотреблять ихъ терпѣніемъ? загремѣлъ онъ къ величайшему восхищенію своихъ коллегъ. Развѣ онъ не знаетъ, что всѣ его умыслы и планы извѣстны сенату и консуламъ такъ, какъ еслибы они присутствовали на тайныхъ совѣщаніяхъ его и его сообщниковъ? Развѣ онъ не знаетъ, что слухъ о готовящемся поджогѣ города и избіеніи именитыхъ сенаторовъ ходитъ по устамъ, вызывая негодованіе у всѣхъ, въ комъ живы еще добрые нравы, заповѣданные великими предками? Развѣ Варгунтей и Корнелій не приходили къ нему, Цицерону, сегодня же по утру съ цѣлью убить его? Развѣ у него нѣтъ войска въ Этруріи, набраннаго изъ гнуснѣйшихъ подонковъ общества? Чего же онъ медлитъ? Зачѣмъ онъ остается въ городѣ? Или онъ хочетъ дождаться участи, какая постигла Граховъ и Сатурнина, — участи, которую впрочемъ онъ заслужилъ уже давнымъ давно? (Увы! сенатъ не понимаетъ намека и не трогается съ мѣста.) Пускай же онъ лучше убирается изъ Рима по добру, по здорову, пока шкура цѣла. Онъ совѣтуетъ ему это сдѣлать немедленно же, онъ требуетъ этого во имя республики и сената, онъ умоляетъ его ради счастья и благоденствія римскаго народа...

Слова эти имѣли большой эффе́ктъ, но все же не такой, какового ожидалъ Цицеронъ: Катилина оставилъ курію, не проронивъ ни слова, а сенаторы ограничились лишь яростными криками да объявленіемъ осаднаго положенія по формулѣ: *videant consules*. Преступникъ опять вышелъ невредимымъ изъ договиза враговъ, и перуны консула пропали задаромъ. Повидимому, однако и самъ Цицеронъ-громовержецъ былъ болѣе храбръ на словахъ, нежели на дѣлѣ, потому что его совѣтъ Катилинѣ бѣжать изъ Рима, — совѣтъ, какъ онъ отлично зналъ, совершенно излишній, — можетъ быть

объясненъ лишь желаніемъ избѣгнуть неприятой необходимости заарестовать заговорщика, а вмѣстѣ съ тѣмъ и рисковать своей жизнью.

Катилина уѣхалъ въ ту же ночь, а Цицеронъ, облеченный специальными полномочіями, принялся за дальнѣйшее искорененіе «крамолы». Безъ сомнѣнія, онъ зналъ всѣхъ и cadaго изъ друзей Катилины поименно и въ лицо, онъ зналъ даже, гдѣ они встрѣчаются и что намѣреваются предпринять; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ понималъ, что дѣлать на нихъ открытое нападеніе безъ юридическихъ доказательствъ въ рукахъ было бы дѣломъ нѣсколько рисованнымъ. Но напрасно объявляетъ онъ награды тому, кто сообщилъ бы ему свѣдѣнія о дѣйствіяхъ «заговорщиковъ» и доставилъ бы ему доказательства преступности ихъ: никто не откликается, потому что заговора, собственно говоря, и не было, и народная масса симпатизировала Катилинѣ больше, нежели сенату. Но чего Цицеронъ не могъ добиться деньгами, удалось ему достичь, благодаря безтактности самихъ катилинцевъ, потерявшихъ въ лицѣ уѣхавшаго вождя своего наиболѣе способнаго руководителя и организатора.

Въ Римѣ находились тогда послы отъ галльскаго племени Аллоброговъ, прибывшіе съ жалобой на своего намѣстника. Долго не получая удовлетворенія, они были сильно раздражены противъ сената и охотно вступили въ тайные переговоры съ Лентулломъ, обѣщая ему помощь для свершенія *coup d'état*. Вскорѣ однако они одумались и чистосердечно признались во всемъ своему патрону. Немедленно Цицеронъ былъ оповѣщенъ о случившемся, и дѣло устроилось такъ: подъ предлогомъ, что соотечественники ихъ не повѣрятъ однимъ словеснымъ обѣщаніямъ, хитрые послы потребовали отъ Лентулла письменнаго договора и, заполучивъ его, отправились въ Катилинѣ въ Этрурію за ратификаціей. По дорогѣ однако на нихъ напали сенатскіе посланцы и отобрали документы. Больше Цицерону и не надо было: онъ немедленно созвалъ сенатъ въ храмъ Согласія, вытребовалъ къ себѣ Лентулла и Цетегга и, уличивъ ихъ при помощи документовъ и свидѣтелей, велѣлъ ихъ заарестовать. 4-го декабря на засѣданіи сената были опредѣлены награды доносчикамъ, а 5-го было проведено, по предложенію Катона и Цицерона, и противъ грозной оппозиціи Цезаря, рѣшеніе казнить заключенныхъ безъ дальнѣйшаго суда и апелляціи. Въ сопровожденіи ликторовъ и громадной толпы сенаторовъ и всадниковъ Цицеронъ собственноручно отвелъ осужденныхъ въ подземную Капитолійскую тюрьму и здѣсь приказалъ ихъ задушить во славу сената и республики.

Это былъ финалъ всей исторіи: съ удаленіемъ Катилины въ Этрурію и смертью его главныхъ сподвижниковъ, гидра революціи была задавлена, и благонамѣренный Римъ могъ вздохнуть спокойно. Его уже больше не тревожилъ кошмаръ поджоговъ и убійствъ, ему уже больше не угрожала опасность переворотовъ и конфискацій, и онъ могъ попрежнему вести тучную жизнь на счетъ соковъ и крови италійскаго народа. Правда, въ Капуѣ, Этруріи и другихъ мѣстахъ дѣйствовали еще инсургенты, но и они мало по малу слабѣли за недостаткомъ дисциплины и организаціи. Оставшись одинъ съ горстью вѣрныхъ друзей, Катилина, наконецъ, палъ при Писторіи въ 62 г. Онъ погибъ геройской смертью, а съ нимъ— всѣ его товарищи до одинаго,— всѣ, какъ съ удивленіемъ замѣчаетъ Саллюстій, съ ранами въ груди и съ выраженіемъ энергіи и рѣшимости въ лицѣ.

Такъ трагически окончилась попытка свергнуть желѣзное иго сенатской олигархіи. Попытка эта была не первая — ей предшествовали многія другія, оканчивавшіяся также плачевно; но она была предпоследней: знамя, выпавшее изъ рукъ Катилины, было поднято Цезаремъ, и аристократія погибла.

Пока же что — Цицеронъ имѣлъ полное основаніе ликовать. Человѣкъ безъ предковъ и безъ связей, только что перемѣнившій свое амплуа — homo novus во всѣхъ отношеніяхъ, онъ, благодаря исключительно своему таланту красно говорить, достигъ высшихъ государственныхъ почестей и спасъ республику, т. е. имущіе классы, отъ неминуемой гибели. Признательность послѣднихъ не знала поѣтому предѣловъ: забывъ жалкую роль, которую они играли, не замѣчая банкротства, столь громко заявленнаго фактомъ спасенія ихъ выскочкою, они осыпали счастливаго консула такими почестями, какими до него не пользовался ни одинъ римскій гражданинъ. Его привѣтствовали повсюду, какъ спасителя родины; ему преподнесли и въ сенатѣ, и на форумѣ неслыханный дотошъ титулъ отца отечества, и въ честь его возсылались богамъ безчисленныя молитвы и жертвоприношенія. Каждую ночь втеченіе долгаго времени городъ иллюминировался какъ въ праздникъ, и повсюду, гдѣ появлялась знакомая фигура оратора, раздавались бѣшенныя рукоплесканія и клики и составлялся почетный конвой изъ цвѣта аристократической молодежи. Цицеронъ сдѣлался популярнѣйшимъ человѣкомъ въ Римѣ, но эта популярность, какъ мы сейчасъ увидимъ, продолжалась не долго.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Тщеславіе Цицерона и паденіе его популярности.—Отношеніе его къ триумвирамъ.—Клодій и его процессъ.—Кампанія противъ Цицерона.—Малодушное его поведеніе, изгнаніе и переписка.—Агитація Милона въ пользу амнистіи.—Возвращеніе Цицерона.—Новый курсъ.—Цицеронъ въ Вилліи.—Междоусобная война и поведеніе Цицерона.—Примиреніе съ Цезаремъ.—Политика Цицерона послѣ 15-го марта.—Антоній и Октавіанъ.—Бѣгство Цицерона.—Борьба съ Антоніемъ.—Филлипики.—П триумvirать.—Проскрипція и смерть Цицерона.—Общій характеръ его частной жизни.—Ораторская и литературная дѣятельность.—Характеръ и сила его краснорѣчія.—Его философскія занятія.—Цицеронъ, какъ писатель, и его заслуги.—Содержаніе «Республики».

Въ концѣ 63 г. Цицеронъ сложилъ съ себя консульскую должность и, оставшись не у дѣлъ, сталъ жить простымъ сенаторомъ, упиваясь обрушившимся на него почетомъ. Въ сознаніи услугъ, оказанныхъ имъ, незначительнымъ Арпинцемъ, надменному аристократическому сословію, онъ готовъ былъ, подобно Нарциссу, пасть на колѣни передъ самимъ собою и любоваться отраженіемъ своихъ добродѣтелей, которое, казалось ему, онъ видѣлъ въ раздающихся вокругъ него похвалахъ. Его самомнѣнію не было границъ: онъ смотрѣлъ на себя, какъ на самаго выдающагося челоуѣка въ государствѣ, чье единое слово или жестъ имѣетъ право на всеобщее вниманіе и повиновеніе. Съ дѣланною скромностью челоуѣка, знающаго себѣ цѣну, онъ являлся въ сенатъ, такъ безпримѣрно имъ облагодѣтельствованный, и съ отеческою снисходительностью давалъ свои совѣты, то и дѣло напоминая своимъ коллегамъ приснопамятный годъ своего консульства и зловѣщія имена Катилины и Лентулла. Куда-бы онъ ни являлся—въ частный домъ или на форумъ, въ народное собраніе или на судъ—вездѣ и всегда 63-й годъ вертѣлся у него на языкѣ, и вся его переписка за это время, рѣчи и сочиненія полны разсказами о его дѣяніяхъ и заслугахъ. Злые языки говорили даже, что онъ по этому поводу написалъ одну латинскую и одну греческую поэмы, но, къ счастью, онѣ до насъ не дошли. Извѣстно лишь, что онъ обращался къ одному изъ своихъ друзей съ просьбою написать исторію его консульства, причѣмъ просилъ «не жалѣть красокъ» и «имѣть въ виду дружбу болѣе, нежели истину».

Понятно, что онъ сталъ надобѣдать. Люди рѣдко съ охотою выслушиваютъ напоминанія объ оказанныхъ имъ благодѣяніяхъ; но когда оно дѣлается еще съ такою назойливостью, какъ это дѣлалъ Цицеронъ, они начинаютъ тяготиться. Отъ добродушнаго подсмѣи-

ванія надъ тщеславными выходками ех-консула даже лучшіе его друзья стали мало-по-малу переходить къ недоумѣнію, а потомъ къ раздражительности; когда же эти выходки приняли характеръ притязаній на всеобщее поклоненіе, раздражительность перешла въ презрѣніе и, наконецъ, въ ненависть. Популярность Цицерона постепенно исчезала, ореолъ его тускнѣлъ, и аристократія, наконецъ, увидѣла, что имѣеть дѣло съ несноснымъ выскочкою, которому надлежитъ указать его мѣсто. Въ этомъ помогъ ей самъ Цицеронъ.

Въ 61 г. возвратился Помпей послѣ шестилѣтняго отсутствія на Востокъ и сразу пришелъ въ столкновеніе съ сенатомъ по поводу надѣленія его ветерановъ землею; около этого же времени прибылъ изъ Испаніи и Цезарь и сталъ домогаться консульства. Оба честолюбца, видя, какъ трудно преодолѣть оппозицію сената разьединенными силами, рѣшили сблизиться и въ 60-мъ году заключили союзъ съ цѣлью общими средствами достигъ власти. Въ союзъ былъ принятъ и богатый Крассъ, и всѣ втроемъ составили планъ кампаніи противъ сенатскаго режима. Цицеронъ почувствовалъ себя оскорбленнымъ: уже одинъ тотъ фактъ, что его, величайшаго и заслуженнѣйшаго изъ римлянъ, могли обойти, не считая даже нужнымъ справляться съ его мнѣніемъ или заручиться его благосклонностью, казался ему величайшимъ affrontомъ; но обида еще болѣе усилилась, когда на всѣ авансы, которые онъ, послѣ нѣкотораго колебанія, рѣшилъ дѣлать черезъ третье лицо, предлагая свой нейтралитетъ взаменъ мѣста въ жреческой коллегіи, триумвиры не нашли другого отвѣта, кромѣ холоднаго равнодушія. Это было больше, чѣмъ онъ могъ снести: его, очевидно, ставили ни во что,—и Цицеронъ принялся изо всѣхъ силъ разстраивать триумвиратъ, стараясь отвлечь отъ него своего стараго, но слабохарактернаго друга Помпея. Увы! его усилія были безплодны: честолюбіе Помпея оказалось сильнѣе его дружбы, и Цицеронъ въ отчаяніи и тоскѣ сталъ, какъ фурія, метаться по Италіи, бѣснующь надъ своимъ безсиліемъ и злобствуя на весь міръ. Триумвирамъ, наконецъ, надоѣло возиться съ нимъ, и Цезарь пробовалъ было удалить его со сцены миромъ, предложивъ ему при себѣ должность легата и мѣсто въ комиссіи по передѣлу кампанскихъ земель; но ничто не брало: уязвленный ораторъ отказывался слышать о какихъ бы то ни было предложеніяхъ, тѣмъ менѣе объ отъѣздѣ изъ Рима. Тогда новые владыки республики рѣшили спровадить его силою и съ этой цѣлью выдвинули противъ него пресловутаго Клодія, его заклятаго врага.

Этотъ Клодій принадлежалъ къ одному изъ знатнѣйшихъ родовъ Рима—Клавдіямъ—и имѣлъ за собою такихъ патроновъ, какъ Маркъ

Крассъ. Въ 65 г. онъ былъ еще на сторонѣ сенатской аристократіи, выступая обвинителемъ Катилины въ его африканскомъ процессѣ по лихоимству; но уже тремя годами позже мы находимъ его въ рядахъ демократической партіи, гдѣ онъ приобретаетъ извѣстность своей энергіей, смѣлостью и... легкими нравами. Онъ былъ большой другъ — политическій и личный — Цезаря, но это нисколько не помѣшало ему завести тайную связь съ его женою. Въ 62 г., когда онъ былъ избранъ квесторомъ на будущій годъ, эта связь закончилась скандаломъ, который заставилъ говорить о себѣ все римское общество: переодѣтый въ женское платье, онъ проникъ и былъ узнанъ въ домѣ Цезаря, бывшаго тогда верховнымъ жрецомъ, какъ разъ въ то время, какъ его жена справляла при участіи знатнѣйшихъ матронъ таинства въ честь Вона Деа, изъ которыхъ мужчины были строго на строго исключены. Случай былъ необыкновенно сенсационный, но онъ, быть можетъ, прошелъ бы безслѣдно, еслибы сенатъ не вздумалъ изъ-за этого устроить Клодію процессъ. Мотивомъ выставили совершенное святотатство, какъ то съ важною опредѣлила жреческая коллегія; но можно смѣло усомниться въ искренности его, видя, съ одной стороны, что со времени совершенія проступка прошло цѣлыхъ семь мѣсяцевъ, и зная, съ другой стороны, что ни одинъ изъ образованныхъ людей того времени не вѣрилъ ни въ Вона Деа, ни въ ея таинства. Вѣроятноже всего, что расчеты были исключительно политическіе, и обвиненіе въ святотатствѣ лишь выдвинули какъ предлогъ загубить виднаго члена оппозиціонной партіи. Это между прочимъ явствуетъ еще изъ того, что Цезарь, глава демократіи послѣ Катилины, согласился забыть обиду, понесенную имъ въ качествѣ обманутаго мужа, и упорно отказывался, не смотря на свидѣтельства домашнихъ и друзей, давать противъ адюльтера какія-либо показанія. Правда, онъ развелся со своею женою и тѣмъ какъ бы признавалъ ея преступность; но онъ мотивировалъ это тѣмъ, что «жена Цезаря должна стоять выше даже подозрѣній».

Процессъ состоялся въ 61 г. передъ жюри, выбраннымъ по жребію и состоявшимъ изъ 56 членовъ. Клодій отрицалъ свою виновность, говоря, что какъ разъ въ моментъ совершенія проступка онъ былъ въ Иатеррамнѣ, въ 90 миляхъ отъ Рима, и что, стало быть, человекъ, пойманный въ домѣ Цезаря, былъ не онъ, а кто-то другой. Но тутъ поднялся Цицеронъ и подъ присягою показалъ, что всего за три часа до того, какъ было совершено святотатство, Клодій былъ у него, въ городскомъ домѣ, и говорилъ съ нимъ о политикѣ и другихъ дѣлахъ. Дѣло Клодія, повидимому, было про-

играно: за три часа не легко было очутиться въ мѣстѣ, отстоявшемъ отъ Рима на нѣсколько десятковъ миль; тѣмъ не менѣе Клодій увернулся. Большинство членовъ жюри—31 человекъ—оказались демократами и, понимая игру, скрытую подъ покровомъ религіи, вынесли подсудимому оправдательный вердиктъ.

Это былъ большой ударъ для благонамѣренныхъ вообще и для Цицерона въ особенности. Ораторъ, оскорбленный тѣмъ, что его показанія были игнорированы, видѣлъ въ освобожденіи Клодія не только политическую, но и личную обиду: онъ не уставалъ въ сенатѣ и частныхъ разговорахъ нападать на богохульственнаго адюльтера и утверждать, что жюри было подкуплено при помощи Красовыхъ денегъ, сытныхъ обѣдовъ и веселыхъ женщинъ. Клодій отплачивалъ ему тою же монетою и поклялся отмстить ему при первомъ же удобномъ случаѣ.

Этотъ случай не замедлилъ представиться, когда триумвиры рассорились съ Цицерономъ. Желая еще больше «одемократиться» и вмѣстѣ съ тѣмъ добиться трибуната, къ которому онъ, какъ патрицій, не имѣлъ доступа, Клодій давно уже хотѣлъ выступить изъ своего рода и приписаться къ какой-нибудь плебейской фамиліи. Для этого требовалось специальное разрѣшеніе народа въ куриатскомъ собраніи; но дѣло затягивалось и долго не удавалось, благодаря оппозиціи сенатской партіи, а отчасти даже и триумвировъ, все еще не рѣшавшихся губить Цицерона. Но выступленіе послѣдняго на защиту К. Антонія, обвинявшагося агентами Помпея въ вымогательствахъ въ Македоніи (Цицеронъ дѣлилъ съ нимъ добычу), рѣшило дѣло: въ тотъ же день, черезъ три часа послѣ процесса, народное собраніе, по предложенію Цезаря и подъ предѣлательствомъ Помпея, провело необходимое *lex curiata*, и Клодій сталъ сыномъ Фоктея, человекъ моложе его самого и, къ тому еще, недавно женившагося и имѣвшаго всѣ шансы имѣть собственное потомство. Конечно, это былъ абсурдъ и вопіющее нарушеніе конституціи; но триумвиры и Клодій остались довольны остроумной предѣлкою и только смѣялись надъ яростными протестами олигарховъ.

Выбранный трибуномъ на 59 г., Клодій осторожно принялся за дѣло. Онъ заручился популярностью въ народѣ такими мѣропріятіями, какъ отмѣна платы за раздаваемый пролетаріату хлѣбъ, разрѣшеніе вновь открывать клубы и цехи, запрещенные реакціей, и т. п., а потомъ внезапно повелъ атаку на ничего не подозреващаго Цицерона. Какъ читатель вѣроятно помнитъ, сенатъ, по раскрытію заговора Катилины, велѣлъ казнить въ тюрьмѣ Лентулла и Цетегга. Это былъ актъ, незаконный во многихъ отношеніяхъ:

сенатъ присвоилъ себѣ судебную функцію, которая ему не принадлежала, и велѣлъ привести въ исполненіе приговоръ, котораго онъ не имѣлъ права произносить. Кромѣ того, онъ не далъ осужденнымъ поблаговшаго имъ по закону права апеллировать къ народу. Это было дерзкое превышеніе власти—настоящій административный произволъ, который, не смотря на извиняющія обстоятельства, сильно взволновалъ народъ, по справедливости видѣвшій въ немъ посягательство на его права. Особенно обвиняли въ этомъ Цицерона, который, и какъ главное дѣйствующее лицо, и какъ консулъ, являлся отвѣтственнымъ за всѣ поступки сената; когда поэтому въ декабрѣ 63 г. онъ слагалъ съ себя должность и давалъ передъ народомъ обычный отчетъ въ своей дѣятельности, одинъ изъ тогдашнихъ трибуновъ, Кв. Метеллъ Непотъ, обвинилъ его въ соучастіи въ сенатскомъ преступленіи и не хотѣлъ ему давать даже право голоса. Большинство собранія, въ которомъ преобладали «благонамѣренныя», было однако на сторонѣ Цицерона, и когда онъ, въ отвѣтъ на это нападеніе Метелла, громко повлялся, что онъ спасъ отечество, публика въ одинъ голосъ поддержала его и проводила домой съ оваціями. Но то было на другой день послѣ искорененія крамолы, — а теперь, въ 59 г., обстоятельства значительно измѣнились, и Клодій, внося законъ объ изгнаніи всякаго, кто когда-либо былъ повиненъ въ смерти римскаго гражданина безъ суда и апелляціи, имѣлъ полное основаніе рассчитывать на успѣхъ. Правда, онъ никого не называлъ по имени; но Цицеронъ, у котораго совѣсть была нечиста, сразу понялъ, въ кого мѣтилъ трибунъ, а понявъ, — сразу же сдался. вмѣсто того, чтобы грудью встрѣтить нападеніе и либо спокойно выжидать событія, либо отрицать свою виновность, ссылаясь на требованія момента и на свои заслуги, онъ предпочелъ играть роль кающагося грѣшника и молить о состраданіи. Въ траурномъ одѣяніи, небритый, съ всклокоченными волосами, обходилъ онъ, разрушенный памятникъ недавней славы, форумъ и частные дома, прося заступничества и пощады. Плутархъ увѣряетъ даже, что за нимъ шествовалъ траурный кортежъ изъ 20 тысячъ знатнѣйшихъ сенаторовъ и всадниковъ, которыхъ Клодій и его банда на каждомъ шагу осыпали насмѣшками, руганью и грязью; но такое увѣреніе — явная таррасконада: въ Римѣ никогда не было и половины указаннаго числа оптиматовъ, и осыпать такую огромную толпу грязью было бы дѣломъ мудренымъ, да и рискованнымъ. Цицерона вѣроятно сопровождала небольшая горсть оставшихся у него друзей и вмѣстѣ съ ними онъ совершалъ свой скорбный путь, преслѣдуемый хохотомъ уличныхъ мальчишекъ, дивившихся этой

странной процессіи рыцарей печальнаго образа. Его старанія были напрасны: противъ него была аристократія, которая не могла переварить его происхожденія и заносчивости; оба вновь избранныхъ консула, Пизонъ и Габиній—первый—тестъ Цезаря, а второй—креатура Помпея,—которымъ Клодій обѣщаль доставить жирныя провинціи, и, наконецъ, городской пролетаріатъ, котораго трибунъ безпрестанно поджигаль рѣчами и дѣйствіемъ. О триумвирахъ же и говорить нечего: даже Помпей, старый пріятель Цицерона, объявшаго Клодія не трогать оратора, вышелъ черезъ заднее крыльцо, когда послѣдній пришелъ къ нему просить заступничества. Все было кончено—и герой рѣшилъ уступить заблаговременно: въ одну темную апрѣльскую ночь 58 г. онъ отнесъ въ Капитолій свою любимую статую Минервы и удалился изъ Рима въ добровольное изгнаніе, рыдая и терзаясь, какъ слабонервная женщина, проклиная своихъ враговъ, Римъ, весь міръ, самого себя.

Такъ жестоко поплатился Цицеронъ за свое тщеславіе и безтактность. По предложенію Клодія его объявили внѣ закона, и строгое наказаніе было объявлено тому, кто пріютитъ бѣглеца. Его дворецъ на Палатинскомъ холмѣ, купленный у Красса за бѣшеную сумму и давно уже коловшій глаза надменной аристократіи, былъ снесенъ и мѣсто посвящено Свободѣ, а роскошныя виллы въ Тускулѣ и Фурміи были разграблены и разрушены. Ему было запрещено жить ближе, чѣмъ на разстояніи 400 миль отъ Рима, и Цицеронъ, думавшій было поселиться въ Сициліи, среди своихъ бывшихъ кліентовъ и друзей, принужденъ былъ переѣхать въ Грецію и жить въ Тессалоникѣ, а затѣмъ, съ декабря, въ Диррахіѣ. Отсюда онъ шлетъ домой, къ Аттику и женѣ, письма, которыя своей слабохарактерностью и малодушіемъ вызвали упрекъ даже со стороны его апологетовъ. Никогда, жалуется онъ, человѣкъ не падалъ съ такой высоты въ такую бездну несчастія, какъ онъ. Онъ оказалъ республикѣ услуги, съ которыми не могутъ сравниться ничьи другія, и въ благодарность за это она его отвергла, какъ отвергаютъ врага и измѣнника. Участь его безпредѣльно скорбна, свѣтъ для него померкъ и жить дольше для него не имѣетъ смысла. Друзья пишутъ ему, чтобъ онъ бодрился и не отчаявался; но развѣ возможно бодриться ему, столь великому человѣку, повергнутому въ такое ужасное положеніе? Зачѣмъ, о зачѣмъ онъ не умеръ раньше, во дни своей славы, когда смерть была бы такъ сладка, такъ выгодна? Зачѣмъ друзья не посоветовали ему сдѣлать это? Зачѣмъ не предупредили они его о грозящей опасности? Зачѣмъ не отсоветовали они ему отъ послѣдняго шага, не запретивъ ему казниться передъ народомъ и просить по-

пады, какъ будто онъ въ самомъ дѣлѣ былъ виновенъ? Неужели дружба выражается лишь въ позднемъ соболѣзнованіи и ненужныхъ слезахъ? О, пусть они постараются всѣми силами измѣнить народный приговоръ и вернуть его обратно въ Римъ, къ его любимымъ мѣстамъ и занятіямъ! Пускай не жалѣютъ ничего, пускай не скупятся на просьбы, обѣщанія и убѣжденія, — лишь бы онъ могъ воротиться назадъ къ прежней жизни. Онъ проситъ ихъ объ этомъ со слезами на глазахъ, онъ умоляетъ ихъ сжалиться надъ несчастнымъ изгнанникомъ и онъ обѣщаетъ имъ свою вѣчную благодарность, свою вѣчную дружбу.

Эти жалкія причитанія и моленія возымѣли свое дѣйствіе, и друзья стали лѣзть изъ кожи вонъ, чтобъ вернуть его изъ ссылки. Первыми, естественно, поддались сенатъ и аристократія, для которыхъ краснорѣчіе Цицерона всегда было украшеніемъ и оплотомъ, и которые теперь, при видѣ его несчастій, смягчились и признали, что онъ ими достаточно уже искупилъ свою вину. Уже въ іюнѣ 58 г. въ сенатъ поступило предложеніе одного изъ членовъ его вернуть изгнанника, но оно, какъ и другое въ томъ же году, было преждевременно и не могло пройти черезъ коммиціи. Къ началу 57 г. шансы значительно улучшились. Одинъ изъ новыхъ консуловъ П. Лентулъ Спинтеръ былъ всецѣло на сторонѣ сената, а Помпей, оставшись одинъ въ Римѣ послѣ отъѣзда Цезаря въ Галлію, сталъ мало-по-малу склоняться туда же и вступать въ соглашенія съ аристократіей. Въ видѣ аванса и какъ залогъ его искренности съ него прежде всего потребовали возвращенія Цицерона, и Помпей сталъ хлопотать у народа объ амнистіи. Для борьбы съ Клодіемъ, все еще пользовавшимся большимъ вліяніемъ въ народныхъ кругахъ, онъ сошелся съ народнымъ трибуномъ Милономъ, достойнымъ соперникомъ Клодія въ дерзости, рѣшимости и находчивости. Во главѣ наемной толпы гладіаторовъ новый защитникъ Цицерона сталъ бороться со своимъ врагомъ, устраивая ежедневныя схватки съ нимъ и его приверженцами и терроризируя населеніе боями и мятежами. Улицы Рима стали свидѣтелями непрерывныхъ смуть, мостовыя обгалялись кровью и устилались увѣчными и ранеными, и воздухъ оглашался криками побѣдителей и стонами умирающихъ. Хаосъ стоялъ невообразимый, голосъ законовъ умолкъ, и публика съ волненіемъ слѣдила за перипетіями борьбы и выжидала ея результатовъ. Къ несчастью, силы противниковъ были равны, и Помпей, видя, что дѣло можетъ затянуться надолго, принужденъ былъ прибѣгнуть къ другимъ мѣрамъ. По его предложенію сенатъ въ маѣ 57 г. постановилъ стянуть въ Римъ гражданъ италійскихъ муниципіевъ, всегда, какъ

извѣстно, державшихъ сторону сената, съ цѣлью подавить оппозицію городского населенія численнымъ превосходствомъ. Мѣра была дѣйствительна, и 4-го августа, при страшныхъ беспорядкахъ и кровопролитіи, народное собраніе провело требуемое рѣшеніе.

Опала Цицерона такимъ образомъ окончилась, и, покинувъ Диррахию, онъ переправился въ Бриндизи, гдѣ его ждало семейство, а оттуда по знаменитой Аппіевой дорогѣ медленно двинулся въ Римъ. Изъ всѣхъ попутныхъ городовъ ему выходили на встрѣчу муниципалитеты съ привѣтствіями и поздравленіями, и когда 4-го сентября онъ прибылъ въ столицу, сенатъ, должностныя лица и всадническое сословіе приняли его съ шумными оваціями. При громѣ рукоплесканій взошелъ онъ на форумъ, а оттуда—на Капитолій, и здѣсь, какъ нѣкогда въ Афинахъ Демосеенъ, онъ произнесъ благодарственную рѣчь богамъ и народу. «Италія пронесла меня на плечахъ къ Риму», говорилъ онъ впослѣдствіи по поводу своего триумфа, и съ этими словами нельзя не согласиться, если отождествить Италію съ ея правящими классами.

Какъ ни кратковременно было изгнаніе Цицерона, но онъ запомнилъ полученный имъ урокъ: несмотря на внѣшній почетъ, который ему теперь оказывали,—ему отдали обратно конфискованныя земли и даже присудили вознагражденіе въ 2 милліона сестерцій за убытки,—онъ довольно ясно понималъ, что время политическаго расцвѣта для него прошло, и что отнынѣ центръ тяжести переходитъ къ другимъ, болѣе сильнымъ, нежели онъ. Занесенный въ орбиту могущественныхъ триумвировъ, онъ вскорѣ убѣдился, что больше, чѣмъ на роль спутника ихъ, онъ разсчитывать не можетъ, и что единственное, на что онъ способенъ, это—быть послушнымъ исполнителемъ ихъ воли. Правда, онъ не сразу мирится со своей новой ролью и нѣкоторое время все еще продолжаетъ мечтать о самостоятельной политикѣ; но дѣйствительность разбиваетъ его мечтанія, и онъ безусловно покоряется своей участи. Въ письмахъ къ друзьямъ и знакомымъ онъ излагаетъ свое новое *profession de foi*, говоря, что еще Платонъ училъ, что граждане обязаны быть однихъ мнѣній со своими вождями, и отдаетъ всѣ свои силы и таланты въ распоряженіе триумвировъ. Онъ поддерживаетъ въ сенатѣ каждое предложеніе ихъ; онъ слагаетъ диэирамбы ихъ подвигамъ и защищаетъ ихъ интересы на судѣ и въ народномъ собраніи. Чтобъ имѣть понятіе объ услужливости его, мы приведемъ три случая изъ адвокатской практики его за этотъ періодъ.

Скавръ, пасынокъ Суллы и кандидатъ на консульство 53 г., такъ растратился за время своего эдильства, что для поправки

дѣлъ отправился въ Сардинію въ качествѣ пропретора. Грабежъ былъ въ гомерическихъ размѣрахъ, и провинціалы притянули его къ отвѣтственности. Тогда Помпей, который былъ женатъ на сестрѣ Сква, приказалъ Цицерону защитить его, и тотъ исполнилъ свою роль съ такимъ успѣхомъ, что изъ 70 судей только 8 объявили себя противъ подсудимаго. Освободившись, Сква сталъ безцеремонно подкупать избирателей, — и ему вторично устроили процессъ; но на сцену опять появился краснорѣчивый Цицеронъ, и шуринъ Помпея былъ опять объявленъ невиновнымъ.

Около этого же времени судился за взяточничество нѣкій Ватиній. Въ 59 г. онъ былъ трибуномъ, и тѣмъ, что далъ показанія противъ кліента Цицерона, навлекъ на себя беспощадные нападки со стороны послѣдняго. Теперь же, въ 54 г., когда происходилъ его процессъ, онъ былъ лейтенантомъ Цезаря, — и бѣдному Цицерону пришлось выступить на защиту того, кого онъ раньше обзывалъ лжецомъ, воромъ, грабителемъ и убійцей!

Быть можетъ, однако наиболѣе характернымъ инцидентомъ въ карьерѣ Цицерона за это время была его защита Габинія. Эта гнусная личность имѣла счастье быть протезе Помпея и въ 54 г. вернулся изъ Сиріи, гдѣ былъ проконсуломъ и награбилъ миллионы. Его ждало въ Римѣ три процесса: за оскорбленіе величества народа, за вымогательство и за подкупъ. Народъ его ненавидѣлъ, люди наперерывъ искали возможности фигурировать въ качествѣ его обвинителей, и когда передъ судомъ претора адвокатъ сталъ говорить, брань и угрозы публики заставили его замолчать. Цицеронъ самъ былъ противъ него, въ качествѣ представителя публиканскихъ интересовъ, столь negliжированныхъ Габиніемъ. Однако онъ воздержался отъ открытаго нападенія, такъ какъ, какъ онъ писалъ брату, «онъ не хотѣлъ ссориться съ Помпеемъ». Благодаря своимъ миллионамъ, Габиній отдѣлался отъ процесса благополучно: изъ 70 судей 38 были того мнѣнія, что ни люди, ни боги ничего не могутъ имѣть противъ такого безупречнаго гражданина; но наступилъ второй его процессъ за вымогательство — и Цицеронъ, по приказанію Помпея, принужденъ былъ взяться за его защиту!..

Но такихъ примѣровъ не оберешься; достаточно и приведенныхъ, чтобъ понять, какими средствами Цицеронъ успѣлъ примирить себя съ триумвирами и даже снискать ихъ расположеніе: Цезарь теперь похваливалъ его стихи, а Помпей увѣрялъ, что, не спаси онъ Рима отъ Катилины, ему не надъ чѣмъ было бы теперь властвовать. Цицерону удалось 5 лѣтъ прожить безъ тревогъ и даже въ 54 году, послѣ смерти Красса, получить давно желанное мѣсто въ

жреческой коллегіи; но судьба его не долго баловала: въ 52 г. его опять удалили изъ Рима, заставивъ принять въ управленіе дальнюю провинцію Киликію въ Малой Азіи.

Что было причиною этой новой опалы, мы не знаемъ; намъ извѣстно лишь, что 15-го апрѣля 52 г. нашъ герой среди обычныхъ оханій и жалобъ на судьбу принужденъ былъ оставить Римъ и поѣхать въ назначенную ему провинцію. Онъ проводитъ тамъ цѣлый годъ и отличается такъ же, какъ нѣкогда отличился въ Сициліи. Онъ дважды объѣзжаетъ всю Киликію, вникая въ нужды населенія и творя безпристрастный судъ; онъ умѣренно покровительствуетъ публиканамъ, не превышая вѣренной ему власти, и съ особенной заботливостью слѣдитъ за интересами римскаго правительства, стараясь прекратить злоупотребленія по администраціи и воротить казнѣ расхищенные при его предшественникѣ суммы. Онъ ни разу не былъ повиненъ въ вымогательствѣ или лихоимствѣ, и онъ отказался даже отъ содержанія, которое провинціалы обыкновенно назначали своимъ правителямъ. Онъ никогда никого не бранилъ и не наказывалъ прутьями; у его воротъ никогда не было часовыхъ, и никому онъ не отказывалъ въ аудіенціи; но всѣ имѣли къ нему свободный доступъ, всѣхъ онъ выслушивалъ съ одинаковою внимательностью, и всѣмъ онъ готовъ былъ оказать помощь.

Не довольствуясь успѣхами въ гражданскомъ вѣдомствѣ, онъ искалъ лавровъ и на военномъ поприщѣ. Онъ покорилъ Каппадокію для царя Аріобарзана, друга римскаго сената; онъ усмирилъ возставшихъ киликійцевъ и нанесъ парянамъ нѣсколько рѣшительныхъ ударовъ, разрушивъ ихъ селенія и забравъ множество плѣнныхъ и добычи. Во многомъ, правда, если не во всемъ этомъ, онъ былъ обязанъ своему брату Квинту, который поѣхалъ съ нимъ въ качествѣ легата; все же честь принадлежала ему, какъ старшему, и онъ получилъ отъ своей арміи титулъ императора. Гордясь своимъ званіемъ и украсивъ свои проконсульскіе пучки неувядаемыми лаврами, онъ посылаетъ сенату пышное описаніе своихъ военныхъ подвиговъ и проситъ его вознести богамъ *supplicatio*—молебствіе—за его побѣды и удачи. Онъ теперь начинаетъ мечтать о триумфѣ и послѣднія недѣли своего намѣстничества проводитъ въ писаніи писемъ къ друзьямъ, въ которыхъ проситъ ихъ содѣйствовать ему въ достиженіи этой чести, а главное—устроить такъ, чтобъ онъ могъ уѣхать изъ провинціи, какъ только окончится его годъ: война съ парянами еще тянулась, и сенатъ могъ въ виду этого продлить его правленіе на неопредѣленный срокъ. Цицеронъ этого сильно опасался: нетерпѣніе покинуть мѣсто изгнанія и желаніе вернуться

къ своему излюбленному Риму поджигались еще надеждою на триумфъ,—и вотъ, съ мужествомъ, нѣсколько для него необычайнымъ, онъ рѣшаетъ взять судьбу въ свои собственныя руки: не дожидаясь назначенія и прїѣзда преемника, онъ сдаетъ бразды правленія своему квестору и 30-го іюля 50 г. выѣзжаетъ изъ Виликии на родину. Онъ ѣдетъ черезъ Эфесъ, Родосъ, Аѣины и Бриндизи и въ началѣ 49 г. приближается къ столицѣ, останавливается у ея стѣнъ и ждетъ сенатскаго декрета насчетъ триумфа. Увы! напрасно: въ это самое время загорается пожаръ междоусобной войны между Цезаремъ и Помпеемъ, и нашему доблестному герою, къ его великой досадѣ, приходится отложить свои мечтанія на неопредѣленное время.

Въ его жизни наступаетъ теперь пора, еще болѣе печальная для него и его репутаціи, нежели какая-либо предшествовавшая. Вспыхнувшая свалка какъ бы застигла его врасплохъ, и въ опасеніи за свою жизнь и имущество онъ долго не зналъ, къ какой изъ воюющихъ сторонъ пристать. По своимъ симпатіямъ, личнымъ и классовымъ, онъ всецѣло принадлежалъ Помпею: за него, какъ онъ самъ говорилъ, стояли все *boni viri, lauti ac locupletes*—все благонамѣренные граждане, знатные и богатые, т. е. сенаторы, всадники и муниципалитеты городовъ, въ то время какъ Цезарь имѣлъ на своей сторонѣ лишь тѣхъ, «кто живетъ страхомъ и лихими надеждами», т. е. городскихъ пролетаріевъ, разоренныхъ италійцевъ, золотую, но задолжавшуюся молодежь, народныхъ трибуновъ и прочіе элементы демократіи. Казалось бы, колебаніямъ здѣсь не могло быть мѣста, и въ началѣ борьбы Цицеронъ самъ выражалъ мнѣніе, что, подобно тому, какъ волы идутъ за волами, такъ и ему надлежитъ слѣдовать за своимъ стадомъ, т. е. благонамѣренными; но, на бѣду, матеріальный перевѣсъ былъ рѣшительно на сторонѣ Цезаря, имѣвшаго подъ своими знаменами до 15 легионовъ пѣхоты и конницы, въ то время какъ у Помпея не было ни одного солдата,—а это совершенно измѣняло положеніе дѣлъ, ставя нашего и безъ того нерѣшительнаго героя въ страшную дилемму: либо пристать къ первому—и измѣнить своимъ убѣжденіямъ, либо пристать ко второму—и идти на гибель, быть побѣжденнымъ и подпасть подъ проскрипцію. И то, и другое было довольно непріятно, но Цицеронъ самъ говоритъ, что съ готовностью махнулъ бы рукою на симпатіи, убѣжденія и прочія сентиментальности, еслибы зналъ навѣрное, что Цезарь побѣдитъ; къ сожалѣнію, «кто, когда дѣло доходитъ до междоусобной войны, въ состояніи предвидѣть, чѣмъ она окончится?». И бѣдный Цицеронъ теряется въ сомнѣніяхъ и

разсылаеть къ своимъ друзьямъ письма, полныя жалобъ, стоновъ и слезъ, ища ихъ совѣта, прося у нихъ утѣшенія и оплакивая свою горькую долю. Онъ ведетъ переговоры и съ Помпеемъ, и съ Цезаремъ, онъ старается ихъ примирить, онъ даетъ обѣщанія и тому, и другому и навлекаеть на себя дурную молву, которая заставляеть его страдать еще больше. Но его терзанія увеличиваются во сто кратъ, когда Помпей покидаеть Италию и отправляется набирать войска на Востокъ: прежняя дилемма предстаетъ во всей своей ужасной рельефности и долше медлить становится невозможнымъ: либо оставаться въ Итали и, значить, пристать къ Цезарю, либо объявить себя помпеянцемъ и идти вслѣдъ за вождемъ въ Грецію. Злополучный герой окончательно теряетъ голову—особенно, въ виду любезнаго отношенія къ нему Цезаря, который, цѣня языкъ Цицерона, дѣлаеть ему всевозможные авансы, общаа ему свою вѣчную дружбу и милость. Въ письмахъ, представляющихъ позорный монументъ его безпринципности и малодушія, Цицеронъ изливаеть свою тоску и отчаяніе передъ Аттикомъ, ища у него отвѣта на терзающій его вопросъ: уѣхать ли, или оставаться—пожертвовать ли своимъ имуществомъ и покоемъ, или выбросить за бортъ свои убѣжденія? Онъ приходитъ въ ярость отъ одной мысли объ отъѣздѣ и готовъ проклинать день, когда онъ впервые увидѣлъ свѣтъ. Онъ вооружаеться противъ самого Помпея, поставившаго его своимъ отъѣздомъ въ такое безвыходное положеніе, и обвиняеть его въ безсердечіи къ друзьямъ, въ честолюбивыхъ замыслахъ и даже въ измѣнѣ отечеству!

Послѣ долгихъ колебаній и сомнѣній онъ, наконецъ, принимаетъ рѣшеніе и бросаетъ свой жребій: 7-го іюня 49 г. онъ садится на корабль и уѣзжаеть въ Диррахій, гдѣ онъ нѣкогда жилъ въ изгнаніи и гдѣ теперь находились главныя квартиры помпеянцевъ. Здѣсь проводитъ онъ цѣлый годъ, ничего не дѣлая и ни единымъ движеніемъ не помогая своимъ единомышленникамъ: облаченный въ сенатскую тогу и украшенный вѣнкомъ императора, онъ расхаживалъ, живое воплощеніе мелочности и тщеславія, по печальному лагерю, критикуя дѣйствія начальниковъ и солдатъ, и браня, и ворча на Помпея и на себя. Злополучная Фарсальская битва 9-го августа 48 г., въ которой погибъ цвѣтъ Помпеевой арміи, вывела его, наконецъ, изъ непріятнаго положенія: въ то время, какъ другіе отступаютъ въ Азію, Африку и Испанію съ цѣлью собрать войска и продолжать борьбу, онъ рѣшаеть, что его оппозиція окончилась и что самое лучшее, что онъ можетъ дѣлать, это вернуться въ Италию и просить у побѣдителя прощенія. На-

прасно друзья добромъ и угрозами стараются удержать его: Цицеронъ стоитъ на своемъ и отплываетъ въ Италию, пославъ напередъ Цезарю письмо съ показаніемъ и просьбою о помилованіи.

Такъ въ третій разъ въ своей жизни измѣнилъ Цицеронъ своему знамени. Онъ высадился въ Бриндизи и, едва спасшись отъ руки Марка Антонія, за отсутствіемъ диктатора распорядившагося судьбами страны, принялся ждать отвѣта на свое письмо. Онъ ждалъ такимъ образомъ цѣлыхъ десять мѣсяцевъ, пока въ августѣ 47 г. не получился благоприятный отвѣтъ Цезаря, а вскорѣ затѣмъ прибылъ и онъ самъ. Не зная, какъ быть, Цицеронъ думалъ было выслать ему навстрѣчу своего сына для вѣщаго завѣренія своей покорности; но великодушный побѣдитель предупредилъ его и, лишь только завидѣлъ его издали, сошелъ съ коня, тепло обнялъ его и обѣщаль забыть все прошлое.

Цицеронъ спасъ свою жизнь и имущество, но честь его погибла. Несмотря на многочисленные знаки вниманія со стороны своего новаго господина, онъ провелъ все время его правленія вдали. отъ театра публичной жизни, не имѣя возможности, среди общаго молчанія форума, сената и судовъ, приложить свои ораторскія способности. Онъ жилъ большей частью на своихъ дачахъ, углубленный въ занятія философіей, и лишь изрѣдка пріѣзжалъ въ Римъ, чтобъ засвидѣтельствовать свои вѣрнопоподанническія чувства всеильному диктатору.

Смерть послѣдняго въ мартѣ 44 г. отъ руки аристократическихъ заговорщиковъ вывела его на старую дорогу. Въ заговорѣ онъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, не участвовалъ, но онъ радъ былъ случившемуся, какъ началу новой эры въ жизни Рима. Забывъ великодушіе, съ какимъ третировалъ его Цезарь, онъ въ письмахъ къ друзьямъ превозносилъ Брута и Кассія, какъ великихъ тираноубійцъ и освободителей отечества, достойныхъ стать въ рядъ съ Гармодіемъ и Аристокитономъ — «героями и чуть ли не богами». Онъ восхваляетъ ихъ таланты и гражданское мужество и упрекаетъ ихъ лишь за то, что они «не пригласили его на празднество Идъ» и не сообщили ему обо всемъ заранѣе, чтобъ заручиться его содѣйствіемъ. Онъ мечтаетъ о восстановленіи республиканской конституціи, о возрожденіи сенатскаго авторитета и власти, и льститъ себя надеждою, что теперь, наконецъ, послѣ долгаго перерыва, ему удастся обрѣсть свое прежнее вліаніе и популярность. На засѣданіи сената 17-го марта онъ поздравляетъ своихъ коллегъ со случившимся и произноситъ пышную рѣчь о тиранахъ и о свободѣ, напоминая о подобныхъ случаяхъ въ греческой исторіи и приводя

цитаты изъ греческихъ поэтовъ. Онъ говоритъ о примиреніи обѣихъ партій—республиканской и цезаріанской—и рекомендуетъ объявить амнистію всѣмъ, замѣшаннымъ въ убійствѣ Цезаря, какъ это было сдѣлано въ Афинахъ по изгнанію 30-ти тирановъ. Онъ хочетъ, чтобъ реформы, проведенныя покойнымъ диктаторомъ, остались неприкосновенными, но онъ настаиваетъ вмѣстѣ съ тѣмъ на признаніи заслугъ Брута и Кассія въ дѣлѣ завоеванія правъ римскаго сената и народа.

Рѣчь была выслушана съ восторгомъ и предложеніе принято, но сдѣлка была недолговѣчна: когда черезъ нѣсколько дней, на похоронахъ диктатора, консулъ Антоній показалъ народу окровавленную и пробитую кинжалами мантию Цезаря, требуя мести убійцамъ и всей ихъ аристократической роднѣ, толпа обезумѣла отъ ярости и бросилась къ домамъ заговорщиковъ, намѣреваясь растерзать ихъ въ клочки. Послѣдніе, правда, спаслись, но разрывъ между республиканцами и ихъ противниками былъ формально объявленъ.

Цицеронъ сразу палъ духомъ, но появленіе на сцену Октавіана опять оживило въ немъ надежды. Пріемный сынъ и законный наследникъ Цезаря, этотъ молодой, 19-ти лѣтній, юноша, какъ только услышалъ о смерти отца, появился въ Италіи и, призывая подъ свои знамена цезаревыхъ легионеровъ, потребовалъ у Антонія возвращенія присвоенныхъ имъ бумагъ и казны покойнаго. Желая заручиться содѣйствіемъ республиканцевъ, онъ сталъ усердно ухаживать за сенатомъ и, въ частности, за Цицерономъ, увѣряя ихъ въ своей преданности и называя ихъ отцами. Тщеславный старикъ пришелъ въ восторгъ и дѣятельно принялся защищать его интересы противъ Антонія; но послѣдній принялъ суровыя мѣры, и Цицеронъ сталъ трепетать за свою участь. По обыкновенію своему, онъ начинаетъ мчаться по своимъ вилламъ, ища успокоенія въ философскихъ занятіяхъ, но нигдѣ его не находя. Онъ хочетъ уже ѣхать въ Сирію, но раздумываетъ и ѣдетъ къ сыну въ Аѣны. Онъ садится на корабль въ Бриндизи, объѣзжаетъ своихъ знакомыхъ и переправляется въ Сиракузы, чтобъ оттуда отплыть въ Грецію; но вѣтеръ заноситъ его обратно къ Италійскому берегу, и здѣсь онъ получаетъ извѣстіе о проясненіи политической атмосферы. Полонъ новыхъ надеждъ, онъ немедленно мчится обратно въ Римъ и прибываетъ туда 31-го августа послѣ двухъ мѣсяцевъ героическихъ авантуръ.

Извѣстіе оказалось ложнымъ, и Цицеронъ ввязался въ немедленную борьбу съ Антоніемъ. На другой же день послѣ его пріѣзда консулъ созвалъ сенатъ и пригласилъ злополучнаго Улисса дать

отчетъ въ своемъ поведеніи. Но благоразумный ораторъ не пошелъ, и Антоній, обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ, обозвалъ его въ сенатѣ трусомъ. Онъ уѣхалъ въ тотъ же день въ свою виллу, а на слѣдующій день явился въ сенатъ Цицеронъ и далъ отвѣтъ отсутствующему противнику. То была первая изъ его 14-ти рѣчей противъ Антонія, названныхъ имъ «филиппиками» въ pendant знаменитымъ рѣчамъ Демосоена. Это былъ цѣлый обвинительный актъ, хотя въ довольно приличномъ тонѣ, въ которомъ перечисляются всѣ грѣхи Антонія противъ республики. Сенатъ, столь же храбрый въ отсутствіи консула, какъ и Цицеронъ, остался очень доволенъ; но когда черезъ нѣсколько дней воротился Антоній и сдѣлалъ вторичное нападеніе на оратора, ни одинъ не поднялся съ мѣста, чтобъ защитить послѣдняго, который, какъ и въ первый разъ, почелъ за благоразумное отсутствовать. Цицеронъ удалился въ одну изъ своихъ дальнихъ виллъ и здѣсь въ началѣ октября составляетъ свою знаменитую вторую филиппику—«божественную филиппику», называетъ ее Ювеналь,—въ отвѣтъ на новое нападеніе Антонія. Изобилуя громкими фразами, риторическими украшеніями и невѣрными, подчасъ умышленно искаженными фактами, эта рѣчь, тѣмъ не менѣе, дѣйствительно замѣчательна, благодаря силѣ выраженій, умѣлой аргументаціи, красотѣ формы и интенсивности чувства. Въ ней авторъ дѣлаетъ обзоръ событій со времени смерти Цезаря, восхваляетъ поступокъ Брута и клеймитъ память диктатора. Онъ обращается затѣмъ противъ своего врага Антонія и мечетъ на него весь колчанъ своихъ стрѣлъ, черня его личный характеръ, укоряя за трусость и умаляя его таланты. Онъ обличаетъ его честолюбивые замыслы, обвиняетъ его въ стремленіи къ единовластію и называетъ его врагомъ отечества, противъ котораго должны быть направлены всѣ силы государства.

Цицеронъ однако не рѣшался прочитать эту рѣчь въ сенатѣ въ присутствіи Антонія или издать ее сейчасъ же. Онъ отсылаетъ ее раньше на редижированіе къ Бруту и Аттику, и только спустя мѣсяцъ или полтора, когда Антоній уѣзжаетъ на югъ, чтобъ начать военныя дѣйствія противъ Октавіана, осмѣливается онъ пріѣхать въ Римъ и опубликовать свою рѣчь. Какъ разъ въ это время два Антоніевыхъ легіона взбунтовались и перешли къ его противнику, и сенатъ, воспрянувъ мужествомъ и надеждою, принялъ Цицероново произведеніе съ восторгомъ. Цезаревы ветераны, примкнувшіе къ Октавіану, потребовали немедленнаго объявленія войны Антонію; вновь избранные консулы взяли сторону сената, и Цицеронъ, столпъ республиканской свободы, становится во главѣ движенія, имѣю-

щаго цѣлью свергнуть честолюбца и укрѣпить сенатскій авторитетъ. Вновь, какъ въ былые годы, дѣлается онъ героемъ оптиматовъ; онъ кидается съ мѣста на мѣсто, произноситъ пламенные рѣчи и побуждаетъ народъ къ защитѣ свободы; онъ организуетъ военныя силы, онъ собираетъ матеріальныя средства, онъ восхваляетъ Октавіана—и отовсюду встрѣчаетъ привѣтствія, рукоплесканія и оваціи. Такъ продолжалось вплоть до апрѣля 43 г., когда, наконецъ, послѣ долгихъ попытокъ къ примиренію, сенатъ объявилъ Антонія стоящимъ внѣ закона и послалъ противъ него армію подъ начальствомъ новыхъ консуловъ и Октавіана. 15-го апрѣля Антоній потерялъ одно сраженіе, а 22-го другое, но въ послѣднемъ оба консула были убиты. Вѣсть о первой побѣдѣ прибыла въ Римъ 21-го, и Цицеронъ получилъ такую овацію, какой онъ не получалъ со времени возвращенія своего изъ ссылки. Его пронесли на рукахъ изъ сената въ форумъ, его проводили домой при восторженныхъ кликахъ и вечеромъ весь городъ былъ иллюминированъ въ честь «двухкратнаго спасителя отечества». На слѣдующій день, 22-го, Цицеронъ произнесъ въ сенатѣ свою послѣднюю филиппику, которая вмѣстѣ съ тѣмъ была и его лебединою пѣснейю. Это былъ побѣдоносный гимнъ, полный ликованія, гордости и торжества. Нападковъ въ ней мало: ораторъ требуетъ лишь празднествъ и празднествъ на цѣлыхъ 50 дней, какъ бы послѣ освобожденія отъ иноземнаго врага; онъ предлагаетъ молебствіе въ честь побѣды, онъ рекомендуетъ дать полководцамъ титулъ императоровъ и настаиваетъ на включеніи въ почести и Октавіана, который хотя въ битвѣ и не участвовалъ, но все-таки значительно содѣйствовалъ успѣхамъ войны. Предложеніе было принято съ энтузіазмомъ, но радость сената и Цицерона была недолговѣчна: Антоній, отступивъ отъ Мутины, перешелъ за Альпы и здѣсь, въ трансальпійской Галліи, соединился съ Лепидомъ, тамошнимъ намѣстникомъ, давно уже замышлявшимъ послѣдовать примѣру Цезаря. Извѣстіе объ этомъ 29-го мая поразило Римъ, какъ громомъ: всѣ шансы одолѣть врага сразу рухнули и дни сенатскаго режима были сочтены. Остался одинъ вѣрный слуга республики, на которомъ теперь сосредоточились всѣ надежды—молодой Октавіанъ, и ему-то теперь вручено было главное командованіе надъ силами государства и поручено дальнѣйшее веденіе борьбы. Но и эта опора оказалась ненадежною: Октавіанъ понялъ, что теперь настало время ковать, и отказался повиноваться, пока не получитъ триумфа и другихъ обѣщанныхъ почестей. Сенатъ пришелъ въ ужасъ и въ припадкѣ мужества—увы! неумѣстнаго—рѣшилъ отказать. Тогда Октавіанъ, поддер-

живаемый своими ветеранами, требует консульства, угрожая въ противномъ случаѣ пойти на Римъ и взять должность силою. Отвѣтъ послѣдовалъ двусмысленный, и Октавіанъ, отправивъ довѣренныхъ лицъ къ Антонію и Лепиду для переговоровъ, осаждаютъ столицу и принуждаютъ сенатъ капитулировать и объявить его, 19-ти-лѣтняго юношу, консуломъ.

Такъ пала республиканская свобода, а вмѣстѣ съ нею и сенатскій режимъ. Цезаріанцы восторжествовали и республиканскіе вожди — Брутъ, Кассій, Секстій Помпей и другіе — были заочно осуждены. Октавіанъ, Антоній и Лепидъ составили второй триумvirатъ, и немедленно пошли обычныя проскрипціи и казни. Однимъ изъ первыхъ былъ осужденъ нашъ герой. Плутархъ передаетъ, что Октавіанъ, помня отеческое къ нему отношеніе Цицерона, два дня бился изъ-за него со своими коллегами, но на третій день принужденъ былъ уступить, заполучивъ отъ Лепида голову его брата, а отъ Антонія — его дяди.

Цицеронъ получилъ извѣстіе о готовящейся ему судьбѣ на своей Тускуланской дачѣ, гдѣ онъ жилъ съ нѣкоторыхъ поръ со своимъ братомъ Квинтомъ, готовясь уѣхать въ Македонію къ Бруту. Немедленно они отправились въ носилкахъ въ Астиру, гдѣ у Марка была приморская вилла; но по дорогѣ они спохватились, что у нихъ недостаетъ средствъ для дальнѣйшаго путешествія, и Квинтъ рѣшилъ вернуться за ними въ Римъ. Грустно растались оба брата, какъ бы предчувствуя, что больше не встрѣтятся: подавленные горемъ и отчаяніемъ, они долго рыдали другъ у друга въ объятіяхъ, пока мысль о близкой опасности не заставила ихъ разойтись. Квинтъ отправился въ Римъ, гдѣ сразу былъ узнавъ и убитъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, а Маркъ успѣлъ прибыть въ Астиру и берегомъ пробраться въ Цирцею, откуда ему надлежало отчалить. Но здѣсь начались его обычныя колебанія и муки: онъ то хочетъ возвращаться, то готовится отплыть и, наконецъ, рѣшаетъ вернуться и хлопотать о помилованіи. Онъ оставляетъ морской берегъ, идетъ по направленію къ Риму, проходитъ нѣсколько миль — и поворачиваетъ обратно къ Цирцеѣ. Измученный и усталый, проводитъ онъ здѣсь бессонную и тревожную ночь и поутру рѣшаетъ окончательно отплыть. Но не успѣваетъ лодка отчалить, какъ онъ раздумываетъ, высаживается вновь и велитъ нести его въ его Фурмійскую виллу. Отупѣвъ отъ усталости и душевныхъ страданій, онъ рѣшается здѣсь переночевать; однако слуги его, узнавъ о близости убійцъ, насильно усаживаютъ его въ носилки и несутъ опять къ морскому берегу. Но было уже поздно: убійцы подъ начальствомъ Папилія,

котораго Цицеронъ нѣкогда защитилъ отъ обвиненія въ отцеубійствѣ, вломились въ домъ и, не найдя никого, бросаются по указаніямъ одного изъ рабовъ вслѣдъ за бѣглецомъ. Они настигаютъ его недалеко отъ берега. Видя бесполезность дальнѣйшихъ усилій, Цицеронъ съ мужествомъ загнаннаго звѣря приказываетъ поставить носилки на землю и, приложивъ по своему обыкновенію руку къ подбородку, высунулся изъ-за занавѣсокъ и посмотрѣлъ своимъ палачамъ въ глаза. Пораженные его жалкимъ лицомъ, его безумнымъ взглядомъ, они долго не рѣшались исполнить приговоръ, пока одинъ изъ нихъ, Геранній, не собрался съ духомъ и не нанесъ несчастному рокового удара. Это было 7-го декабря 43 г. Цицерону отсѣкли голову и руки и отослали въ Римъ, и мстительный Антоній пригвоздилъ ихъ къ той самой рострѣ, съ которой ораторъ нѣкогда волновалъ слушателей своимъ блестящимъ краснорѣчіемъ.

Цицеронъ умеръ такъ же, какъ и жилъ: нерѣшительно и трусливо. Черезъ всю его жизненную карьеру проходитъ красною нитью эта нерѣшительность, этотъ недостатокъ мужества смотрѣть судьбѣ прямо въ лицо и переносить несчастія со спокойствіемъ чловѣка долга и силы. Отправляясь-ли въ изгнаніе или въ свою провинцію, готовясь ли послѣдовать за своимъ вождемъ или встрѣтить смерть, — неизмѣнно обнаруживаетъ онъ шаткость въ намѣреніяхъ и малодушіе въ поступкахъ, недостойныхъ чловѣка и общественнаго дѣятеля. Конечно, это былъ недостатокъ въ его личномъ характерѣ, тѣмъ не менѣе многое, безспорно, опредѣлялось еще и его принадлежностью къ тогдашней буржуазіи съ ея привязанностью къ собственности, съ ея непостоянствомъ въ политикѣ, съ ея готовностью пожертвовать всѣмъ ради матеріальнаго покоя и комфорта...

Отмѣтимъ теперь общій характеръ его частной жизни. Чловѣкъ, одаренный отъ природы богатыми способностями, живымъ воображеніемъ и чувствительнымъ сердцемъ, Цицеронъ къ тому еще стоялъ на вершинѣ культуры своего времени, обладая большинствомъ извѣстныхъ тогда знаній и отличаясь изяществомъ манеръ и вкуса. Онъ былъ, безъ сомнѣнія, душою общества: тщеславный и малодушный, онъ однако подкупалъ всѣхъ, знавшихъ его, своей откровенностью, добродушіемъ, тактомъ и лойальностью въ своихъ личныхъ привязанностяхъ. Деликатность его обращенія, остроуміе его рѣчи, готовность его всегда помочь друзьямъ и знакомымъ — все это привлекало къ нему сердца современниковъ, начиная отъ его вольноотпущенниковъ и кончая Аттикомъ и Цезаремъ. Его семейная жизнь, не въ примѣръ семейной жизни другихъ, была безупречна: онъ нѣжно любилъ свою жену, своихъ дѣтей и другихъ.

членовъ фамиліи. Въ нихъ находилъ онъ успокоеніе отъ тревогъ публичной дѣятельности, съ ними дѣлилъ онъ свои радости и свои страданія и имъ посвящалъ онъ задушевные свои мечты и надежды. Къ сожалѣнію, это счастье было подъ конецъ его жизни сильно омрачено. Прежде всего онъ лишается своей любимой дочери Тулліи, въ заботахъ о которой онъ проводитъ всю свою жизнь: она была чрезвычайно несчастна въ своемъ трехкратномъ замужествѣ, и, когда въ 45 г. она умираетъ, горю Цицерона нѣтъ предѣловъ. Затѣмъ онъ принужденъ развестись съ своей женою Теренціей послѣ двадцати слишкомъ лѣтъ вѣрнаго сожителства: причины этого шага намъ не вполне извѣстны, но есть основаніе думать, что Теренція подъ старость обнаружила такую сварливость и вмѣстѣ съ тѣмъ склонность къ мотовству, что жить съ нею дольше стало слабохарактерному Цицерону не въ моготу. Онъ женится немедленно послѣ этого на своей богатой воспитанницѣ Публиліи, но и съ нею онъ принужденъ вскорѣ разойтись за то, что она чернила память Тулліи. Единственный его сынъ также не оправдалъ его надеждъ: бездарный и безнравственный, способный исключительно на кутежи и развратъ, онъ ничѣмъ не отличился въ жизни, кромѣ какъ черною неблагодарностью къ отцу, котораго онъ не усомнился оклеветать передъ Цезаремъ въ надеждѣ самому снискать его расположеніе. Цицеронъ въ послѣдній годъ своей жизни остается одинокимъ, и одинокій же умираетъ, не имѣя даже кому послать свой прощальный привѣтъ.

Въ заключеніе намъ необходимо взглянуть на его литературную дѣятельность. Она была обширна: Цицеронъ работалъ всю свою жизнь съ рѣдкою неутомимостью и оставилъ послѣ себя, кромѣ огромной переписки, болѣе 100 рѣчей и многочисленные трактаты философскаго, политическаго и смѣшаннаго содержанія. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ эти сочиненія дошли до насъ: изъ рѣчей его, напр., только 57 сохранились въ цѣлости, а изъ остальныхъ дошли либо отрывки, либо одни заголовки. Точно такъ-же обстоитъ и съ его трактатами: самые важные изъ нихъ, какъ «Республика» и «Законы», изобилуютъ пропусками, извращеніями и другими изъянами. Тѣмъ не менѣе и того, что до насъ дошло, достаточно, чтобъ установить репутацію Цицерона, какъ самаго блестящаго изъ римскихъ ораторовъ и писателей. Его рѣчи, по большей части дѣйствительно произнесенныя, но всегда редижированныя, распадаются, естественно, на два отдѣла—судебныя и политическія, и лучшими изъ нихъ признаются: пять рѣчей противъ Верреса, четыре—противъ Катилины, всѣ филиппики, а особенно 2-ая, и, наконецъ, знаме-

аятая рѣчь въ защиту Милона, его шедевръ. Намъ завело бы слишкомъ далеко, еслибы мы вздумали подробно разсматривать ихъ; достаточно указать, что каждая изъ нихъ представляетъ перлъ римскаго краснорѣчія какъ по формѣ, такъ и по содержанію. Безъ сомнѣнія, Цицеронъ далеко уступалъ Демосѣену въ серьезности и глубинѣ чувства, въ обиліи идей, въ искренности намѣреній; онъ нерѣдко замѣняетъ пафосъ риторикою и прикрываетъ скудость и убожество мысли потокомъ звонкихъ словъ; все же онъ недосыгаемо высокъ въ разнообразіи содержанія, въ блескѣ формы, въ мѣткости фразировки и изяществѣ стили. Онъ обнаруживаетъ необычайную гибкость и находчивость ума, соединенную съ живою памятью и неисчислимымъ богатствомъ выраженій, и обладая къ тому еще звучнымъ, тонко-модулирующимъ голосомъ, равно какъ и импозантной фигурою, долженъ былъ оказывать на слушателей сильное впечатлѣніе. До насъ дошло много анекдотовъ, рисующихъ власть его слова, и для иллюстраціи приведемъ два изъ нихъ. Нѣкій Маркъ Оттонъ сильно раздражилъ противъ себя народъ, предложивъ отвести всадническому сословію отдѣльныя отъ остальной публики мѣста на публичныхъ зрѣлищахъ; когда онъ появился однажды въ театрѣ, онъ былъ встрѣченъ такимъ шиканьемъ и даже угрозами, что принужденъ былъ спастись бѣгствомъ. На помощь ему подоспѣлъ Цицеронъ и, вызвавши народъ къ сосѣднему храму, произнесъ такую блестящую рѣчь, что народъ мгновенно перемѣнилъ настроеніе и привѣтствовалъ Оттона рукоплесканіями. Въ другой разъ, значительно позднѣе, когда Цезарь былъ уже диктаторомъ, Цицеронъ вздумалъ защищать передъ нимъ помпейца Лигарія, котораго владыка Рима осудилъ уже заранѣе. Узнавъ объ этомъ, Цезарь добродушно замѣтилъ: «что же, отчего и не доставить себѣ давно неиспытаннаго удовольствія—послушать Цицерона, когда я уже составилъ себѣ мнѣніе о Лигаріи, какъ о дурномъ человѣкѣ и врагѣ?» Но слушать Цицерона было то же, что слушать Сирену: рѣчь была такъ патетична, исполнена такой прелести, что диктаторъ былъ тронутъ. Лигарій былъ прощенъ за тѣмъ, чтобъ скорѣе послѣ этого сдѣлаться однимъ изъ заговорщиковъ 15-го марта.

25 лѣтъ послѣ выступленія Цицерона на публичное поприще въ качествѣ адвоката начинается его писательская дѣятельность въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Живой, впечатлительный и безпокойный, нигдѣ не чувствовавшій себя лучше, нежели передъ толпою рукоплещущихъ слушателей, онъ, казалось, былъ менѣе всего пригоденъ къ созерцательной жизни философа и писателя;

тѣмъ не менѣе онъ много занимался и писалъ, всякій разъ какъ политическій горизонтъ заволакивался тучами и публичная дѣятельность становилась опасною. Такъ напр., его «Ораторъ», «Республика» и «Законы» выходятъ въ 55-мъ, 54-мъ и 52-мъ гг. соответственно, когда господство триумвировъ отняло у него возможность заниматься политикою, а его «Парадоксы», «О верховномъ благѣ и злѣ», «Академическіе вопросы», «Тускуланскія бесѣды», «Объ обязанностяхъ», и мн. др.—въ два года диктатуры Цезаря.

Цицеронъ далеко не отличался оригинальнымъ умомъ и его знанія были скорѣе обширны, нежели глубоки. Эклектикъ со стоическими симпатіями въ этикѣ и нео-академическими—въ политическомъ и общемъ міросозерцаніи, онъ не далъ ни одной мысли, которая обогатила бы сумму нашихъ идей. Тѣмъ не менѣе было бы неумѣстно, да и невеликодушно осуждать его за это отсутствіе оригинальности, какъ это дѣлаютъ многіе: Цицеронъ никогда не имѣлъ притязаній на самостоятельность и никогда не ставилъ себѣ задачею дать міру новую философскую систему; онъ хотѣлъ лишь ознакомить своихъ современниковъ съ тѣми результатами работы мысли, которые были добыты въ Греціи—этой мастерской идей древности. Въ предѣлахъ *этой* задачи,—правда скромной, но чрезвычайно полезной,—онъ успѣлъ въ совершенствѣ,—въ такомъ совершенствѣ, что и по-нынѣ его труды представляютъ неистощимый источникъ свѣдѣній для ознакомленія съ философскою мыслью античнаго міра во всѣхъ ея направленіяхъ и школахъ. Для того же времени они были просто неоцѣнимы: за исключеніемъ поэмы Лукреція и немногихъ незначительныхъ популяризацій эпикурейской системы, въ римской литературѣ не существовало ничего, что могло бы ознакомить средняго интеллигента съ проблемами философіи и науки: онъ принужденъ былъ для этого изучать греческій языкъ и прибѣгать къ устному изложенію греческихъ учителей. Сочиненія Цицерона были первыми въ своемъ родѣ и, благодаря изящной формѣ, легкому языку, прекрасному вкусу и необычайной живости въ расположеніи матеріала, они скоро сдѣлались настольными книгами для каждаго образованнаго человѣка того времени. Конечно, они не свободны отъ недостатковъ и подчасъ даже очень и очень крупныхъ: мысль не глубока, знанія не точны, діалогическая форма нерѣдко безжизненна; но даже и съ этими изъянами они оказали блестящую услугу наукѣ и образованію. Не слѣдуетъ также забывать, что языкъ, которымъ они написаны, есть лучшій образецъ латинской рѣчи, какой только до насъ до-

шелъ: Цицеронъ былъ истинный и, можно сказать, единственный творецъ латинскаго языка, который навѣки остался неподражаемымъ. Онъ обогатилъ лексиконъ и грамматику безчисленными словами и формами, онъ придалъ языку необычайную точность, гибкость и вмѣстѣ съ тѣмъ энергію, и изъ неуклюжаго, тяжелаго, неповоротливаго орудія, которымъ пользовался напр. Лукрецій, онъ выковалъ тонкую, острую рапиру, которая проникала въ тончайшіе изгибы мысли.

Излагать содержаніе его сочиненій, хотя бы главныхъ, у насъ нѣтъ никакой возможности за недостаткомъ мѣста; но мы вкратцѣ отмѣтимъ основныя мысли лучшаго и наиболѣе цѣннаго изъ его трактатовъ—«Республики». Написанъ онъ, какъ можно догадаться по заглавію, въ подражаніе Платону, и хотя дошелъ до насъ въ весьма неполномъ видѣ, все же представляетъ большой интересъ, какъ изложеніе политико-философскихъ взглядовъ того вѣка. Основанный какъ на Платонѣ, такъ и на другихъ политическихъ мыслителяхъ древности, какъ напр. Аристотелѣ, Полибій, Панэція, этотъ трактатъ распадается на 6 книгъ, изъ которыхъ одна дошла до насъ лишь треть: въ I рѣчь идетъ о природѣ и формахъ государства, во II—излагается идеализованная конституція Рима, какъ образецъ совершеннаго государства, въ III—трактуются о справедливости въ политическомъ обществѣ; содержаніе IV и V намъ неизвѣстно, а VI содержитъ сонъ Сципіона о загробной жизни. Форма изложенія діалогическая, и хотя авторъ нигдѣ не приходитъ къ опредѣленнымъ выводамъ, все же онъ довольно ясно выражаетъ свои симпатіи съ центральной фігурою разговоровъ—Сципіономъ. Цицеронъ начинаетъ свою рѣчь съ того, что наиболѣе важная сторона человѣческой личности и дѣятельности—гражданская, ибо на свѣтѣ нѣтъ ничего выше и священнѣе политическаго общества, въ которомъ каждый изъ насъ рождается: ему мы должны посвятить всѣ свои помыслы и труды, оставляя для себя лично только тотъ досугъ, который остается послѣ выполнения своихъ гражданскихъ обязанностей. «Ни въ чемъ—говоритъ онъ—человѣческая добродѣтель такъ близко не подходитъ къ божественной святости, какъ въ дѣлѣ основанія новыхъ государствъ и служенія старымъ». Естественно, что тѣ, которые освобождаютъ философа отъ занятія общественными дѣлами, глубоко ошибаются, равно какъ и тѣ, которые посвящаютъ себя теоретическимъ вопросамъ, неимѣющимъ ничего общаго съ проблемами политической жизни. Но что есть государство? Устами Сципіона Цицеронъ отвѣчаетъ: «государство (*res publica*) есть общее дѣло народа (*res populi*), но народа въ смыслѣ не

случайно собравшейся толпы, а общества, связаннаго единствомъ права и пользы», или, какъ короче въ другомъ мѣстѣ: «государство есть соучастіе въ правѣ». Общество возникаетъ не вслѣдствіе самонедостаточности индивида, какъ думалъ Платонъ, а въ силу естественнаго духа общенія, присущаго людямъ. Они собираются въ одно мѣсто, основываютъ города и назначаютъ въ обезпеченіе своего существованія гражданское правительство. Оно можетъ быть различныхъ типовъ: одноличное — монархическое, олигархическое — аристократическое, народное — демократическое, и смѣшанное — изъ всѣхъ общественныхъ элементовъ. Каждое изъ нихъ совершенно въ своемъ родѣ, если выполняетъ свое назначеніе, и несовершенно, если не выполняетъ его. Здѣсь каждое изъ дѣйствующихъ лицъ діалога защищаетъ ту или другую форму правленія и указываетъ на ея преимущества надъ другими; но всѣ они, повидимому, согласны въ томъ, что носителемъ державности долженъ быть народъ самъ: «если — говорятъ они — законъ есть связь, объединяющая во едино общество, и справедливость закона есть равенство передъ нимъ, то какимъ образомъ общество можетъ существовать безъ равенства въ положеніяхъ (юридическихъ)? Если невозможно равенство въ имуществѣхъ и талантахъ, то пусть хоть существуетъ равенство въ правахъ тѣхъ, кто составляетъ гражданское населеніе государства, — ибо что такое государство, какъ не ассоціація правъ?»

Переходя затѣмъ отъ теоріи къ практикѣ, Циціонъ, т. е. Цицеронъ, рисуетъ, основываясь на римской исторіи, картину того, какъ должно сложиться и расти идеальное государство. Римъ былъ основанъ на устьяхъ могучей рѣки, дабы соединить всѣ преимущества приморскаго и внутренняго городовъ, избѣгая вмѣстѣ съ тѣмъ недостатковъ cadaго изъ нихъ: онъ привлекъ къ себѣ многочисленное населеніе со всѣхъ концовъ свѣта и сдѣлался важнымъ торговымъ пунктомъ, свободный отъ вліянія чужеземныхъ обычаевъ и нравственнаго растлѣнія, которымъ такъ неизбѣжно поддаются приморскіе города. Власть принадлежитъ царю, но цари должны избираться народомъ и обосновывать свои притязанія не на происхожденіи, а на личномъ достоинствѣ. Граждане раздѣлены на классы по цензу такъ, что голоса не у большинства, а у людей, имѣющихъ собственность: этимъ предотвращается возможность злоупотребленій, часто проистекающихъ изъ того, что наибольшее число имѣетъ и наибольшее значеніе. Касаясь затѣмъ революціоннаго возстанія Люція Брута противъ Тарквинія Гордаго, Циціонъ прекрасно говоритъ: «хотя онъ и былъ частное лицо, но онъ выручилъ все государство изъ бѣды: онъ первый научилъ римскій на-

родъ тому, что никто не есть частный человекъ, когда дѣло касается гражданской свободы—*primumque in hac civitate docuit, in conservanda civium libertate esse privatam neminem*». Въ заключеніе дошедшихъ до насъ отрывковъ Сципіонъ развиваетъ ученіе стоиковъ о естественномъ правѣ, какъ объ основѣ и источникѣ гражданского и публичнаго права: «истинный законъ есть истинный разумъ, согласный съ природой—всеобщій, неизмѣнный и вѣчный... Этому закону не можетъ противостоять никакой другой, и онъ не подлежитъ ни сокращенію, ни отмѣненію. Ни сенатъ, ни народъ не могутъ даровать изъятіе изъ этого всеобщаго закона... Онъ не требуетъ другого истолкователя, кромѣ нашей собственной совѣсти. Онъ—одинъ и тотъ же, нетлѣнный и вѣчный, въ Римѣ какъ въ Афинахъ, сегодня какъ завтра—неизмѣнный и всеобщій повсюду и всегда... Онъ—владыка всего существующаго. Самъ Богъ—его творецъ, его возвѣститель, его хранитель. И тотъ, кто этому закону не повинуется, отказывается тѣмъ отъ самого себя и насилуетъ человѣческую природу: его постигаютъ жесточайшія наказанія даже тогда, когда ему удастся избѣжать всего того, что обыкновенно почитается за наказаніе»...

Здѣсь, къ сожалѣнію, обрываются дошедшія до насъ три книги «Республики». Мы не можемъ входить въ разборъ вышеизложенныхъ взглядовъ; но несомнѣнно, что большинство ихъ дышетъ тѣмъ высокимъ сознаніемъ гражданского долга, которое лежало въ основѣ всего развитія соціальнаго организма римской республики въ лучшіе періоды ея жизни. Самъ Цицеронъ, какъ мы видѣли, далеко не всегда проводилъ ихъ въ жизнь, но это нисколько не мѣшаетъ его сочиненію остаться навсегда стимуломъ къ полезной дѣятельности на пользу ближняго и всего общества.

—<> К О Н Е Ц Ъ . <>—

Р
М